

ISSN 2218-5488

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Выпуск 28/29

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

28/29

ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

SEC «Middle East studies»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editors A.V. Gladyshev

Based in 2010 year

ISSUE 28/29

Saratov State University
2024

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладьшева

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 28/29

Саратовский государственный университет
2024

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / Под ред.
А.В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. – Вып. 28/29. – 228 с.

В представленном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической науки.

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *И.В. Крючков*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.С. Еремин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор С.Ю. Монахов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

Макаров С.В. (Саратов).

Метод социоматериальной матришки 11

Калашников М.В. (Саратов).

Понятие «либерализм» в дискурсивных практиках петрашевцев
(из истории русского общественного сознания 1840-х гг.)..... 25

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

Полукеева К.В. (Москва).

Дискуссии о будущей форме правления во французской публици-
стике эпохи Термидора 51

Козлова Д.Ю. (Саратов).

«Скитальцы Европы». Французские эмигранты глазами Гувернера
Морриса..... 64

Белюсов С.В., Магомедханов В.М. (Москва).

Освобождение Европы от нацизма: войска НКВД в боях за Белград
(к 80-й годовщине освобождения столицы Сербии города Бел-
града). 74

Магомедханов В.М. (Москва).

История ОМСБОН: командир отряда специального назначения
«Олимп» (К 80-Й годовщине присвоения звания Героя Советского
Союза В.А. Карасеву). 82

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

Кочуков С.А. (Саратов).

Журнал «Братская помощь»: печатный орган благотворительности
в Саратове (1888-1893) 95

Майорова А.С. (Саратов).

Народная память и ее интерпретации в трудах саратовских исто-
риков XIX в. 103

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Зверев К.А. (Кострома).

Прибалтийская политика памяти и Холокост. 117

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

Кочукова О.В. (Саратов).

Визуальная репрезентация русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. в творчестве В.В. Верещагина: особенности историко-культурного контекста. 124

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМНЫЕ ВОСПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Богомолов С.А. (Ульяновск).

Сражение при Конье 21 декабря 1832 года: кульминация османско-египетского противостояния..... 142

ПУБЛИКАЦИИ

Никулин М.В., Менякин И.Ю. (Саратов).

«Я живу, нельзя сказать, по-прежнему, ведь и на войне бывает не все одинаково...». Великая Отечественная война и послевоенное восстановление в письмах Ю.И. Менякина 159

Пинчук Ю.С. (Салехард).

Завтра была война... (из воспоминаний Ю.Я. Пинчука)..... 172

Кац В.И. (Саратов).

«Время-то еще другое было...»: из беседы В.И. Каца с А.В. Гладышевным и В.А. Митрохиным 181

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Гладышев А.В. (Саратов).

Имагология, травелогии и русофобия. (О книге Н.И. Храпунова «Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в.») 195

Искюль С.Н. (Санкт-Петербург).

Новые издания по истории дипломатии: о книге Н.И. Ивановой «Немцы на дипломатической службе в Российской империи»... 208

Языкова Е.А. (Саратов).

Роберт Саути и эпоха романтизма: взгляд англоязычных историков XXI в. 218

Список аббревиатур и сокращений 225

CONTENTS

HISTORICAL MEMORY: THE PROBLEMS OF THEORY AND THE QUESTIONS OF PRACTICE

Makarov S.V. (Saratov).

The socio-material matryoshka method..... 11

Kalashnikov M.V. (Saratov).

The concept of liberalism in the discourse practices of the Petrashevsky circle (from the history of the 1840S Russia's public consciousness)... 25

THE MEMORY ABOUT CONFLICT OR THE CONFLICTS OF MEMORY

Polukeeva K.V. (Moscow).

Discussions on the future form of government among French publicists of the Thermidorian period... .. 51

Kozlova D.Y. (Saratov).

«Wanderers of Europe». French emigrants through the eyes of Gouverneur Morris... .. 64

Belousov S.V., Magomedkhanov V.M. (Moscow).

Liberation of Europe from nazism: NKVD troops in the battle for Belgrade (to mark the 80th anniversary of the liberation of Belgrade, the capital of Serbia)... .. 74

Magomedkhanov V.M. (Moscow).

History of the OMSBON: commander of the Olympus special forces unit (dedicated to the 80th anniversary of awarding the title of Hero of the Soviet Union to V.A. Karasev) 82

HISTORICAL MEMORY AND «LOCAL HISTORY»

Kochukov S.A. (Saratov).

Magazine «Brotherly help»: printed organ of charity in Saratov (1888 - 1893)..... 95

Maierova A.S. (Saratov).

People's memory and its interpretations in the works of Saratov historians of the XIX century 103

HISTORY, POWER, AND MASS CONSCIOUSNESS

Zverev K.A. (Kostroma).

Baltic politics of memory and the Holocaust... 117

IMAGES OF HISTORICAL EVENTS IN LITERATURE, PAINTING, CINEMA

Kochukova O.V. (Saratov).

Visual representation of the Russian-turkish war of 1877-1878 in the works of V.V. Vereshchagin: features of the historical and cultural context..... 124

WEST ON EAST, EAST ON WEST: CROSS-CULTURAL RELATIONSHIPS, MUTUAL PERCEPTION AND HISTORICAL MEMORY

Bogomolov S.A. (Ulyanovsk).

Battle to the Konya on december 21, 1832: the culmination of the ottoman-egyptian confrontation..... 142

PUBLICATIONS

Nikulin M.V., Menyakin I.Yu. (Saratov).

«I live, one cannot say, still, because not everything is the same in war...». The Great Patriotic war and post-war reconstruction in the letters of Yu.I. Menyakin..... 159

Pinchuk Y.S. (Salekhard).

Tomorrow there was a war... (from the memoirs of Yu.Ya. Pinchuk)... 172

Katz V.I. (Saratov).

«The times were different...»: from a conversation between V.I. Katz with A.V. Gladyshev and V.A. Mitrokhin..... 181

SURVEYS, REVIEWS, ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

Gladyshev A.V. (Saratov).

Imagology, travelogues and russophobia. (About the book by N.I. Khrapunov «English travelers and Crimea. The end of the 18th – the first third of the 19th century»)..... 195

Iskioul S.N. (Saint-Petersburg).

New publications on the history of diplomacy: about the book by N.I. Ivanova «Germans in the diplomatic service in the Russian empire»... .. 208

Yazykova E.A. (Saratov).

Robert Southey and the Age of romanticism: the view of english-speaking historians of the XXI century..... 218

The list of abbreviations and reductions 225

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

УДК 930.2

МЕТОД СОЦИОМАТЕРИАЛЬНОЙ МАТРЁШКИ¹

Макаров С.В.²

Саратовский Земский философский клуб
e-mail: opt@autoshtamp.ru

Аннотация. Наблюдения за поисками национальной идеи России и дискуссиями вокруг этого вопроса привели автора к пониманию необходимости принципиально нового подхода. В качестве такового предлагается «социоматериальная матрёшка», основанная на синтезе сложно-системного, управленческого и проектного подходов. Мир представлен как иерархические фракталоподобные (устроенные по принципу фрактального множества) социоматериальные системы. Социоматериальные системы матрёшки в условиях усиления внутренних и внешних вызовов находятся в ситуации неустойчивости, в «состоянии перехода». С помощью синергетики, в частности, положения о взаимодействии параметров порядка разных уровней рассматриваются пути развития России. Сделан вывод, что социоматериальные системы чаще стабильны, когда в рамках суперэтнуса, государства, цивилизации и полицивилизации «контрольный пакет» находится у системообразующего этноса при равенстве прав и обязанностей для всех без исключения этносов, поэтому без великороссов проект будущего России ущербен. С помощью «матрёшки стратегий» определены насущные задачи русско-российского народа.

Ключевые слова: Национальная идея, великорусский народ, синергетика, фрактал, социоматериальные системы, будущее России.

THE SOCIO-MATERIAL MATRYOSHKA METHOD

Makarov S.V.

(Saratov, Russia)
e-mail: opt@autoshtamp.ru

Annotation. Observations of the search for a national idea of Russia and discussions around this issue led the author to understand the need for a fundamentally new approach. As such, a «sociomaterial nesting doll» is proposed, based on the synthesis of complex-system, managerial and

¹ Доклад представлен на заседании Саратовского Земского философского клуба 02.11.2023 г. Начало дискуссии см.: Сухарев И.Г. О применении фракталов в гуманитарных науках // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2023. – Вып. 26. С. 9-26.

² Макаров Сергей Васильевич, эксперт Саратовского Земского философского клуба.

project approaches. The world is presented as hierarchical fractal-like (arranged according to the principle of a fractal set) sociomaterial systems. Sociomaterial systems of the nesting doll in the conditions of increasing internal and external challenges are in a situation of instability, in a «state of transition». With the help of synergetics, in particular, the interaction of order parameters of different levels, the paths of Russia's development are considered. It is concluded that sociomaterial systems are more often stable when, within the framework of a superethnos, state, civilization and polycivilization, the «controlling stake» is in the hands of the system-forming ethnic group with equal rights and responsibilities for all ethnic groups without exception, therefore, without the Great Russians, the project of Russia's future is flawed. With the help of the «nesting doll of strategies», the urgent tasks of the Russian-Russian people are determined.

Key words: National idea, Great Russian people, synergetics, fractal, socio-material systems, the future of Russia.

Метод социоматериальной матрешки разработан нами в процессе решения задачи поиска национальной идеи России. Длительные размышления позволили сделать вывод о том, что в рамках господствующих научных парадигм ответа не найти. Нужен новый подход.

В процессе поиска мы использовали системный подход, управленческий подход из теории корпоративного управления, проектный подход, идеи русских и советских философов и геополитиков. В ходе работы наш проект постоянно менял названия: «Русский проект», «Русский проект для Евразии и всего мира» и т.д., что свидетельствовало о главном – он был неработоспособен, в нём был какой-то изъян. И не только у нас – у всех! Этим изъяном была детерминанта выбора одной идеи из множества других, притом, что все они за многие десятилетия проработаны достаточно хорошо.

К тому же, по умолчанию, всегда оставался вопрос: а, как дальше жить в современном глобальном мире? И здесь нам на помощь пришла синергетика как наука о сложных самоорганизующихся системах и концепт «социоматериальных систем» Бруно Латура. Был сделан вывод, что выбирать одну, пусть и системообразующую, идею из множества других непродуктивно. Каждый человек должен иметь иерархию целей (идей – аттракторов), в том числе национальную. Каждый из нас должен осознавать себя одновременно и личностью, и членом семьи и рода, и представителем своего этноса, государства, и представителем своей цивилизации, затем полицивилизации, и, в конце концов, человеком мира. Матрёшка у каждого человека своя, но только за исключением 7-ого уровня – единой мировой цивилизации (об этих уровнях речь пойдет ниже). Тут же родилось название: «Русско-российская социоматериальная матрёшка».

В процессе анализа опыта социальной стратификации общества стало понятно, что обычно 3-й уровень матрёшки и даёт ей в целом название. Поскольку на территории России важна этническая стратификация, то, исходя из понимания государствообразующего народа, наша матрёшка получила следующее общее название: «Великорусская социоматериальная матрёшка. Проектный подход к будущему». К этому названию автор пришел в одном из геополитических центров мира – Стамбуле. Глядя на Босфор из окна гостиницы в старой части города, находясь в некотором состоянии философской нирваны, я понял, что последний пазл найден, части проекта не противоречат друг другу, а наши желаемые и возможные цели определены. В итоге из идеи родилась книга с аналогичным названием³.

Одним из методов описания форм и процессов является метод фракталов – самоподобных структур (фрактальная аналогия). Простейший пример – ветки и листья деревьев, где фрактал-процесс проявляется в делении ветвей на более мелкие ветки. Так как этот процесс идёт во времени, то, по мнению Л.Б. Борисовой, его можно рассматривать как материализацию соответствующего фрактала времени: «Фрактал времени есть бесконечность, а материализация – это проецирование бесконечности на миры разной мерности (измерений)»⁴. Для социоматериальных систем вместо понятия «фрактал» точнее использовать понятие «фракталоподобный» так, как это сделал М.В. Слипенчук, выдвинув гипотезу о приблизительной фрактальности сложно устроенной экономики⁵.

Кстати, дерево очень похоже на строение бронхов человека, но надеюсь, никому не придётся рассматривать их вместе как фрактал, так как фрактальное множество – это самоподобные части одного фрактала, а не 2-х нестрого аналогичных объектов. Этот метод – в пределах новой математики – фрактальное подобие геометрии природы с её вероятностным характером, а не математики Евклида или Ньютона. Идеи и концепции тоже часто выстраиваются в виде концептуальных

³ Макаров С.В. Великорусская социоматериальная матрёшка. Проектный подход к будущему. М., 2022.

⁴ Борисова Л.Б. Фрактальность мира как проявления закона аналогий // Дельфис. Культурно-просветительский журнал. 2014. – [Электронный ресурс] // <http://www.delphis.ru/journal/article/fraktalnost-mira-kak-proyavlenie-zakona-analogii> (Дата обращения: 21.09.2024).

⁵ Слипенчук М.В. Интеграция нового экономического пространства России: глобальный, корпоративный и региональный аспекты. Автореф. дисс. д. эконом. наук. М., 2009.

фракталов: возможно, всё, а не только человек, создано по образу и подобию великого трансцендентного начала (Бога).

Уже после выхода в свет вышеуказанной книги «Великорусская социоматериальная матрёшка» стало ясно, что этот метод можно применять и для исследования прошлого.

Объединим метод социоматериальной матрёшки с корпоративным методом, используемым для анализа каждого из её уровней. Уровнем мы называем вложение друг в друга матрёшек, начиная с малой. Если помнить о том, что все системы матрёшки (уровни) двигаются по шкале времени, по периодам, циклам, волнам, ритмам своей динамической эволюции (хотя в целом, возможно, имеет место «...вращение пространства относительно оси времени, а не вращение пространственных фигур относительно пространственных осей»⁶), то в целом мы получаем систему координат для человека – внутреннего и одновременно внешнего наблюдателя, который является самой малой матрёшкой. (Материализацию фрактала времени в матрёшке мы не будем здесь затрагивать).

Уточним понимание метода социоматериальной матрёшки. Метод матрёшки – это познание окружающего нас мира посредством его декомпозиции в группу иерархических фракталоподобных (устроенных по принципу фрактального множества) социоматериальных систем, окружающих человека, представленных в образе матрёшки, с целью изучения прошлого и разработки проектов будущего, их развития на основе социологических подходов при главенстве социосинергетического.

Человек и его социоматериальные системы (метод «матрёшки»)⁷

Уровни матрёшки	Социоматериальные системы (матрёшки)
7	Земная цивилизация как синтез человечества, природы и космоса
6	Полицивилизация
5	Локальная цивилизация
4	Государство
3	Объединение по базовой общности
2	Семья и род

⁶ Зельманов А.Л. Хронометрические инварианты и сопутствующие координаты в общей теории относительности // Доклады АН СССР. 1956. Т. 107. С. 815.

⁷ Макаров С.В. Указ. соч. С. 67.

1	Человек
---	---------

Здесь следует отметить, что место полицивилизации могут занимать международные экономические интеграционные объединения. Для анализа каждого уровня матрешки применяется методика из теории и практики корпоративного управления социоматериальных систем.

Схема типового проекта развития корпорации⁸

Видение	Ключевые ценности, убеждения и верования Предназначение Миссия
Стратегия в целом	Границы, организационная структура управления, ресурсы, риски SWOT-анализ (сильные стороны, слабые стороны, возможности, угрозы) Цели Стратегии: коллективные, общие, функциональные
Тактика	Конкретные действия для исполнения стратегий
Обратная связь	Коррекция миссии, целей, задач

Матрешка помогает в принятии сложных решений. Сначала выделяется главный параметр в каждой системе. Затем через борьбу этих параметров порядка выделяется главный вызов для человека, который становится управляющим, на который тот должен дать свой ответ. Эти вызовы для человека весьма разнообразны.

Социоматериальные системы матрешки в условиях усиления внутренних и внешних вызовов находятся в ситуации неустойчивости, в «состоянии перехода». Выбор из возможных вариантов развития системы (только из возможных) в точке бифуркации (кризиса) социоматериальной системы зависит, в том числе, от её субъекта, от цели или концепции развития. В бифуркационный период система выходит из равновесия, погибают старые и рождаются новые параметры порядка,

⁸ Макаров С.В. Указ. соч. С. 97.

разрушаются старые и формируются новые взаимосвязи и структуры, что делает её уязвимой для внешних и внутренних угроз⁹.

Матрёшка – фрактал, но фрактал – не матрёшка. Возможно, иерархия матрёшки это мультифрактал, то есть он имеет неоднородную структуру, в которой её части описываются несколькими, последовательно сменяющимися друг друга алгоритмами. Каждый из них генерирует паттерн со своей фрактальной размерностью. В любом случае матрёшка – символ (так как границы систем конечно не совпадают с контурами матрёшек), как и символично для нас число семь (количество матрёшек).

Кстати, по «матрёшке» можно двигаться, как начиная с маленькой, так и начиная с большой, а также с любой фигурки, внутрь или наружу. Ключевым механизмом «работы» в матрёшке является борьба параметров порядка её уровней, которые их характеризуют, причём параметр порядка внешней матрёшки является управляющим по отношению к внутренней.

Как это работает? Например, В.Г. Буданов указывает, что в синергетике существует процесс рождения иерархического уровня параметров порядка как результат взаимодействия двух ближайших уровней (для иерархии, имеющей три уровня или более). Он предложил следующую формулу:

$$\begin{aligned} & \text{«управляющие сверхмедленные параметры верхнего мегауровня»} \\ & \quad + \\ & \text{«короткоживущие переменные низшего микроуровня»} \\ & \quad = \\ & \text{«параметры порядка: структурообразующие долгоживущие переменные} \\ & \quad \text{мезоуровня»}. \end{aligned}$$

То есть, по Буданову, «результат взаимодействия параметров порядка мегауровня и микроуровня рождает параметр порядка мезоуровня, в состоянии, когда система находится в фазовом переходе и параметры порядка высшего уровня как бы растворяются в параметрах порядка микроуровня»¹⁰.

Здесь мы от себя добавим, что по нашему мнению взаимодействовать между собой могут любые уровни. Так, один человек (например, А. Эйнштейн с теорией относительности) может повлиять на весь мир.

⁹ Макаров С.В. Указ. соч. С. 65.

¹⁰ Там же. С. 42.

Результат можно вычислить по условной «среднеарифметической» формуле, где параметры порядка взаимодействующих уровней умножаются на коэффициенты силы акторов, например, численности субъектов (населения) научного и технологического развития, природных и материальных ресурсов и т.п.

Для пояснения взаимодействия параметров порядка процитирую свою же книгу, попутно отметив, что в своё время этот текст дался мне тяжело:

«Существуют понятия о группах параметров порядка и их взаимодействиях: дерево параметров порядка, иерархия параметров порядка, согласование параметров порядка, конкуренция параметров порядка, борьба параметров порядка, и тому подобные. Вероятно, существуют разные случаи взаимодействия параметров порядка: от полного подавления одних другими до коэволюции между ними, которая является поиском формулы интеграции при взаимодействии параметров порядка.

Мы предлагаем представить сложную самоорганизующуюся среду вокруг человека как вложенные друг в друга сферы. Рассмотрим управляющий параметр, действующий на человека, как некую целостную силу, которая представляет из себя результат борьбы разновекторных сил, исходящих, как от социальных, так и от материальных акторов сфер. Здесь взаимодействие с материальными акторами рассматривается как единица социальных отношений. Эта сила, воздействуя на психофизические подсистемы самого человека, рождает в них параметры порядка, которые зависят от ключевых ценностей человека. Указанные параметры порядка в совокупности, через действия человека (механизм обратной связи), могут влиять на управляющий параметр.

Это взаимодействие аналогично для любой сферы и её внешней среды. В этом случае ключевые ценности человека заменяются ключевыми ценностями сообществ, создателей этих систем.

Кстати, воздействие параметров порядка на систему особенно сильно в моменты её дестабилизации, когда она находится вблизи точки бифуркации. <...> Целенаправленно можно управлять параметром порядка. Приведём пример. Для цивилизационных систем классический параметр порядка — язык, который, как отмечает один из представителей социального конструктивизма Бенедикт Андерсон, по значимости в общественном сознании ныне заменяет религию. <...> Язык в некоторых социологических конструктах (или самоорганизующихся системах) является классическим параметром порядка, <...> он заменил

принцип единства «один народ — одна религия» на принцип единства «один народ — один язык».

Внедрение новых культурных кодов, по нашему мнению, сказалось на участниках политических процессов на Украине в 2013–2014-х гг.

Параметры порядка определяют развитие систем, причём пределы трансформации этих систем, сохраняющих свою целостность, задаются главными, «вечными» управляющими параметрами, а цели и способы модификации — более «быстрыми» параметрами микро- и макроуровней.

Ряд параметров порядка систем долговечен относительно указанных систем: существовали до их возникновения и продолжают своё существование после окончания жизни системы. Например, климат действовал и действует на все страны во все исторические времена.

Некоторые параметры порядка могут сверхбыстро изменяться. Это аналог катастрофических явлений, а по С.П. Курдюмову, это «режимы с обострением».

Другие параметры порядка — долгоживущие. Мы предполагаем, что именно их имела в виду Е.В. Николаева, говоря о социокультурных системах: «...любое последующее мета-стабильное состояние социокультурной системы, сохраняющей свою целостность, может выстраиваться только на основе некоторых изначальных детерминант — фундаментальных идей и образов — культуры. В гуманитарном дискурсе эти детерминанты могут называться «прасимволом» культуры (О. Шпенглер), «большими посылками» культуры (П. Сорокин) или — в рамках синергетической теории — социальными параметрами порядка (Г. Хакен), «сверхмедленными управляющими параметрами мега-уровня» (В. Буданов) или общими параметрами порядка (О. Астафьева).

Среди параметров порядка, предложенных немецким теоретиком, основателем синергетики Г. Хакеном, долговременными детерминантами являются культура, язык, менталитет, национальный характер, а государство, экономика, этика, табу, мода, научные парадигмы относятся к «кратковременным».

Добавим также высказывание Карла Юнга об «архетипах и коллективном бессознательном», и Джима Коллинза с Уильямом Лазье, которые говорили о «ключевых ценностях и верованиях» в теории корпоративного управления.

Параметры порядка меняются и в разные моменты могут оставаться прежними или стать иными. Например, для той или иной страны параметром порядка может быть экономика, а в другое время —

политика, а не всегда одно и то же, как считают многие. Для России сейчас параметром порядка является сбережение народа, в другой раз может быть климат, в следующий раз — война или какие-то революционные изменения в мире.

Не забудем о солнце как источнике глобального порядка для нашей солнечной системы. Если с ним что-то случится, то жизнь на нашей планете, скорее всего, исчезнет. Космические факторы, в первую очередь воздействие Солнца на Землю, являются управляющим параметром для планеты.

Нельзя просто жить, не меняясь и не меняя свои представления о мире, так как любая социоматериальная система меняется постоянно: новые параметры порядка, границы, внешняя среда. При этом сохраняются главные признаки систем, иначе это будет другая система... Управление должно отвечать на эти вызовы, устанавливать новые связи, достигать эффективных целей, используя ресурсы, исходя из видения. Каждый день надо меняться, оглядываться или смотреть вперёд. Хотя можно сказать, что верность традициям для нас — это элемент счастья.

Если в социоматериальной системе нет гармонии и возникают диспропорции, то они в определённых условиях начинают доминировать и становятся параметром иного порядка. Когда отсутствует гармония во внешней среде, то возникающие в ней диспропорции также могут стать управляющими параметрами.

Давайте попробуем разобраться, применимы ли параметры порядка и управляющие параметры к пониманию сути языческих религий с их многобожеством и мировых монотеистических религий. Наши предки правильно догадались, что в жизни существует много параметров порядка, которые они называли богами. На следующем этапе народы пришли к пониманию единого бога, который фактически является управляющим параметром. В обоих случаях существовал механизм обратной связи: это обращения к богам, молитвы, жертвоприношения. В обоих вариантах религий есть своя правда при одной сущности. Существует одновременно и управляющий параметр вне системы, и параметры порядка внутри системы, часто один из которых является главным. Поэтому мы должны хранить как элементы своей языческой культуры, так и христианскую культуру, что, впрочем, уже в значительной мере сделали наши предки»¹¹.

Извините за длинную цитату, перейдем к вопросу о применении метода великорусской матрешки для достижения главной цели: как

¹¹ Макаров С.В. Указ. соч. С. 42-46.

нам духовно и физически сберечь народ и народное пространство, в том числе государство. Именно в такой последовательности. Мы видим, что Россия входит в иерархию Великорусской матрёшки, которая представляет собой группу фракталоподобных систем, как важный фрагмент единой мировой цивилизации.

Великорусская социоматериальная матрёшка¹²

Уровни мат-рёшки	Социоматериальные системы матрёшки	Субъекты систем в статусе основателей (учредителей) и участников
7	Земная цивилизация как синтез человечества, природы и космоса	Полицивилизации, цивилизации, страны и народы
6	Евразийская полицивилизация (Евразийский мир)	Евразийский суперэтнос (евразийцы)
5	Русская цивилизация (Русский мир)	Русский народ как суперэтнос (русско-российский, русско-украинский и русско-белорусский народы, включая их соотечественников за рубежом)
4	Россия	Россияне как единый русско-российский народ, как гражданско-политическая нация
3	Великорусский этнос	Великороссы
2	Великорусские семья и род	Члены семьи и близкие родственники великороссов
1	Великорусский человек	Великорусский человек

Именно метод матрёшки помог нам обнаружить, что без великороссов фрактал уцербен. Социоматериальные системы чаще стабильны, когда в рамках суперэтноса, государства, цивилизации и

¹² Макаров С.В. Указ. соч. С. 100-101.

полицивилизации «контрольный пакет» есть у системообразующего этноса при равенстве прав и обязанностей для всех без исключения этносов.

Рассматривая пути развития (аттракторы) России в отношении ее соседей, мы пришли к выводу, что Русский мир должен стать частью Евразийского, последний должен глобально стать синтезом Русского мира и Тюркского, а также стран, в них не входящих, например, ираноязычного Таджикистана. Управляющим параметром порядка для Евразийского мира является структура мировой цивилизации, которая искажена американской гегемонией (шире Западной цивилизации). К сожалению, без глобальной перестройки Мира у России нет глобальных перспектив.

Поэтому, рассматривая три верхних уровня матрёшки и учитывая методику сложного мышления, предлагается следующая стратегема России.

«Суть данной стратегемы в исполнении триединой задачи русско-российского народа в кратчайший исторический промежуток времени (одно-два поколения, 25–50 лет):

- переосмысление исторического опыта, осознание национальной идеи (судьбы) России, достижение согласия по видению образа будущего и выбору пути его достижения;
- создание базовых условий духовно-физического сбережения народа и его цивилизационного развития;
- участие в глобальной перестройке мира на основе принципов равенства прав народов и цивилизаций, справедливости и свободы, пересмотр концепции потребительского общества для достижения гармонии духовных и материальных ценностей»¹³.

Увы, началом глобальной перестройки мира послужил Российско-Украинский конфликт, который стал результатом очередного геополитического наступления Запада на Россию.

Матрёшка – как метод, основанный на сложном мышлении, помогла нам ответить на вопрос, каким будет новый порядок. А новый порядок будет стремиться не к глобальному миру с одним гегемоном, и не к союзу сотен государств, а к союзу крупных цивилизационных и территориальных объединений, скорее всего с переходом через новую дуполярность США - Китай.

Попытаюсь очертить контуры применения данного метода к изучению истории. Нам следует поместить в центр внимания человека

¹³ Макаров С.В. Указ. соч. С. 275-276.

интересующей нас эпохи, представить все вышестоящие системы в границах, по сути тождественных этой эпохе, а затем представить структуры и цели всех систем в динамике циклов развития. Вот вам принцип «историзма» или «нового историзма».

Если применять метод матрешки, то очевидно, что никакие государства не могут, например, войти в Западную цивилизацию, не став «Западом». Также очевидно, что большинство государств, борясь за «суверенитет», на самом деле борются за «геополитический переход».

Метод социоматериальной матрёшки действенен, например, в разработке стратегий, превращаясь в матрёшку стратегий. Мы остановимся на стратегии русско-российского народа и России, на 4-ом уровне.

Русско-российский народ должен проводить стратегию возврата ему его субъектности. Для этого нужно:

- а) принять духовные цели Русского мира¹⁴;
- б) реформировать элиту или сменить её в национальных интересах;
- в) создать новое государственное устройство России на основе независимых конституционных институтов, действующих на основе права и закона, усилить роль сдержек и противовесов, уменьшить полномочия президента РФ, реформировать органы безопасности и поставить их под контроль народа в лице его представительных органов. Создать механизм выдвижения во власть достойных представителей народа взамен «самоизбрания» представителей властной бюрократии;
- г) совершенствовать этнокультурную политику.

Остальные стратегии мы должны осуществлять через государство – назовём это стратегией возврата к собственным историческим проектам:

- а) отказаться от неолиберального проекта «вхождения в Запад»;
- б) отказаться от идеологии «потребительского общества»;
- в) пользоваться конкурентной стратегией обособления;
- г) способствовать объединению Русского мира и, шире, всей Евразии;
- д) использовать новую методику оценки эффективности государства;
- е) признать семью субъектом права¹⁵.

¹⁴ Макаров С.В. Указ. соч. С. 285-286.

¹⁵ Там же. С. 314.

Позволю себе краткое замечание о том, что политика «вхождения в Запад» стала приговором для промышленности России, так как параметр порядка «сырьевая экономика» подавила отрасли экономики с высокой добавочной стоимостью.

Итак, исходя из ряда предположений, в первую очередь о необходимости сохранения разума во вселенной – с телом или без тела, и, в частности, сохранения русского (в т.ч. великорусского) народа, русско-российского и евразийского суперэтноса, мы, благодаря методу социоматериальной матрёшки смогли на примере Великорусского этноса определить цели и стратегии на каждом уровне его матрёшки, а также получили более детальный механизм изучения истории каждой из её подсистем.

Сегодня стало очевидно, что мир развивается не в сторону единой общности – «общечеловеков», а будет являться мозаикой, в которой этническая идентификация будет играть одну из значительных ролей. Все враги исторической России и сегодняшние русофобы, которые проводят политику «культуры исключения» по отношению к русско-российскому народу, – всегда наносили главный удар по Великорусскому этносу, который играет главную роль в создании России. Нам нужно обратить внимание на 3-й уровень матрёшки и прекратить политику 100-летнего периода борьбы с Великороссами и дать Великорусскому народу выполнить свою миссию и своё предназначение.

Теперь поговорим о 3-х нижестоящих уровнях матрёшки.

Человек является социально интегрированной, живой, многоуровневой социоматериальной системой, которая играет роль элемента вышестоящих уровней сообществ-субъектов. Эта система обладает структурой, связями-функциями, психологией, поведенческой деятельностью. Одновременно человек является субъектом, так как обладает целеполаганием в своей деятельности, то есть создаёт схемы, нормы, идеалы на основе собственных ключевых ценностей, убеждений и верований, а также наблюдателем в матрёшке. Отсюда и роль личности в истории, то есть влияние человека на верхнем уровне матрёшки хорошо известно, хотя и немного преувеличено.

Семья и Род – очень сплочённые сообщества, недаром многие теоретики неолиберального проекта хотят их развалить. Значение их велико в первую очередь в сбережении народов и их традиций.

3-й уровень матрёшки очень важен, но, к сожалению, у нас деформирован: великороссам не хватает этнического патриотизма. Но, если вы внимательно слушаете политиков, то заметите, что в большей части мира этому уровню придается очень большое значение. Вспомните

«Эхо Москвы» и идентифицируйте политиков по всем уровням матрёшки.

И не забудьте о любви. Да-да, о любви. Так как человек любящий и человек ненавидящий, говорят и пишут по-разному.

Спасибо за внимание!

02.11.2023

Для цитирования: *Макаров С.В.* Метод социоматериальной матрёшки // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 28/29. – С. 11-24.

ПОНЯТИЕ «ЛИБЕРАЛИЗМ»
В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ПЕТРАШЕВЦЕВ
(ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО
СОЗНАНИЯ 1840-Х ГГ.)

М.В. Калашников¹

Саратовский Земский философский клуб
e-mail: kalash.mv@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ понятия «либерализм» в дискурсивных практиках М.В. Петрашевского и членов его кружка. Основной массив текстов привлеченных для анализа – материалы следствия по делу петрашевцев. По мнению автора, Петрашевский первым в русской общественной мысли сформулировал тезис о тождественности капитализма и либерализма, их конгруэнтности, их онтологической связи.

Какого-то особого, присущего только членам кружка смысла понятия «либерализм» не выявлено. В большинстве случаев петрашевцы вкладывали в данное понятие тот же смысл, который был характерен для русского общественного сознания второй половины 1840-х годов. У некоторых подследственных в рамках социально-политического дискурса присутствует амбивалентная семантика понятия «либерализм».

Большинство петрашевцев противопоставляли понятия «либерализм» и «социализм». Осудили же их за слова и намерения, возникшие от «либерального направления ума и от усвоенных ими вредных социальных идей».

Ключевые слова: историко-семантический анализ, капитализм, М.В. Петрашевский, понятие «либерализм», понятие «социализм», реализм, Ш. Фурье.

THE CONCEPT OF LIBERALISM
IN THE DISCOURSE PRACTICES OF THE PETRASHEVSKY CIRCLE
(FROM THE HISTORY OF THE 1840s RUSSIA'S PUBLIC
CONSCIOUSNESS)

M.V. Kalashnikov

(Saratov, Russia)
e-mail: kalash.mv@mail.ru

Annotation. The article aims to analyze the concept of liberalism in the discourse practices of M.V. Petrashevsky and members of his circle. The materials of the legal investigation of the Petrashevsky circle constitute the majority of texts used for analysis. The author believes Petrashevsky to be the first man in the history of Russian social thought to formulate a thesis of the shared identity between capitalism and liberalism, their congruence and ontological connection.

¹ Калашников Михаил Васильевич (Саратов), историк, эксперт Саратовского Земского философского клуба.

The author didn't discover any specific understanding of the concept of liberalism exclusive to the members of the circle. In most cases, they used this concept with the meaning typical of the Russian public consciousness of the second half of 1840s.

Some of the people under investigation possess an ambivalent semantics of the concept of liberalism in the context of the socio-political discourse.

Most members of the Petrashevsky circle contraposed the concepts of liberalism and socialism. However, they were convicted for the words and intentions that spawned from the «liberal inclination of the mind and from evil social ideas that they had adopted».

Keywords: historical semantic analysis, capitalism, M.V. Petrashevsky, the concept of liberalism, the concept of socialism, realism, C. Fourier.

В русском общественном сознании 1830-х – середины 1840-х гг. понятие «либерализм» означало политическое течение, которое для достижения своих целей использует противозаконные радикальные, революционные средства, воспринимаемые все тем же общественным сознанием как безнравственные. А словом «либерал» называли безнравственного и, как следствие этого, неумного человека ².

Квинтэссенцию негативных значений, политического и нравственного смыслов понятия «либерализм» в русском общественном сознании 1840-х гг. содержит знаменитое письмо В.Г. Белинского к П.В. Анненкову, написанное в начале декабря 1847 года. Между прочим, в письме В.Г. Белинский выразил свое мнение о Т.Г. Шевченко, арестованном 5 апреля 1847 г. по делу Кирилло-Мефодиевского общества и отправленном в ссылку.

«Вы помните, – писал В.Г. Белинский, – что верующий друг мой (М.А. Бакунин – М. К.) говорил мне, что он *верит*, что Шевченко – человек достойный и прекрасный. Вера делает чудеса – творит людей из ослов и дубин, стало быть, она может и из Шевченки сделать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому. Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля – один на г<осударя> и <мператора>, другой – на г<осударын>ю и <мператриц>у. Читая пасквиль на себя, г<осударь> хохотал, и, вероятно, дело тем и кончилось бы, и дурак не пострадал бы, за то только, что он глуп. Но когда г<осударь> прочел пасквиль на и<мператри>цу, то пришел в великий гнев, и вот его собственные слова: “Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее за что?” И это понятно, <...> Шевченку послали на Кавказ солдатом. Мне

² См.: Калашиников М.В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 464–513.

не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше. Я питаю личную вражду к такого рода либералам. Это враги всякого успеха. Своими дерзкими глупостями они раздражают правительство, делают его подозрительным, готовым видеть бунт там, где нет ничего ровно, и вызывают меры крутые и гибельные для литературы и просвещения». Досталось от В.Г. Белинского и другому самостийнику – П.А. Кулишу. – «Одна скотина из хохлацких либералов, – писал он в том же письме П.В. Анненкову, – некто Кулиш (экая свинская фамилия!) в “Звездочке” (иначе называемой <...>), журнале, который издает Ишимова для детей, напечатал историю Малороссии, где сказал, что Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть. <...> Вот, что делают эти скоты, безмозглые либералишки. Ох эти мне хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом!»³. (Выделено в публикации. – М. К.)

Семантическая «реабилитация» понятия «либерализм» в русском общественном сознании конца 1850-х гг. была не только связана с «освободительным» дискурсом, но и являлась следствием революций 1848 г. в Европе, в ходе которых бывшие радикально (революционно) настроенные либералы решительно выступили против новых радикалов (революционеров) – демократов, социалистов, коммунистов и анархистов.

Так после разгрома парижского восстания рабочих в июне 1848 г. отношение Николая I к республиканской Франции совершенно переменялось. 13 июля 1848 г. Николай I в письме русскому послу во Франции передавал свои «искренние поздравления» Кавеньяку «с победой, столь славно им одержанной над анархической партией». Далее он писал: «Столь дорого купленной победой Париж и вся Франция спасены от огромной опасности, которой им угрожало торжество разрушительных учений коммунизма»⁴.

Ещё одна коннотация интернационального понятия «либерализм» в европейском общественном сознании 1830-х – 1840-х гг. – это русофобия, что понимали в России. Так, например, 18 февраля 1849 г. в газете «Neue Rheinische Zeitung» Ф. Энгельс писал: «Kolnische Zeitung» спасает свою «либеральную репутацию» «с помощью вовремя проявляемой ненависти к русским и надлежащего осторожного свободомыслия»⁵.

³ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 440–441.

⁴ Покровский М. Ламартин, Кавеньяк и Николай I (Страничка из истории февральской революции 48 года) // К 75-летию революции 48 года: Сб. статей. М., 1923. С. 80. То же см.: Выскочков Л.В. Николай I. М., 2003. С. 376–377.

⁵ Энгельс Ф. «Kolnische Zeitung» о борьбе мадьяр // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., М., 1956. Т. 6. С. 328.

Без учета этого смыслового контекста адекватный анализ понятия «либерализм» в дискурсивных практиках петрашевцев невозможен.

Также необходимо заметить, что во второй половине 1840-х гг. на смену волонтаристскому прогрессизму, тесно связанному с системой романтического мировоззрения, приходит новая парадигма социального развития, имеющая своим основанием позитивизм. В России аналогом позитивизма становится реализм (критический реализм). Метафизику сменяет атеистическая «положительная наука». По меткому замечанию Е.В. Тарле «освободив ум от гнета метафизических и религиозных пережитков» можно почувствовать «себя необыкновенно бодро и жизнерадостно, как чувствовали себя поколения 50-х и 60-х годов XIX в. увлекавшиеся позитивизмом»⁶.

А.И. Герцен, склонный к экзистенциальному видению, хорошо передал в конце 1840-х гг. ощущение эфемерности, временности, призрачности онтологических оснований не только абстракции либерализма, но и самой социальной реальности. Для него французский либерализм до 1848 г. – элемент социального карнавала, игра и иллюзия. В ходе революции 1848 г. иллюзорный мир социального рушился на его глазах. 5 ноября 1848 г. А.И. Герцен писал из Парижа московским друзьям: «Европа умирая завещает миру грядущему, как плод своих усилий, как вершину развития, социализм»⁷. 27 сентября 1849 г. уже из Женевы А.И. Герцен писал все тем же московским друзьям: «Конец политических революций и восхождение нового мирозерцания – вот что мы должны проповедовать. Но для этого <...> надобно оторваться <...> от падающего мира. Мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм – тот же падающий мир»⁸.

Для А.И. Герцена итог 1848 г. – закрытие проекта связанного с понятием «либерализм», которое для него означает уходящую натуру, «прошедшее настоящее». С этого времени для А.И. Герцена только понятие «социализм», говоря словами Р. Козеллека, «отсылает к будущему, превращаясь из понятия в проект будущего»⁹. Для М.В. Петрашевского это произошло раньше.

⁶ Тарле Е.В. Очерк развития философии истории // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 151.

⁷ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1961. Т. 23. С. 111.

⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений. Т. 23. С. 188.

⁹ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: сборник статей / [под ред. Х.Э. Бедекера]. М., 2010. С. 26

Сын известного петербургского врача Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский родился в 1 [13] ноября 1821 г. в Санкт-Петербурге, умер 7 [19] декабря 1866 г. в селе Бельское, Енисейской губернии. В 1840 г. он окончил Царскосельский лицей и поступил на службу в министерство иностранных дел третьим переводчиком. Одновременно он поступил вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1841 г. получив степень кандидата юриспруденции (соотносилась со степенью бакалавра¹⁰). Следственная комиссия отмечала, что в университете Петрашевский «был также замечен как человек с чрезвычайно либеральными идеями, но выпущен был с дипломом на степень кандидата прав, ибо, действительно, учился отлично и с большою охотою»¹¹.

Юный кандидат был крайне эксцентричен и выходил за рамки всех приличий. Петрашевский был «...небольшого роста, плотный, широкоплечий, <...> с длинными пушистыми черными волосами, длинной бородой и бакенбардами. На улице он появлялся в широком плащальмавиве, в широкополой шляпе, с сигарой, за что получил от обывателей кличку “басурман”»¹². Напомним, что в 1840-х гг. и носить бороды, и курить на улице было запрещено. Петрашевский, как вспоминал К.С. Веселовский, «...всегда и везде, где только мог, старался “не быть как все”»¹³.

До чего доходила эксцентричность Петрашевского, хорошо иллюстрирует следующий случай, описанный в мемуарах П.П. Семенова-Тянь-Шанского: «Один раз он пришел в Казанский собор переодетый в женское платье, стал между дамами и притворился чинно молящимся, но его несколько разбойничья физиономия и черная борода, которую он не особенно тщательно скрыл, обратили на него внимание соседей, и, когда, наконец, подошел к нему кварталный надзиратель со

¹⁰ «Для получения степени кандидата по Уставу 1804 г. требовалось лишь, чтобы профессора удостоверили показанные соискателем на экзамене определенные знания из области наук своего факультета. Никакой четкой программы экзамена (должны ли задаваться вопросы по всем предметам, или только по избранным) и уровня требований к ответам при этом не оговаривалось». – *Андреев А.Ю.* Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1 (62). С. 69.

¹¹ Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 171.

¹² *Возный А.Ф.* Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985. С. 19.

¹³ *Веселовский К.С.* Воспоминания о некоторых лицейских товарищах. (Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский) // Русская Старина. 1900. Т. 103. № 9. С. 450.

словами: “милостивая государыня, вы, кажется, переодетый мужчина”, он ответил ему: “милостивый государь, а мне кажется, что вы переодетая женщина”. Квартальный смутился, а Петрашевский воспользовался этим, чтобы исчезнуть в толпе, и уехал домой»¹⁴.

Вот такой молодой человек стал собирать вокруг себя других молодых людей. По воспоминаниям К.С. Веселовского, Петрашевский «...задумал сам создать вокруг себя свое общество и уже с 1845 года завел у себя “пятницы”, т.-е. то, что в свете называется *jours fixes*¹⁵ <...> [и] сам должен был вербовать для себя знакомых для того, чтобы “пятницы” могли состояться»¹⁶.

В 1845 – 1846 гг. в кружке сложившемся на пятницах Петрашевского работали над «Карманным словарем иностранных слов»¹⁷. Первый выпуск «Словаря» увидел в свет в 1845 г. Второй выпуск готовили уже под руководством самого Петрашевского, который стал не только его главным редактором, но и автором большинства статей¹⁸. П.П. Семенов-Тянь-Шанский, один из участников кружка, вспоминал, как шла работа над вторым выпуском «Словаря»: «...Петрашевский, который сам держал корректуру статей, посылаемых цензору, ухитрился расставлять знаки препинания так, что после получения рукописи, пропущенной цензором, он достигал, при помощи перестановки этих знаков и изменения нескольких букв, совершенно другого смысла фраз, уже пропущенных цензурою»¹⁹.

Такой метод работы со словами и понятиями, конструирование смыслов, разительно напоминает то, о чем писал Н.М. Карамзин ещё в 1802 г. в знаменитой статье «Отчего в России мало авторских талантов?». «Русский кандидат авторства, недовольный книгами, – писал Н.М. Карамзин, – должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас

¹⁴ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Из воспоминаний // Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сб. материалов / Сост. П.Е. Щеголев. М.; Л., 1926. [Т. 1]: Современники о Петрашевском и петрашевцах. С. 47.

¹⁵ *jours fixes* (франц.) – определённый день недели, назначенный для регулярного приёма гостей.

¹⁶ Веселовский К.С. Воспоминания о некоторых лицейских товарищах. С. 451.

¹⁷ Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. СПб., 1845–1846. Вып. 1: Абадонна – Мариоттова трубка / [Ред. В.Н. Майков]. 1845; Вып. 2. [Ред. и главн. сотрудник вып. 2 – М.В. Бутаевич-Петрашевский]. 1846.

¹⁸ Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л., 1988. С. 70.

¹⁹ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Из воспоминаний. С. 48.

более по-французски! <...> Что ж остается делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!»²⁰. (Выделено в публикации. – М. К.)

Следует заметить, что появление новых значений слов и смыслов понятий возможно в силу способности и воли к номинации, к полаганию собственных смыслов и творение через это, с помощью новых слов, самой действительности (социальной действительности). Заметим, что это можно трактовать и как перформативный акт. Такой волевой акт равнозначен акту творения, поэтому он и воспринимался как в античной традиции, так и в христианской, – уделом богов или Бога. То есть, – как акт творчества, озаряющий общественное сознание новыми смыслами и воспринимаемый им как истина в ее единственной и единой возможности. Такой акт творчества – это трансгрессия²¹ невидимой границы языка. В данном случае русского языка. Однако преодоление этой границы парадоксальным образом означает не выход за его пределы, а расширение его собственного пространства.

Вполне понятно, что Петрашевский ощущал себя мессией, несущим новые идеи и новые смыслы. 1 июля 1849 г. Л.В. Дубельт записал об участниках кружка Петрашевского: «...молодые люди <...> обратили свою незрелую любознательность на изучение новых политических систем – коммунистов и социалистов...»²². Предметом обсуждения на вечерах у Петрашевского стала, прежде всего, система Ш. Фурье.

«О пятницах Петрашевского знал весь город, – вспоминал К.С. Веселовский, – но знал так, что о них говорили не иначе как смеясь; знала

²⁰ Карамзин Н.М. Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 183–187; С. 185. Впервые: «Вестник Европы». 1802. № 14.

²¹ «Трансгрессия – это жест, который обращен на предел; там, на тончайшем изломе линии, мелькает отблеск ее прохождения, возможно, также вся тотальность ее траектории, даже сам ее исток. Возможно даже, что та черта, которую она пересекает, образует все ее пространство. Кажется, игра пределов и трансгрессии направляется простым упрямством: то и дело трансгрессия переступает одну и ту же линию, которая, едва оказавшись позади, становится беспомысленной волной, вновь отступающей вдаль – до самого горизонта непреодолимого». (Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины века. СПб., 1994. С. 117.)

²² Дубельт Л.В. Записки для сведения, 1849 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М., 2005. [Т. XIV]. С. 214.

о них и полиция, которая не упускала их из вида, но не находила в них ничего такого, что требовало бы ее вмешательства и репрессии. Но настал 1848 г., грянула в Париже февральская революция со всеми ее последствиями, и картина переменилась. Роль, какая в эту революцию выпала на долю коммунистов, бросила черную тень и на фурьеризм. Пропагандирование этой мирной системы, казавшееся дотоле лишь комическою затеею чудака, получило значение дела опасного для государственного спокойствия»²³.

В.И. Хитрово, друг А.С. Хомякова, в связи с известием об аресте петрашевцев записал в дневник 14 мая 1849 г.: у А.С. Хомякова вырвалось «досадное выражение, что он готов скорее пожертвовать своими детьми, чем видеть их безбожниками и безнравственными либералами»²⁴. Заметим, что как раз либералами петрашевцы и не были.

К 1849 г. мировоззрение Петрашевского уже полностью сформировалось. Он был убежденным позитивистом (реалистом) и социалистом. В письме К.И. Тимковскому с характерным заголовком «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», написанном в декабре 1848 – январе 1849 г., Петрашевский определяет романтиков как «...людей, мало мыслящих, не имеющих правильного сознания действительности...», для которых характерно «...тревожное волнение в жизни <...> эффектность, всё так называемое высокое и величественное <...> театральность...» и смотрящих «...на всю окружающую нас действительность, как на со[м]намбулу, подчиненную безусловному влиянию <...> властительному магнитезёрскому взгляду...». В этом же письме, определяя реалистов, к коим он себя, несомненно, относил, Петрашевский писал: «...мыслящий человек, зная всю цену жизни и смотря на себя и на других людей, как на агрегат всех сил, на земле действующих, безусловно подчиненных мировым законам, и хорошо зная отведенное ему природою место в кругу мировых действователей, не приписывает своей личности как индивидууму чрезвычайного значения, убежденный опытом во временности своего существования в форме существа сознательного, факту своего существования или несуществования пред лицом ему однопородных существ не приписывает особой важности и, примиряясь издавна с мыслью о смерти, не видит в ней ничего удручительного, не

²³ Веселовский К.С. Воспоминания о некоторых лицейских товарищах. С. 455.

²⁴ О записках В.И. Хитрово / Публикация и комментарий Е.Е. Давыдовой // А.С. Хомяков: Личность – творчество – наследие. Хмелитский сборник. Смоленск, 2004. Вып. 7. С. 85.

хвалится своей готовностью подчиниться необходимому и неизбежному»²⁵.

Характеристика реалиста, в том числе и самого себя, данная таким эксцентричным человеком как Петрашевский, воспринимается, однако, не иначе как эдакое уничижение паче гордости.

В конце мая 1849 г. Петрашевский, находясь в тюрьме, написал небольшой трактат под условным названием «Объяснение о системе Фурье и о социализме». В нем Петрашевский, вероятно первым в русской общественной мысли, сформулировал тезис о тождественности капитализма и либерализма, по сути, их конгруэнтности, их онтологической связи. Прошло более 40 лет, когда в конце 1890 – начале 1891 г. К.Н. Леонтьев осторожно заметил: «Равноправность, либерализм и капитализм, видимо, теснейшим образом связаны между собою в жизни»²⁶.

Петрашевский, в частности, писал: «Борьба капиталов противу капиталов <...> пожрание большими капиталами или капиталистами маленьких, принесение личности человека в жертву капиталу, – вот что представляет собою настоящая промышленность...». Под словом промышленность в данном контексте следует понимать, говоря современным языком, сферу бизнеса в широком смысле этого слова, которая, по мнению Петрашевского «...являет собою анархию совершенную, т. е. применение совершенное начал либерализма и его правила – *laisser faire, laisser aller*»²⁷. Либерализму Петрашевский противопоставляет социализм, который «...есть не что иное, как реакция духа человеческого противу анархического, разрушительного для быта общественного влияния начал либерализма...». (Выделено в публикации. – М. К.) Наибольшее зло, по мнению Петрашевского, представляет финансовый капитал, или, заметим, капитализм в чистом его виде. Констатировав: «...социализм <...> есть учение (начало), прямо противоположное либерализму...», Петрашевский пишет, что социализм подвергается гонениям не только поэтому, но и вследствие того, что он восстает против «...злоупотреблений, <...> законами дозволяемых <...> разбоев, которые могут производить в настоящее время в обществе Ротшильды и другие владельцы капиталов

²⁵ Бутаевич-Петрашевский М.В. Черновик письма К.И. Тимковскому // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 371, 370–371.

²⁶ Леонтьев К.Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010. С. 947.

²⁷ *laisser faire, laisser aller* (фр.) – Не мешайте каждому делать то, что он хочет, предоставьте все естественному ходу вещей.

в деньгах чрез *скупы* (assaparage), *биржевую игру* (agiotage)...». (Выделено в публикации. – М. К.) Социализм «...безнравственные действия представляет в настоящем их виде и вредит этим удаче их спекуляций подобного рода. Либералы и банкиры, – делает вывод Петрашевский, – суть властители (феодалы) в настоящее время в З[ападной] Европе. Одни господствуют влиянием на мнение общественное, другие же чрез посредство биржи и промышленность (Читай бизнес. – М. К.) по своему произволу распоряжаются явлениями жизни общественной. Нет ни одного волнения народного, от которого при видимой сперва потере не понажился хороший банкир, подобно Ротшильду...». Различая социализм и либерализм как идеологические направления, Петрашевский констатировал: «Движение <...> национальностей произведено либерализмом, ибо социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди. Движение национальностей <...> вредно успеху социализма <...> и заставляющее прибегать к войне – оружию»²⁸.

В своих рассуждениях о капитализме, социализме и либерализме Петрашевский отталкивался от политической практики Франции 1820-х – 1830-х гг. в ее описании и характеристиках данных Луи Бланом в труде «История десяти лет. 1830 – 1840»²⁹. Как один из источников он упоминается в статье «Национальное собрание» второго выпуска «Словаря» Петрашевского³⁰. Но главной опорой для Петрашевского были, конечно же, труды Ш. Фурье.

Заметим, что А. Сен-Симон и сенсимонисты положительно оценивали роль финансового капитала в системе социальных отношений, считая его основой порядка и необходимым звеном между «...трудящимися, нуждающимися в орудиях производства, и владельцами этих орудий...». Более того, по мнению сенсимонистов, банкиры и банки во Франции конца 1820-х гг. являлись «...самым выдающимся фактом промышленности в настоящее время...»³¹.

В отличие от сенсимонистов, Ш. Фурье негативно оценивал роль финансового капитала. В одном из главных своих произведений изданном ещё в 1808 г. Ш. Фурье писал: «...свобода конкуренции, порождая

²⁸ Бутаевич-Петрашевский М.В. [Объяснение о системе Фурье и о социализме]. С. 428–429, 432.

²⁹ Blanc L. Histoire de dix ans, 1830–1840. Paris, 1841–1844. Т. 1–5.

³⁰ Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 199.

³¹ Изложение учения Сен-Симона. М.-Л., 1947. С. 264, 268. (Лекция седьмая. Конституция собственности. Организация банков)

банкротства, регулярно дает пищу ажиотажу и способствует его колоссальному разбуханию, наблюдаемому ныне. Ажиотажем начинают заниматься всюду вплоть до мелких городов; всюду можно встретить людей, именуемых банкирами: они занимаются исключительно ростовщическими ссудами и разжигают войну меж конкурентами. Авансируя средства, они, таким образом, поддерживают множество случайных торговцев, которые бросаются очертя голову в спекуляции самого комического свойства; после краха они обращаются за помощью и дают себя грабить банкирам. Последние, разжигая ярость сражающихся, подобны тем арабским ордам, которые носятся на скакунах вблизи армии и ликуют, предвкушая грабеж побежденных, будь то друзья или враги»³². (Выделено в публикации. – М. К.)

Либерализм, как и финансовый капитал, – объект критики Ш. Фурье. В труде «Новый промышленный и общественный мир» опубликованном в 1829 г. он относит либералов к ретроgrадам, которые «...копаются в старых лохмотьях Афин и Рима, воспроизводя старые, ложные права человека <...> и прививая XIX в. иллюзии» ведущие к социальному регрессу. Либерализм Ш. Фурье называет «...ложным, потому что он представляет собой политическую реакцию, стремящуюся к олигархии под маской популярности и производящую всегда следствия, обратные своим обещаниям». «Либеральный дух» второй половины 1820-х гг., по мнению Ш. Фурье, «бесплоден во всех крупных проблемах социального улучшения, как-то: освобождения негров и добровольного упразднения торговли рабами. Он порождает только разглагольствования и никогда ни одной новой идеи». «Сети ложного либерализма» Ш. Фурье называет «подлинной интеллектуальной катарактой», созданной ложными и обманными учениями экономистов, моралистов, политических деятелей и метафизиков. «...этот либерализм, – заключает Ш. Фурье, – только увековечивал зло и <...> его противники отвергают его, как чашу с ядом!» В итоге он констатирует: «По мере совершенствования либерализма возрастает грабеж»³³.

Суждения Петрашевского о негативной роли финансового капитала совпадают и с оценкой банкиров и прочих эксплуататоров, данной О. Бланки. В 1835 – 1836 гг. во Франции действовало основанное

³² Фурье Ш. Избранные сочинения: в 3 т. М., 1938. Т. 1: Теория четырех движений и всеобщих судеб: проспект и анонс открытия. С. 248–249.

³³ Фурье Ш. Избранные сочинения: в 3 т. М., 1939. Т. 2: Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях / пер. с фр. И.А. Шапиро. С. 388, 390, 437–438.

О. Бланки тайное общество – «Общество семейств». В пропагандистском вопроснике для вступающих в него новых членов, в частности, говорилось: «3. Кто теперь является аристократами? – Денежные мешки, банкиры, поставщики, монополисты, крупные земельные собственники, биржевики, – одним словом, эксплуататоры, жиреющие за счет народа... 4. По какому праву они управляют? – По праву силы»³⁴.

Характерно, что в русской общественно-политической мысли только на рубеже XIX – начала XX в. стала осознаваться органическая связь идеологии либерализма с практикой капитализма, прежде всего финансового. А спариванием ежа и ужа, то есть либерализма и социализма, усердно продолжал заниматься в начале XX в. Н.А. Бердяев. Остается сожалеть, что мысли Петрашевского остались вне поля публичного суждения во второй половине XIX – начале XX в., так как «Объяснение о системе Фурье и о социализме» было впервые опубликовано П.Е. Щеголевым только в 1927 году³⁵.

Заметим также, что слог Петрашевского, как и стиль его жизни, угловат, тяжел и колюч. В нем нет легкости Н.М. Карамзина, точности А.С. Пушкина, поэтичности В.Г. Белинского. И это не последняя причина того, что его наследие остается в тени русской мысли до настоящего времени. Однако семантика его текстов вполне прозрачна и смыслы их понятны.

В показании на следствии, написанном около 20 июня 1849 г., Петрашевский ироничен. Он пишет: «Чтоб было <...> вам, г.г. следователи, легче <...> я расскажу вам то <...> как сочинилось обвинение и составил донос... Верный взгляд на это <...> есть вещь наиважнейшая». Отметив желание денег и заслуг у некоего автора доноса, Петрашевский реконструирует рассуждения этого гипотетического доносчика, которые, заметим, были совершенно типичны для основной массы петербургской публики того времени. В частности, он писал: «...г. обвинитель так сам с собою рассуждал... “Не помню хорошо, что значит либерализм, но помню, что некогда либералов преследовали. Ныне на социалистов криво глядят. Значит, социализм и либерализм одно и то же. Говорят, что всякий образованный человек есть либерал. Ученый – либерал, про себя думающий. Писатель есть либерал действующий; как живой человек он не может не желать лучшего, желает лучшего –

³⁴ [Вопросник для вступающего в «Общество семейств»] // Бланки Л.О. Избранные произведения. М., 1952. С. 115.

³⁵ Петрашевцы в воспоминаниях современников. М.; Л., 1927. Т. 2: Статьи, доклады, показания. С. 100–110.

следовательно противник существующего... и т. д. <...> Следователя обязанность в этом деле – во что бы то ни стало добыть виноватого... если же не находится, то польза государственная требует во что бы то ни стало сочинить, создать и преступление, и вину, и виноватого”»³⁶. Думаю, комментарии излишни.

Около 23 июня 1849 г. Петрашевский подает прошение о выдаче книг из его библиотеки и с просьбой о смягчении условий заключения его товарищей. Последний абзац прошения Петрашевского – крик отчаяния и безысходности от непонимания окружающими и, прежде всего, следователями значений слов и, соответственно, смыслов, которые он вкладывал в понятия «либерализм» и «социализм»: «...сколько зла – от забытья, что такое либерализм и незнания, что такое социализм!.. О невежество... О невежество, скоро ли ты перестанешь быть губительно для человечества»³⁷.

Петрашевский абсолютно осознавал, к чему ведет такое непонимание. В показании 1 – 2 июля 1849 г. он пишет: «Зная, что ответ всегда зависит от вопроса, и особенно постигая всю важность в таком деле, где слово становится делом, где фраза худо понятая преступлением... <...> я трепетал за других. <...> Все это пришло мне в полную ясность с первых чисел июня, когда предложение вынудительных вопросов началось. Именно с вопроса, где сведен был “либерализм с социализмом”, и требуется от меня дачи ответа»³⁸. (Выделено в публикации. – М. К.) То есть Петрашевский считает провокационным задаваемый на следствии всем членам его кружка вопрос, в котором происходило, по его мнению, смешение понятий «либерализм» и «социализм»: «Объясните, с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное или социальное направление?».

В этом же показании 1 – 2 июля 1849 г., пытаясь передать блики потока сознания, красочно и эмоционально, – так, что читатель начинает думать: а все ли нормально у него с головой, – Петрашевский пишет: «Зовут в комиссию... и пред нею я выражаю те чувства, которые меня целую ночь волновали... Изъясн[я]ю решимость. Хочу говорить холодно – шучу по дороге... Начинаю говорить – велют написать... пишу, читаю писанное... плачу невольно... Плачу после девятнадцати лет бесслезных... Да, я плакал в этом деле о русской образованности... Опять забываю спросить бумаги, чтоб выразить свои чувства. На другой

³⁶ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 133–134.

³⁷ Там же. С. 148.

³⁸ Там же. С. 165–166.

день зовут в комиссию, выражают сомнение в моей невинности!.. Объяснить значение слов, которые вылились из сердца, требуют от меня. Я толкую худо... ум тупеет»³⁹.

Как тут не вспомнить Аврелия Августина: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»⁴⁰. Смысл абстрактных понятий, в частности, таких как «либерализм» и «социализм», всегда контекстуален. Вне контекста он рассыпается множеством словарных определений и противоречивых толкований, использовать которые для объяснения социальной действительности бессмысленно. Отсюда и тютчевское: «Мысль изреченная есть ложь».

В конце показания 1 – 2 июля 1849 г. Петрашевский метафорически описал свое «настоящее положение», в котором он оказался вследствие неадекватного понимания следователями его мыслей и действий: «На берегу широкой реки стоит густая толпа народа. Из нее слышатся крики: “Поймали колдуна”, “поймали очарователя”; “планиту небесную знать хотел”, “приворотные травы найдены... Топить его! Топить его!” ... Несут человека по рукам и ногам связанного!.. Бросают в воду!.. Туман мне застилает глаза...»⁴¹. Нет пророка в Отечестве своем. Нет...

Способность критического суждения Петрашевского, его самоощущение избранности и восприятие себя мессией явно обескураживали следователей. В приговоре генерал-аудиториата, подписанном 17 декабря 1849 г., было сказано: «Виновность Петрашевского усугубляется еще и тем, что он во время следствия покушался тайным образом склонить к заpirationству других подсудимых; употреблял дерзкие выражения в своих объяснениях пред следственной комиссией и не только не изъяснил раскаяния, но сравнивал участь свою и единомышленников с гонениями, претерпенными первыми проповедниками христианства. А потому военный суд приговорил: Титулярного советника Буташевича-Петрашевского <...> лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни – расстрелянием»⁴².

Во время приведения приговора в исполнение «Петрашевский сорвал с себя колпак, говоря, что не боится смерти и может смотреть ей прямо в глаза». Сразу после объявления об изменении меры

³⁹ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 169.

⁴⁰ *Августин А.* Исповедь / пер. с лат. М.К. Сергеенко. М., 1991. С. 292.

⁴¹ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 171.

⁴² Петрашевцы в воспоминаниях современников. М.; Л., 1928. Т. 3: Доклад генерал-аудиториата. С. 50.

наказания ⁴³ на него «...начали надевать кандалы; но как, по неловкости палача, эта операция замедлялась, то Петрашевский сам заковал себе руки и ноги...»⁴⁴.

А что же другие члены кружка? Какой смысл они вкладывали в понятие «либерализм»?

Молодой Ф.М. Достоевский не избежал увлечения «передовыми» учениями своего времени. В середине 1840-х гг. он был если не самым активным, то очень деятельным членом кружка Петрашевского. Врач С.Д. Яновский, с которым молодой литератор подружился в это время, так передал в своих воспоминаниях слова Ф.М. Достоевского о собраниях у Петрашевского: «...много народу у него собирается потому, что у него тепло и свободно, притом же он всегда предлагает ужин, наконец, у него можно полиберальничать, а ведь кто из нас, смертных, не любит поиграть в эту игру, в особенности когда выьет рюмочку винца; а его Петрашевский тоже дает, правда кислое и скверное, но все-таки дает» ⁴⁵. (Выделено в публикации. – М. К.) Однако, по свидетельству поэта А.Н. Майкова, Ф.М. Достоевский предложил ему вступить в «особое тайное общество» выделившееся из членов кружка Петрашевского «с целью произвести переворот в России». При этом Ф.М. Достоевский, по словам А.Н. Майкова, «стал горячо и долго проповедовать, размахивая руками в своей красной рубашке с расстегнутым воротом»⁴⁶.

Когда началось следствие по делу петрашевцев, Ф.М. Достоевского обвинили в распространении запрещенных сочинений – и прежде всего, письма В.Г. Белинского – Н.В. Гоголю.

В мае 1849 г. на следствии Ф.М. Достоевский пишет объяснение, в котором пытается определить значение слова либерал: «Скажу от чистого сердца, что до сих пор для меня было всего на свете труднее – определить слово: *вольнодумец, либерал*. Что разумеет под этим словом? Человека, который говорит противузаконно? <...> Не припомню, чтоб было что-нибудь политического и вольнодумного в словах моих. <...> Да, если желать лучшего есть либерализм, *вольнодумство*, то в этом смысле, может быть, я вольнодумец. Я вольнодумец в том же смысле, в

⁴³ К смертной казни был приговорен 21 человек. В окончательном приговоре смертная казнь всем была заменена на различные сроки каторги (Петрашевскому – бессрочно), арестантских рот или отдачей в солдаты.

⁴⁴ Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 500.

⁴⁵ Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 245.

⁴⁶ Майков А.Н. [О петрашевцах] // Первые русские социалисты. Л., 1984. С. 335–336.

котором может быть назван вольнодумцем и каждый человек, который в глубине сердца своего чувствует себя вправе быть гражданином, чувствует себя вправе желать добра своему отечеству, потому что находит в сердце своем и любовь к отечеству, и сознание, что никогда ничем не повредил ему»⁴⁷. (Выделено в публикации. – М. К.) Объяснение получилось витиеватым и неопределенным. Заметим, что Петрашевский с иронией писал именно о таком понимании либерализма в показании около 20 июня 1849 г.

В показаниях по вопросным пунктам, данных следствию в июне 1849 г. на вопрос: «Объясните, с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное или социальное направление?», Ф.М. Достоевский, выступив за все хорошее и против всего плохого, отвечал уклончиво: «...весь либерализм мой состоял в желании всего лучшего моему Отечеству, в желании безостановочного движения его к усовершенствованию. Это желание началось с тех пор, как я стал понимать себя, росло во мне всё более и более, но никогда не переходило за черту невозможного. Я всегда верил в правительство и самодержавие»⁴⁸.

Бросается в глаза неискренность признания Ф.М. Достоевского, тем более что позднее он определял самого себя конца 1840-х гг. как «европейского либерала» и явного безбожника. Спустя 30 лет, летом 1880 г. Ф.М. Достоевский писал, что в 1840-х гг., он «утратил было [Христа], когда преобразился в свою очередь в “европейского либерала”». Вновь Ф.М. Достоевский обретает веру православную на каторге и на солдатской службе. От народа «...я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком...»⁴⁹. В это же время он осознал себя русским. 9 (21) октября 1870 г. Ф.М. Достоевский из Дрездена писал А.Н. Майкову, что в годы Крымской войны он «...ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и – хоть и оставался еще тогда всё еще с сильной закваской шелудивого русского либерализма проповедованного г[---]ками вроде букашки навозной Белинского и проч., – но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским»⁵⁰.

⁴⁷ Объяснения и показания Ф.М. Достоевского по делу петрашевцев. <Объяснение Ф.М. Достоевского> // *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*: в 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 119–120.

⁴⁸ Объяснения и показания Ф.М. Достоевского по делу петрашевцев. С. 161.

⁴⁹ *Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1880 август. Глава третья. I. Об одном самом основном деле* // *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*. Л., 1984. Т. 26. С. 152.

⁵⁰ *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 145.

Такая оценка В.Г. Белинского – это уже потом, после всего пережитого. В 1848 – 1849 гг. Ф.М. Достоевский, как он сам вспоминал, «...страстно принял всё учение его [Белинского]»⁵¹. За что и пострадал. Военный суд приговорил Ф.М. Достоевского «за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева («Солдатская беседа» – М. К.) <...> подвергнуть смертной казни расстрелянием»⁵².

Список с «преступного письма литератора Белинского» выслал Ф.М. Достоевскому в марте 1849 г. из Москвы один из его близких друзей – молодой (23 года) не служивший дворянин без чина поэт А.Н. Плещеев. За что он был приговорен к 4 годам каторжных работ на заводах⁵³. Всего к 4, в отличие от Ф.М. Достоевского. Характерно, что приговор А.Н. Плещеева в докладе генерал-аудиториата следует сразу за приговором Ф.М. Достоевского.

Характерно, что показания А.Н. Плещеева и Ф.М. Достоевского объединяет общее понимание амбивалентности, двойственности смысла понятия «либерализм». А.Н. Плещеев разве что более четко различает и противопоставляет два разных смысла данного понятия. В объяснении 5 мая 1849 г. он пишет: «Если можно назвать либерализмом сознательное понимание своих обязанностей в отношении к верховной власти и обществу, желание постичь нужды и потребности своего отечества, чтобы по мере сил и способностей своих быть ему полезным, то я готов принять название либерала⁵⁴, если же, напротив, либерал тот, кто, не уяснив себе точно и определенно ни одного вопроса и не зная, где нужно усовершенствование и в чем оно должно состоять, кричит о каких-то реформах, непонятных для его собственного ума, то я стыжусь такого названия и твердо убежден, что подобные люди сколько бесполезны, столько же и безвредны, ибо слово их останется без следа, заглушенное серьезной речью человека разумного и основательного. В вечерах у Петрашевского не замечал я либерализма подобного рода, так же как не видел ничего систематического, ничего организованного, тайного»⁵⁵.

⁵¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873. II. Старые люди // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1980. Т. 21. С. 12.

⁵² Петрашевцы в воспоминаниях современников. Т. 3. С. 208.

⁵³ Там же. С. 217.

⁵⁴ «Отмечено на полях [рукописи дела] и поставлен NB. (Дело петрашевцев. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 303. Примечание.)

⁵⁵ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 303.

Среди петрашевцев были те, кто однозначно различал понятия «либерализм» и «социализм». 11 июня 1849 г. в показаниях по вопросам пунктам помощник инспектора классов Петербургского технологического института И.Л. Ястржембский, приговоренный впоследствии к шести годам каторги, на вопрос: «...с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное направление или социальное?» однозначно заявил: «Либеральным себя не сознаю, а держусь системы Фурье, который придерживается монархического образа правления...»⁵⁶. Бывший коллежский секретарь юный А.И. Европеус, приговоренный впоследствии к четырем годам каторги, в показаниях по вопросам пунктам 23 и 24 июня 1849 г. однозначно заявил: «Я фурьерист, а не либерал»⁵⁷.

Вместе с тем были и те, кто пытался различать понятия «либерализм» и «социализм», но своеобразно. 16 июня 1849 г. в показаниях по вопросам пунктам молодой поручик и начинающий литератор А.И. Пальм на вопрос: «...с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное или социальное направление?», отвечал: «Понятием о социализме я обязан Петрашевскому. Либералом я по искреннему убеждению не был; но виноват, в других терпел либерализм». Далее он пояснил, как он понимал социализм: «...как новость социальные идеи мне понравились, и я написал повесть против брака. Эта повесть брошена мною и даже осмеяна. В последнее время социализм казался мне ребячеством»⁵⁸. Вместе с тем ранее, в показании 29 апреля 1849 г. А.И. Пальм назвал главу кружка либералом: «...Петрашевский так умел себя держать, что до сих пор я, Дуров и Щелков не заметили в нем ничего опасного и под конец уже видели в нем фанфарона, либерала, более странного и смешного, чем опасного»⁵⁹. Как бы то ни было, в итоге А.И. Пальм был приговорен к «смертной казни расстрелянием»⁶⁰.

А.П. Беклемишев, молодой чиновник министерства внутренних дел, впоследствии могилевский губернатор⁶¹, арестованный, но не

⁵⁶ Дело петрашевцев. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 222–223. То же см.: *Дубельт Л.В. Записки для сведения, 1849 г.* // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М., 2005. [Т. XIV]. С. 202–203.

⁵⁷ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 183.

⁵⁸ *Дубельт Л.В. Записки для сведения, 1849 г.* С. 208; Дело петрашевцев. Т. 3. С. 277.

⁵⁹ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 264.

⁶⁰ Петрашевцы в воспоминаниях современников. Т. 3. С. 189.

⁶¹ «Замечательно, что когда этот самый Беклемишев, Александр Петрович, был назначен впоследствии губернатором, он, к удивлению своему в списке лиц,

осужденный, в показании 16 июня 1849 г. цитирует по памяти свою записку, написанную в форме письма-обращения к помещикам. В ней, говоря о «вреде крепостного состояния для самих помещиков», которое по его убеждению «стыд для русского дворянства», А.П. Беклемишев как бы в ответ на возможное замечание пишет: «Вы может быть скажете: это напыщенные восклицания либерала! О, нет, поверьте, я не либерал, не приверженец конституций, ни монархических, ни республиканских, дарованных или завоеванных. По моему мнению, можно быть свободным в монархии, рабство часто господствует в республике»⁶².

В тексте А.П. Беклемишева обращает на себя внимание однозначное отнесение понятия «либерализм» к сфере политического, на что указывает его смысловая связь с понятием «конституционализм». Также отметим, что в данном контексте понятие «либерализм» не связано с понятием «свобода», хотя и в более узком смысле обозначенном – как личная свобода. В частности, А.П. Беклемишев, имея вида отмену крепостного права, поясняет: «я говорю только о свободе личной». То есть будущий губернатор относит «свободу личную» к сфере социального, а не политического и, таким образом, противопоставляет ее либерализму, понимаемому им как конституционализм. Причем та или иная форма правления, по мнению А.П. Беклемишева, атрибутивно не связана ни с конституционализмом, ни с личной свободой.

Вместе с тем как минимум один из привлеченных к следствию, хотя и не осужденный в итоге, но оставленный в подозрении, а именно отставной подпоручик, золотопромышленник Р.А. Черносвитов говорил о единстве социализма и либерализма. В показании 2 июня 1849 г. неслужащий дворянин-помещик склонный к авантюризму Н.А. Спешнев, описывая один из вечеров у Петрашевского прошедший в конце ноября – начале декабря 1848 г., сообщил: «За ужином Черносвитов очутился опять около меня. Разговор был об Мальтусе и об социализме... <...> Черносвитов говорил умно и не без знания, старался только внушить мысль, что ведь собственно и либерализм и социализм - это все одно и то же. Говорил он очень красно – только завертывался как-то все в апологии и анекдоты и старался всех вызвать на резкость. <...> ...Черносвитов заминал тогда разговор, поддельвался под

состоящих под надзором полиции, нашел и себя самого». (Шумахер А.Д. Из воспоминаний А.Д. Шумахера // Петрашевцы в воспоминаниях современников. [Т. 1]. С. 125–126.)

⁶² Дело петрашевцев. Т. 2. С. 372.

вкус каждого и опять выставлял какой-нибудь парадокс»⁶³. По всей видимости, тезис о единстве либерализма и социализма был высказан Р.А. Черносвитовым не более чем для провоцирования полемики и более четкого проявления позиций присутствующих. Косвенно об этом говорит то, что сам Р.А. Черносвитов не упоминает понятие «либерализм» в своих показаниях на следствии. Заметим также, что в деле Р.А. Черносвитова отсутствует уточняющий вопрос следователей об этом его заявлении.

Вероятно в этот же вечер Р.А. Черносвитову «на его старание доказать тождество либерализма и социализма» Петрашевский, как он писал на следствии в конце мая 1849 г., отвечал «почти в сих выражениях»: «Социализм в современном обществе, вытекающий даже и не из общего философского воззрения <...> но из простого наблюдения действительности, и есть не что иное, как реакция духа человеческого противу анархического, разрушительного для быта общественного влияния начал либерализма...»⁶⁴. (Выделено в публикации. – М. К.)

Крайне интересны в рамках нашей темы показания старшего архивариуса Главного петербургского архива министерства иностранных дел и литератора А.П. Баласогло – одного из ближайших друзей Петрашевского, арестованного, но не осужденного, позднее сосланного в Петрозаводск. В показании 14 мая 1849 г. он писал: «...я уж года четыре тому назад сознал ясно, что в России пошло все вверх дном, что в ней готовится какая-то катастрофа, и что это уже ни для кого не тайна. <...> Я постигал, что подходит время переворота; но какого? – этого я никак не мог ни разгадать, ни выспросить, ни разведать. <...> я переглядел и пересортировал в своем уме всех насущных литераторов и удостоверился, что все это *либералы*, т. е. люди, для которых все равно, что бог, что сапог; что мир, что жареный рябчик; что чувство, что шалевый жилет; что всемирная идея, что статейка Булгарина!.. Надо было, с великим, разумеется, сокращением сердца, бросить этих “порядочных людей” с их белыми перчатками и спокойными сюртуками, с их обедами и попойками, с их криками и карточными островами, и поискать других людей, помоложе, попроще, посвежее и покрепче душой...»⁶⁵. (Выделено в публикации. – М. К.)

⁶³ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 457–458.

⁶⁴ *Буташевич-Петрашевский М.В.* [Объяснение о системе Фурье и о социализме]. С. 428–429.

⁶⁵ Дело петрашевцев. Т. 2. С. 89, 91.

Рассуждения А.П. Баласогло о либералах до боли напоминают знаменитый пассаж из «Книги о праздношатающихся» М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то взять бы да ободрать кого-нибудь. Заполучить бы куш хороший – и в сторону. А потом, “глядя по время”, либо севрюжины с хреном закусить, либо об конституции помечтать»⁶⁶. Напомним – юный М.Е. Салтыков, будущий Щедрин, посещал кружок Петрашевского в 1845 – 1847 гг.⁶⁷. Вполне понятно, что в эти годы А.П. Баласогло и М.Е. Салтыков встречались. С.А. Макашин в биографии сатирика привел следующие слова А.П. Баласогло о М.Е. Салтыкове: «он был всегда задумчив и необщителен»⁶⁸. Зато, как видно, внимателен и памятливы.

Определение же либералов как “порядочных людей”, данное А.П. Баласогло именно что в кавычках, сразу отсылает к образам либералов в записных книжках А.П. Чехова и в произведениях А.М. Горького рубежа XIX – XX веков.

Далее в показании А.П. Баласогло описывает вечера «...у либеральных мещан в писательстве», где «между болтовней поигрывай в картишки, и мы могли бы преспокойно распространять в всеуслышание все лжи, все клеветы, все бессмыслицы и о боге, и о государе, и о правительстве, и о России, и о человечестве, и о людях, и о науке, и об искусстве!». Либералы, по его мнению, «гнилы и безвредны»⁶⁹. Но он выбрал вечера Петрашевского, на которых «...общая нам всем цель – была: во-первых – убежище от карт и либеральной болтовни, наводящей на душу грусть до изнеможения ума и воли; во-вторых – обмен понятий и кровных убеждений, посредством разговора, чтения статей и прения, <...> в-третьих – сообщение <...> друг другу <...> новостей и своих частных сведений»⁷⁰.

22 и 23 июня 1849 г. на допросе по вопросным пунктам А.П. Баласогло показал: «...Петрашевский, с которым я не раз имел случай

⁶⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Книга о праздношатающихся // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1971. Т. 12. С. 580.

⁶⁷ См.: Семеvский В.И. Салтыков – петрашевец // Русские записка. 1917. № 1. С. 21–50; Иванов-Разумник Р.В. М.Е. Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. Ч. 1: 1826 – 1868. М., 1930.

⁶⁸ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин: Биография: [Т. 1]. 2-е изд. М., 1951. С. 187.

⁶⁹ Выражение «гнилой либерализм» позднее употребил опять же М.Е. Салтыков-Щедрин в 1875 г. в четвертой главе сатирического очерка «Господа Молчалины». (Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1971. Т. 12. С. 75).

⁷⁰ Дело петрашевцев. Т. 2. С. 92, 93.

беседовать один на один, остался доселе в моих понятиях человеком мирных стремлений, совершенно подобных моим, хотя его и называли в кругу литераторов прежде, нежели я его узнал ближе, отчаянным фурьеристом; а это значило у этих людей, впрочем либеральных, что-то ужасное и дикое»⁷¹.

Таким образом, для А.П. Баласогло понятие «либерализм» включает в себя целый спектр отрицательных коннотаций: глупость, пустозвонство, ложь, неискренность, обманчивость, меркантильность.

На следствии только один из петрашевцев, поручик лейб-гвардии Московского полка и начинающий литератор Н.А. Момбелли назвал себя либералом. Но не просто либералом, а «одним из самых гнусных либералов».

Осенью 1846 – зимой 1847 гг. тогда ещё прапорщик Н.А. Момбелли устраивал у себя еженедельные литературные вечера для обсуждения различных, в том числе общественно-политических вопросов. В показаниях 8 мая 1849 г. Н.А. Момбелли писал, что эти вечера «...тоже косвенно способствовали моему несчастью, наложив на меня, в глазах многих, клеймо либерала. Сознаюсь к своему обвинению, что сначала прозвание это не оскорбляло и не тревожило меня, напротив даже нравилось, по какому-то ребяческому чувству; но в последнее время оно мне делалось противно, я не знал, как с ним разделаться...». Репутации своей как либерала «за литературно-музыкальные вечера» 1846 – 1847 гг. Н.А. Момбелли по его мнению, «обязан знакомством с Петрашевским, что он пригласил меня к себе...»⁷². Несмотря на то, что ему «в последнее время» стало противно «клею либерала», как имеющее явно негативные коннотации, вечера Петрашевского Н.А. Момбелли называет либеральными. На допросе по вопросным пунктам 7 – 8 июня 1849 г. он заявил: «Вечера Петрашевского вообще были либеральны и о социализме на них часто говорилось...»⁷³.

В показаниях 8 июня 1849 г. Н.А. Момбелли конкретизирует, за что его считали либералом до 1848 г.: «В то время я слыл либералом только за свои отчаянные статьи (Читались на вечерах у Н.А. Момбелли. – М. К.), в которых обыкновенно излагал не свое мнение, а самое крайнее, какое мог себе тогда вообразить, чтобы возбудить в других противодействие, спор и тем оживить собрание, а также чтобы самому отличиться оригинальностью, фатством». Далее Н.А. Момбелли констатирует: «Я

⁷¹ Там же. С. 125.

⁷² Дело петрашевцев. Т. 1. С. 215–216, 217.

⁷³ Там же. С. 344.

сделался либералом из безумного ребячества, шалости, из желания быть оригинальным, потом, попавшись в кружок либералов Петрашевского, я на самом деле сочувствовал почти всему либеральному <...> но убеждений их не разделял». Испытывая острое чувство раскаяния, Н.А. Момбелли сам себе выносит приговор: «Я преступник, заслуживший свою долю, и готов понести самую казнь. Как не черен я теперь, все же мне больно, что сомневаются в искренности моего раскаяния...»⁷⁴.

На допросе по вопросным пунктам 17 июня 1849 г. Н.А. Момбелли заявил: «Я тоже был одним из самых гнусных либералов <...> и хотя во мне начинал совершаться внутренний переворот и я больше задумывался и говорил мало и неохотно, но ко мне обращались по прежнему, как к либералу, и, когда приходилось говорить, говорил еще согласно с общим вкусом присутствующих, в прежнем духе»⁷⁵. Характерно, что слова Н.А. Момбелли о себе как о «гнусном либерале» вполне коррелируют с характеристикой «такого рода либералов» из письма В.Г. Белинского – П.В. Анненкову.

В докладе, представленном 19 декабря 1849 г. Николаю I следственной комиссией по делу петрашевцев, Н.А. Момбелли, между прочим, вменялось в вину намерение учреждения «тайного общества, под названием товарищества или братства взаимной помощи, из прогрессистов и людей передовых мнений, которые могли бы двинуть гражданский быт вперед на новых началах, посредством возвышения друг друга»⁷⁶. Тайное общество не состоялось, но намерение признавалось преступным. В итоге, несмотря на раскаяние, Н.А. Момбелли был приговорен к «смертной казни расстреливанием»⁷⁷.

Среди ответов петрашевцев на вопрос следствия: «...с которых пор и по какому случаю проявились в вас либеральное или социальное направление?», выделяется ответ В.А. Головинского, совсем юного (20 лет) выпускника училища правоведения только начавшего службу по министерству юстиции. В показаниях по вопросным пунктам 21 июня 1849 г. он заявил: «Либерализм и социализм понятия чисто западные, там для них есть применение, потому что они развились историческим ходом Западной Европы». «...начало либерализма, последовательно развиваемого всею новейшею историею Запада, т. е. последнего 50-летия», по мнению В.А. Головинского, это 1789 г., то есть Французская

⁷⁴ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 350, 355–356.

⁷⁵ Там же. С. 376.

⁷⁶ Петрашевцы в воспоминаниях современников. Т. 3. С. 284.

⁷⁷ Там же. С. 88.

революция конца XVIII в. Социализм же для него – это «протест голода». В России, как считал юный правовед, «...все эти понятия, как либеральное, так и социальное, совершенно не применимы, они могут явиться только как плод фантазии – быть вычитаны; а самый поверхностный разбор исторического развития России покажет их неосновательность». Развивая свою мысль, В.А. Головинский пришел к следующему выводу: «В славянском начале есть основание, которое избавит Россию от ужасных последствий социализма, – это община», которая владеет крестьянской землей⁷⁸. «...за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева...» В.А. Головинский был приговорен к «смертной казни расстрелянием»⁷⁹.

Для чиновников всех уровней, которые вели следствие по делу петрашевцев, писали доклады и сводные материалы из дел подследственных, понятие «либерализм» означало сочетание безнравственности и радикализма, что в целом было характерно для русского общественного сознания 1840-х гг. В заключение генерал-аудиториата об отставном коллежском асессоре литераторе С.Ф. Дурове говорилось: «...по отзыву председателя Особой комиссии статс-секретаря князя Голицына, сочинения Дурова легкомысленны, и в них проявляются безнравственные чувства. Следственная же комиссия, обращая внимание на ход действий Дурова, заметила в нем либеральное направление»⁸⁰.

Что же означают понятия «социализм» и «коммунизм» – чиновники не понимали, но связывали их с радикальными действиями последователей одноименных учений в ходе революций 1848 г. В докладе генерал-аудиториата по делу петрашевцев в разделе «Об освобожденных по сему делу из-под ареста разных лиц», говорилось: «...от них взяты в комиссии подписки, чтобы все расспросы содержать в строгой тайне и впредь никогда не принадлежать ни к какому тайному обществу и не распространять, каким бы то образом ни было, преступных идей социальных и коммунистских (Так в тексте. – М. К.) и вообще либеральных (в том числе и учения Фурье)»⁸¹.

Л.В. Дубельт 1 июля 1849 г. так определил цель Петрашевского: «...распространять всеми средствами не одни идеи социальные, но и вообще идеи либеральные; развращать умы социальными книгами,

⁷⁸ Петрашевцы в воспоминаниях современников. Т. 3. С. 224–225.

⁷⁹ Там же. С. 144–145.

⁸⁰ Там же. С. 311.

⁸¹ Петрашевцы в воспоминаниях современников. Т. 3. С. 268.

разговорами и речами <...> не производить самому восстания, но пользоваться косвенно всеми беспорядками и ожидать терпеливо, чтобы злые семена, зараняемые в молодое поколение, созрели. Либеральное его гнездо посещал, кто хочет <...> Петрашевский простыми своими собраниями полагал достигать, и действительно достигал, цели либеральных своих усилий вернее и безнаказаннее, чем достигал бы их посредством тайного общества, средства более опасного, при котором легче бы пробуждалась совесть завлеченного и которое скорее повело бы к открытию злоумышлений»⁸².

В заключение доклада генерал-аудиториата по делу петрашевцев говорилось: «Преступные замыслы подсудимых к ниспровержению существующего в России государственного устройства возникли от либерального направления ума и от усвоенных ими вредных социальных идей Западной Европы»⁸³. То есть петрашевцам, которые действительно были сторонниками «вредных социальных идей», вменялся в вину и либерализм, под которым они понимали совсем не то, что их обвинители.

Во второй половине декабря 1849 г. сенатор К.Н. Лебедев записал свое мнение о деле петрашевцев: «14 декабря [1849 г.] я объяснялся с министром [юстиции В.Н. Паниным] <...> говорил о социализме и коммунизме... <...> Я упомянул, что слова эти сделались предметом злоупотребления и что в существе они тот же так называемый либерализм и к нам вовсе не применимы, но что обнаруживаемые беспорядки и толки, кажется важнее, нежели их принимают»⁸⁴.

Осудили петрашевцев за слова и намерения. Ещё до следствия на одной из записок шефа жандармов А.Ф. Орлова от 21 апреля 1849 г. о готовности III отделения к арестам петрашевцев, Николай I, после прочтения всех бумаг наложил резолюцию: «Я все прочел; дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо»⁸⁵. О следственной комиссии по делу петрашевцев М.А. Корф в «Записках» писал, что члены комиссии «...называли это дело – заговором идей, чем и объясняли трудность дальнейших раскрытий: ибо, если можно обнаруживать факты, то как же уличать в мыслях, когда они не осуществились еще никаким проявлением, никаким

⁸² Дубельт Л.В. Записки для сведения, 1849 г. С. 214.

⁸³ Петрашевцы в воспоминаниях современников. Т. 3. С. 321–322.

⁸⁴ Лебедев К.Н. Из записок сенатора К.Н. Лебедева. 1849 // Русский архив. 1910. Кн. 3. № 11. С. 376.

⁸⁵ К истории дела Петрашевского // Былое. 1906. № 2. С. 247.

переходом в действие»⁸⁶. Заметим, что с точки зрения власти резон в этом был, ибо, как говорил ещё Демокрит (Демокрит Абдерский): «Слово – тень Дела»⁸⁷.

Петрашевский и восемь осужденных членов его кружка, чьим местом для отбывания наказания была назначена Сибирь, в январе 1850 г. партиями прибыли в Тобольск, где они провели около недели и откуда их отправили в пункты назначения. В Тобольске осужденных встретили и оказали помощь находившиеся там на поселении декабристы и более всего жены двух из них – П.Е. Анненкова и Н.Д. Фонвизина.

18 мая 1850 г. Н.Д. Фонвизина писала из Тобольска И.А. Фонвизину, старшему брату мужа в его подмосковное имение: «Недавно случилось мне сойтись со многими страдальцами – совершенно как бы чуждыми мне по духу и убеждениям моим сердечным. Признаюсь что я даже не искала с ними сближения. – Другие из наших и Michel (М.А. Фонвизин. – М. К.) приняли деятельное участие в их бедствиях. Снабдили всем нужным – и сношения сначала этим только и ограничились. Между тем они были предубеждены против всех нас и не хотели даже принимать от нас помощи, многие, лишенные всего – считали несчастьем быть *нам* обязанными. *Социализм коммунизм фурьеризм* были совершенно новым явлением для прежних Либералов и они дико как-то смотрели на новые жертвы новых идей»⁸⁸. (Выделено в публикации. – М. К.)

В Тобольске встретились представители не только двух поколений, но и двух противоположных политических течений. Старые либералы когда-то были революционными радикалами, а новые «ужасные и дикие» фурьеристы-коммунисты – не более чем пропагандистами новых общественно-политических идей. Но участь у них оказалась одна – кандалы и Сибирь. Несчастье же, как известно, объединяет.

Для цитирования: *Калашиков М.В.* Понятие «либерализм» в дискурсивных практиках петрашевцев (из истории русского общественного сознания 1840-х гг.) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 25-50.

⁸⁶ Корф М.А. Записки. С. 498.

⁸⁷ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М., 1986. С. 344.

⁸⁸ Фонвизина Н.Д. Письмо Н.Д. Фонвизиной к И.А. Фонвизину от 18 – 22 мая 1850 года / подгот. текста и публ. Е.Н. Вяль. Текст: электронный // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. 2015. № 2. С. 55. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.petsu.ru/books/bookview?id=50428> (дата обращения: 18.05.2023).

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК 94(44)“1794/1795”

ДИСКУССИИ О БУДУЩЕЙ ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭПОХИ ТЕРМИДОРА

К.В. Полукеева¹

МГУ им. М.В. Ломоносова

e-mail: k.polukeeva@gmail.com

Аннотация. Одним из наиболее важных вопросов, стоявших перед Францией эпохи Термидора, был вопрос о конституции. Вокруг него велось немало дискуссий как в Конвенте, так и за его пределами – при этом взгляду «извне» до сих пор не уделялось существенного внимания в историографии. В статье анализируются размышления французских публицистов о выборе между монархией и республикой – был ли этот выбор возможен, кому предстояло его сделать и чем было чревато неправильное решение. Подробно рассматриваются аргументы в пользу каждой из форм правления, опирающиеся на географические, военные, политические и иные факторы. При этом сопоставление памфлетов республиканцев и роялистов позволяет выявить не только противоречия между ними, но и точки консенсуса.

Ключевые слова: Французская революция, Термидор, конституция, публицистика, форма правления.

DISCUSSIONS ON THE FUTURE FORM OF GOVERNMENT AMONG FRENCH PUBLICISTS OF THE THERMIDORIAN PERIOD

K.V. Polukeeva

(Moscow, Russia)

e-mail: k.polukeeva@gmail.com

Annotation. One of the most important issues facing France during the Thermidorian period was the issue of the constitution. There were many discussions around it both within the Convention and beyond, but the «outside» view has not yet received much attention in historiography. The article analyzes the reflections of French publicists on the choice between monarchy and republic – whether this choice was possible, who had to make it, and what were the consequences of a wrong decision. The arguments in favor of each form of government, based on geographical, military, political, and other factors, are examined in detail. Moreover, a comparison of the pamphlets written by republicans and royalists allows to reveal not only the contradictions between them, but also points of consensus.

Key words: French Revolution, Thermidor, constitution, publicists, form of government.

¹ Полукеева Ксения Валерьевна, магистрант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Франция, за несколько лет успевшая отказаться и от Старого порядка, и от конституционной монархии, стояла на пороге третьего года Республики. Французы, порядком уставшие от тягот Революции, ожидали её окончания, надеясь, что оно принесёт в страну порядок и покой. Важным шагом в этом направлении должно было стать введение в действие конституции. Но, какой именно конституции? Мы, оглядываясь на прошлое, знаем ответ на этот вопрос, однако современникам это во все не казалось очевидным. Если дебаты о Конституции в Конвенте уже попадали в поле зрения исследователей, то размышлениям сторонних наблюдателей, находившим отражение, в частности, на страницах памфлетов, обычно уделялось существенно меньше внимания.

Ещё осенью 1794 г. Ж.-В. Делакура, выдающийся юрист, предложил вынести этот вопрос на общенародное голосование и дать каждому гражданину возможность сказать «да» или «нет» Конституции 1791 и 1793 г.² (следует отметить, что подобная точка зрения, допускавшая установление монархии в качестве реальной альтернативы, послужила поводом для суда над автором, обвинённым в призывах к возвращению королевской власти³). Позднее, весной 1795 г., генерал Ш.-Ф. Дюмурье также предлагал французам выбрать одну из прежних конституций и даже составил проект обращения Конвента к народу: «... Государственные дела поглощают все наши силы. У нас осталось недостаточно времени для работы над Конституцией. Чтобы оправдать доверие, которое вы оказали своим уполномоченным, мы можем полагаться при выборе правительства только на ваш неотъемлемый суверенитет, он один вправе дать ответ на столь важный вопрос. [...] Ваше спасение или ваша гибель зависит от вашего выбора»⁴.

И всё же официально последней принятой конституцией оставалась Конституция 1793 г., отложенная до заключения мира. При этом из

² *Delacroix J.-V.* Le spectateur françois pendant le gouvernement révolutionnaire. P., an III. P. 237.

³ *Magoni C.* L'Europe des constitutions dans l'ouvrage de Jacques-Vincent Delacroix (1791-1801) [Электронный ресурс] // La Révolution française. 2011. № 4. Dire et faire l'Europe à la fin du XVIIIe siècle. URL : <http://journals.openedition.org/lrf/268> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴ *Dumouriez Ch.F.* Lettre du Général Dumouriez au Traducteur de l'Histoire de sa vie pour servir de suite au Coup d'œil politique sur l'avenir de la France. Hambourg, 1795. P. 103-105.

всех рассмотренных памфлетистов лишь один высказался в её пользу⁵. Другие же авторы указывали на то, что эта конституция была едва ли реализуема, неспособна сохранить свободу⁶ и осуждалась общественным мнением⁷. Отмечали и то, что во время референдума «страх исключил из первичных собраний всех, кто мог бы [...] заставить людей почувствовать чудовищность» этого акта⁸, что Конституция 1793 г. была принята принудительно и в спешке⁹, «рождена преступлением и одобрена террором»¹⁰, а также являлась «творением и опорой тирании»¹¹. Считать ли этот документ достойной основой будущего Франции, если люди, причастные к его созданию и утверждению, были объявлены тиранами и преступниками?

К тому же, публицисты осознавали, что цена неправильного выбора будущего государственного устройства была высока. Мадам де Сталь полагала, что, если бы французам не удалось правильным образом организовать республику, страну ожидали бы долгие несчастья, а по их завершении – установление конституционной монархии¹². Позднее де Сталь скорректировала свою точку зрения и указала на то, что сила, которой потребовалось бы наделить монарха для свержения республиканцев¹³, и обстановка «хаоса законов и морали» помешали бы ограничить власть короля и установить конституционный режим. Кроме того, попытка восстановить монархию вернула бы Конвент под влияние якобинцев и склонила бы его к возвращению Террора¹⁴. Таким

⁵ *Lenglet É.-G.* Expliquons nous. Réflexions sur la liberté de la Presse, sur le Gouvernement Révolutionnaire, sur la Souveraineté du Peuple, sur les Jacobins, et les Insurrections. S.l., s.d. P. 45.

⁶ *Pommier (de Vincelles).* Système d'un citoyen du Jura, Sur les moyens d'obtenir une Constitution définitive, sur les principes qui doivent en être la base, et les éléments d'un plan. S.l., s.d. P. 2.

⁷ *Gaudin-Lagrange.* Essai sur les moyens d'arriver à un bon gouvernement, ou Réflexions inspirées par les événements des premiers jours de Prairial. P., s.d. P. 6.

⁸ *Effaçons tout, et recommençons. Aux assemblées primaires et aux électeurs.* S.l., s.d. P. 1.

⁹ *Dumouriez Ch.F.* Coup d'œil politique sur l'avenir de la France. Hambourg, 1795. P. 5.

¹⁰ *Gaudin-Lagrange.* Op. cit. P. 6.

¹¹ *Dumouriez Ch.F.* Lettre du Général Dumouriez... P. 148.

¹² *Staël A.L.G. de.* Réflexions sur la paix, adressées à M. Pitt et aux français. P., 1795. P. 38-39.

¹³ *Idem.* Réflexions sur la paix intérieure // *Staël A.L.G. de.* Œuvres complètes de Mme la baronne de Staël. P., 1820. T. 2. P. 103.

¹⁴ *Staël A.L.G. de.* Réflexions sur la paix. P. 124-126.

образом, оставалось либо мирным путём прийти к республике, либо кровавым – к деспотизму того или другого рода.

Иначе думал журналист-республиканец Ж.-Ж. Ленуар-Ларош – он считал, что сигналом к началу гражданской войны стало бы само восстание королевской власти¹⁵. Другой республиканец полагал, что предвестницей гражданской войны являлась анархия, которую могло бы спровоцировать введение в действие Конституции 1793 г.¹⁶, а ещё один памфлетист утверждал, что к таким плачевным последствиям привёл бы возврат к любой из предыдущих конституций¹⁷.

При этом и роялистам, и республиканцам казалось, что установить новый политический режим окажется тем проще, что уставшему от Революции народу, по сути, было всё равно, каким он будет. При этом *status quo* мог бы стать весомым подспорьем республиканцев, ведь смена режима потребовала бы активных действий и была чревата новыми потрясениями – Ленуар-Ларош назвал «счастливым бессилием» положение, в котором шаг назад (т.е. в сторону монархии) вёл в пропасть¹⁸; мадам де Сталь же с грустью отмечала, что «заставив его [народ – К.П.] нести самое ужасное иго, его подготовили к принятию свободной конституции, то есть к тому, чтобы не вмешиваться»¹⁹. Граф де Монгайяр, сторонник абсолютной монархии, и вовсе полагал, что французский народ «настолько устал, что одобрит всё и устроит иллюминацию даже в честь конституции Персии, если дать ему хлеб и мир»²⁰.

Но стоило ли в принципе спрашивать народ о том, какую форму правления он предпочитает? Делакруа считал это необходимым: если бы большинство проголосовало за республику, Европа получила бы подтверждение того, что Конвент действовал в соответствии с желанием нации; если же перевес оказался бы в пользу сторонников монархии, Конвент приобрёл бы только большую славу, отступившись от своего мнения и последовав за желанием народа²¹. При этом памфлетист

¹⁵ *Lenoir-Laroche J.J. De l'esprit de la Constitution qui convient à la France, et examen de celle de 1793. P., an III. P. vi.*

¹⁶ *Danglus. Réflexions d'un Spartiate, qui préfère la mort à l'esclavage. P., an III. P. 7.*

¹⁷ *Gaudin-Lagrange. Op. cit. P. 6.*

¹⁸ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 70.*

¹⁹ *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure. P. 108.*

²⁰ *Montgaillard M.-J., comte de. L'an mille sept-cent quatre-vingt-quinze, ou Conjectures sur les suites de la Révolution française. Hambourg, 1795. P. 67.*

²¹ *Delacroix J.-V. Op. cit. P. 238.*

полагал, что большинство французов всё же поддержало бы республику²².

Другой автор подчёркивал, что, если бы решение о форме правления было принято на основании неких представлений о народных настроениях, а не ясно выраженного мнения граждан, меньшинство всегда считало бы себя вправе надеяться на смену правительства, что грозило бы очередной революцией²³. Мадам де Сталь также писала, что лучше было бы сказать народу, что он может самостоятельно выбирать форму правления и будет лишь избавлен от «ига разбойников»²⁴. Наконец, Дюмурье, осознав, что депутаты не планировали предоставлять народу выбор между двумя конституциями, о котором генерал писал ранее, обратился в своём следующем памфлете напрямую к первичным собраниям, настаивая, чтобы, в таком случае, они сделали этот выбор по собственной инициативе²⁵.

Обсуждали авторы памфлетов и то, можно ли доверить разработку нового основного закона самому Конвенту. Стал бы он руководствоваться желаниями народа или лишь собственными интересами? По мнению Монгайяра, как только после окончания диктатуры монтаньяров в стране осталось значительно меньше сторонников республики, Конвент стал склоняться к монархии. «Личные интересы, которые заставляли большую часть депутатов казаться республиканцами, вскоре вынудят их стать роялистами, поскольку мнения и страсти людей почти всегда являются творением обстоятельств»²⁶. По сути, речь шла о своего рода компромиссе с интересами народа, но объём уступок Конвента в рамках этого компромисса не заходил дальше необходимого для сохранения его власти или, по крайней мере, жизни и имущества депутатов.

Дюмурье тоже считал Конвент заинтересованной стороной, но делал из этого противоположные выводы – поскольку тот под давлением участников прериальского восстания взял на себя обязательство ввести в действие Конституцию 1793 г., не поинтересовавшись мнением французов, он стал не более, чем республиканской фракцией. Этому способствовал и страх Конвента прослыть роялистским, давая якобинцам повод для новых нападок, и кровь короля,

²² *Delacroix J.-V.* Op. cit. P. 238-239, 242.

²³ *Gaudin-Lagrange.* Op. cit. P. 7.

²⁴ *Staël A.L.G. de.* Réflexions sur la paix, adressées... P. 26.

²⁵ *Dumouriez Ch.F.* Aux assemblées primaires de France. Suite du Coup d'œil politique sur l'avenir de la France. Hambourg, 1795. P. 1-3.

²⁶ *Montgaillard M.-J., comte de.* Op. cit. P. 81-82.

запятнавшая руки депутатов (генерал полагал, что дискуссия о возвращении королевской власти могла повлечь за собой решение о незаконности осуждения Людовика XVI, что сделало бы преступниками тех, кто голосовал за его смерть)²⁷.

Мадам де Сталь полагала, что на членов Конвента давил страх невозможности в будущем спокойно существовать поодиночке из-за причастности к преступлениям прошлого. Памфлетистка, впрочем, полагала, что куда большую угрозу для депутатов представляло сохранение режима, не гарантировавшего безопасность ни управляющим, ни управляемым. Также де Сталь указывала на то, что вся народная ненависть концентрировалась на фигуре Робеспьера, в то время как свергнувшие его члены Конвента были в силах стереть воспоминания о своём соучастии в Терроре²⁸ – писательница уверяла, что «те, кто даст Франции справедливую, свободную и прочную конституцию, с таким блеском восстанут из могилы анархии, что для них не останется ничего, кроме будущего»²⁹.

Впрочем, среди памфлетистов-республиканцев доверие к Конвенту в вопросе разработки Конституции, в целом, сохранялось – не отрицая его прошлых ошибок, авторы полагали, что депутаты были научены печальным опытом³⁰, который единственный давал право «осматривать раны» нации, чтобы исцелить их³¹.

Рассуждали памфлетисты и о преимуществах различных форм правления. Любопытно, что сторонники республики не трудились доказывать предпочтительность именно этой формы правления, а скорее искали способы её исправления и улучшения.

Роялисты же пытались представить монархию как форму правления, оптимальную не только в данный момент, но и в принципе. Так, Дюмурье уверял, что, учитывая слабость человеческой натуры, было бы безопаснее довериться одному человеку, чьи желания заранее исполняются и которому нечего выигрывать, зато есть, что терять в случае народного недовольства (т.е. королю, чьи расходы покрывал бы цивильный лист), нежели пятистам, чьи интересы могут быть удовлетворены только за счёт людей, которыми они правят. В представлении Дюмурье, «конституционный король может приносить благо всем, а вредить

²⁷ *Dumouriez Ch.F. Aux assemblées primaires de France. P. 5-8.*

²⁸ *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix, adressées... P. 53-55.*

²⁹ *Ibid. P. 57.*

³⁰ *Gaudin-Lagrange. Op. cit. P. 5.*

³¹ *Alex F.T. Le lendemain du quatre Prairial, ou Réflexions politiques d'un citoyen, ami de sa patrie et de l'humanité. P., s.d. P. 24.*

лишь себе самому»³². Монгайяр подходил к вопросу с несколько иной стороны – если человек, правящий единолично, всегда опасался бы стать тираном, то «собрание не может иметь этого страха, поскольку [...] каждый может совершать преступления и винить в них всё собрание»³³. Ж.-Ф. де Буадеффер, ещё один сторонник абсолютной монархии, противопоставлял зависимость народа от «восьмисот честолюбцев» мирному господству монарха, не подверженному влиянию страстей³⁴.

Роялисты указывали и на то, как дорого Франции обошёлся республиканский опыт, и доказывали, что лишь восстановление монархии могло вернуть в страну порядок и спокойствие. У многих из тех, кто желал лишь покоя и безопасности, именно республика ассоциировалась с их отсутствием – казалось, что «нельзя произнести это слово, не поместив тотчас же рядом с этой идеей картину ужасов революции»³⁵. Дюмурье не без иронии отмечал, что «плохо организованная», по мнению республиканцев, французская монархия за четырнадцать веков своего существования знала меньше преступлений и бедствий, чем республика за двадцать три месяца³⁶.

С критикой представлений о покое, даруемом монархией, выступил Ленуар-Ларош, называя его «сном безразличия» и «отдыхом раба, которого изувечили, чтобы не дать ему сбежать»³⁷. По мнению публициста, многие из тех, кто причислял себя к роялистам, ассоциируя с Революцией вызванный ей хаос, на самом деле желали не восстановления королевской власти, а лишь хорошо организованного правительства³⁸. Автор утверждал, что за годы Революции национальный дух уже успел измениться, и приобретённые французами ненависть к «привилегированным кастам», чувство независимости и свободы, а также многочисленные частные состояния, создавали преграду, препятствующую свержению республиканского режима³⁹.

³² *Dumouriez Ch.F. Coup d'œil politique sur l'avenir de la France. Hambourg, 1795. P. 76-77.*

³³ *Montgaillard M.-J., comte de. Op. cit. P. 65.*

³⁴ *Boisdeffre J.F. Le Mouton de. Des erreurs du temps. Première partie, contenant les articles de la souveraineté du peuple, de l'égalité des droits, de la démocratie, du gouvernement monarchique, de la liberté, de l'opinion publique, des représentants d'un peuple, de la Constitution de 1791, des patriotes ou démocrates, du mélange de la monarchie, de l'aristocratie et de la démocratie. Constance, 1795. P. 126.*

³⁵ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 140.*

³⁶ *Dumouriez Ch.F. Lettre du Général Dumouriez... P. 150-151.*

³⁷ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 68.*

³⁸ *Ibid. P. 65.*

³⁹ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 103-104.*

Пытаясь опереться на авторитет просветителей, роялисты призывали принять во внимание и географические факторы, обращаясь к расхожему утверждению о том, что республика возможна лишь на небольшой территории. С этим не спорили и республиканцы, но уточняли, что размеры Франции делали затруднительной «чистую» или «народную» демократию, а не республику в принципе⁴⁰.

Буадеффри же подчёркивал, что «лишь монархическое правительство подходит в том случае, когда многочисленный народ занимает обширные земли, которые без особых трудностей можно разделить на отдельные части; именно в этом случае важно, чтобы власть действовала быстро, независимо и, прежде всего, беспристрастно». По его мнению, сильная власть была необходима в государстве, где между собой сталкивались интересы провинций, а огромное население было неравномерно распределено⁴¹. По существу, данный аргумент скорее касался централизованной и сильной исполнительной власти, не обязательно королевской – так, генерал Ф. де Миранда считал общепризнанным фактом то, что более многочисленная нация требовала более твёрдого правительства⁴². Ленуар-Ларош также утверждал, что размеры территории и населения Франции требовали от исполнительной власти быстрых и решительных действий⁴³. Оба республиканца выступали за сильную исполнительную власть, доверенную одному человеку, но в рамках республики.

Заметное место в аргументации памфлетистов занимал военный фактор – в том числе потому, что армия за годы Революции стала восприниматься как отдельная влиятельная сила, и попытки Дюмурье и Лафайета использовать её не были забыты. Буадеффри полагал, что само существование государства зависело от наличия постоянной армии, а для её поддержания в континентальной державе требовалась неограниченная королевская власть⁴⁴. Дюмурье, также указывая на необходимость постоянной армии и флота, доказывал, что они были невозможны в демократическом государстве. Генерал рассуждал так: если бы армия стала постоянной отдельной силой, можно было бы опасаться, что её (или её часть) в любой момент могла бы перетянуть на свою сторону та или иная фракция, что привело бы к гражданским войнам; если

⁴⁰ *Danglus. Op. cit. P. 22-23 ; Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 106.*

⁴¹ *Boisdeffre J.F. Le Mouton de. Op. cit. P. 45, 137.*

⁴² *Miranda F. de. Opinion du général Miranda sur la situation actuelle de la France, et sur les remèdes convenables à ses maux. P., an III. P. 10.*

⁴³ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 153.*

⁴⁴ *Boisdeffre J.F. Le Mouton de. Op. cit. P. 56, 62.*

бы законодательная власть сохранила абсолютный контроль над войсками, она уподобилась бы римскому сенату, а республика из демократической превратилась в аристократическую; если же управление армией было бы передано исполнительной власти, последняя могла бы установить деспотический режим⁴⁵.

Следовательно, вариантов, по мнению генерала, было только два – конституционная монархия (в которой король не смог бы самовольно распоряжаться войсками) и аристократическая республика, которая, впрочем, вскоре использовала бы армию во вред себе, подобно римскому сенату времён Мария, Суллы и Цезаря⁴⁶.

О перипетиях римской истории размышлял и Лемуар-Ларош, однако делал из них иные выводы. Корень проблемы публицист видел в том, что Марий вербовал в свои войска всех без разбора, что привело к потере солдатами республиканского духа – они принадлежали уже не отечеству, а своим генералам, чем впоследствии и воспользовался Цезарь. Чтобы избежать подобной угрозы, по мнению Лемуар-Лароша, следовало набирать в армию лишь солдат, искренне заинтересованных в защите государства, а также не давать генералам в течение долгого времени командовать одними и теми же армиями⁴⁷.

Обсуждали публицисты и опасности «вырождения» различных форм правления, от которых предостерегал Монтескьё. Так, по мнению одного из республиканцев, монархии были отвратительны, поскольку всего лишь один шаг отделял их от деспотизма⁴⁸. Буадеффр, напротив, утверждал, что в гораздо большей степени к деспотизму были склонны республиканские режимы⁴⁹ (того же мнения придерживался и другой публицист, отмечая, со ссылкой на римскую историю, что республики были ещё более подвержены «преступным амбициям»⁵⁰); впрочем, Монтескьё действительно писал и о возможном перерождении демократических республик, как в деспотизм толпы, так и в тиранию одного⁵¹.

Спорили публицисты и о том, какой политический режим предоставляет гражданам большую свободу. Буадеффр и де Сталь, будучи

⁴⁵ *Dumouriez Ch.F. Aux assemblées primaires de France. P. 123-125, 134, 136.*

⁴⁶ *Ibid. P. 149.*

⁴⁷ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 177-178.*

⁴⁸ *Danglus. Op. cit. P. 6.*

⁴⁹ *Boisdeffre J.F. Le Mouton de. Op. cit. P. 52.*

⁵⁰ *Gaudin-Lagrange. Op. cit. P. 13-14.*

⁵¹ *Монтескьё Ш.-Л. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 255, 258.*

сторонниками разных форм правления, придерживались довольно схожей логики, рассуждая о политической и гражданской свободе. Роялист писал, что граждане демократической республики обладают политической свободой, однако их индивидуальная свобода ограничена – долг велит гражданину ставить интересы общества превыше собственных. В монархии же политическая свобода принадлежит королю, однако тот обеспечивает подданным гражданскую свободу, под которой Буадеффри понимал возможность свободно распоряжаться своей личностью и своей жизнью⁵². Мадам де Сталь также считала истинным благом для большинства населения именно гражданскую свободу и видела в политической свободе её гарантию. Отмечая, как и Буадеффри, жертвенный характер участия в политической деятельности, де Сталь видела в гражданской свободе плод этой жертвы – речь шла уже не о демократии и не о монархии, а о республике, в которой политика была уделом наиболее достойных граждан⁵³.

Размышляли авторы памфлетов и о том, какой политический режим в большей степени гарантировал равенство. Буадеффри полагал, что ни одно другое правительство не обеспечивало такого же равенства, как абсолютная монархия, поскольку она давала шанс претендовать на самые выгодные посты тем, кто не имел ни особого статуса, ни состояния, зато отличался острым умом и талантами. Короли являлись покровителями искусств и промышленности, поощряя и вознаграждая всех, кто приносил пользу⁵⁴; в республиках же, добавлял Монгайяр, «народ, быть может, лучше вознаграждает, однако он более ревнив и несправедлив» к своим гениям⁵⁵. При этом и Буадеффри, и Монгайяр указывали на то, что неравенство было неизбежной частью любой формы правления – даже в демократиях появлялись «люди, вынужденные по желанию своих сограждан возвыситься над ними» или пользующиеся уважением семьи, членам которых отдавалось бы предпочтение в ходе выборов⁵⁶.

Этот принцип Монгайяр считал одной из предпосылок грядущей реставрации монархии – неравенство представляло собой естественную взаимосвязь более высокого положения в обществе с более высокими должностями⁵⁷. Граф отметил, что Конвент был ориентирован на

⁵² Boisdeffre J.F. *Le Mouton de*. Op. cit. P. 72.

⁵³ Staël A.L.G. *de. Réflexions sur la paix intérieure*. P. 142-144.

⁵⁴ Boisdeffre J.F. *Le Mouton de*. Op. cit. P. 48, 128.

⁵⁵ Montgaillard M.-J., *comte de*. Op. cit. P. 94-95.

⁵⁶ Montgaillard M.-J., *comte de*. Op. cit. P. 111 ; Boisdeffre J.F. *Le Mouton de*. Op. cit. P. 23.

⁵⁷ Montgaillard M.-J., *comte de*. Op. cit. P. 108.

установление имущественного ценза для занятия политических и гражданских постов, поскольку данная мера сводилась к уважению и защите собственности – таким образом, именно с опорой на права человека депутатам предстояло вернуть неравенство. Французы же, по мнению Монгайяра, вскоре потребовали бы не только установления монархии, но и возвращения дворянства⁵⁸.

Похожие рассуждения мы находим у мадам де Сталь: естественное для монархии неравенство рано или поздно заставило бы французов вернуться к привычным сословиям и титулам⁵⁹. Ленуар-Ларош также утверждал, что со временем даже конституционный король оказался бы окружён привилегированным слоем граждан, так как монархии было свойственно «питаться только иллюзиями, блеском, величием и чинами». Этот слой возник бы из членов верхней палаты законодательного органа, а ту пришлось бы создать, поскольку однопалатное собрание, как показывала недавняя история, находилось бы с королём в конфронтации⁶⁰.

При этом умеренные республиканцы, как и роялисты, не отрицали, что неравенство способностей было естественным явлением и желали доверить государственные дела талантливым людям. Мадам де Сталь полагала, что в республике, избавившейся от сословных отличий, собственность и просвещение создавали «естественную аристократию», способствующую развитию и процветанию страны⁶¹. Таким образом, выдвижение королём наиболее талантливых подданных на ключевые посты в государстве предлагалось заменить имущественным цензом и многоступенчатыми выборами.

Следует отметить, что некоторые авторы прямым текстом говорили о том, что свободу можно было бы сохранить как в республике, так и в конституционной монархии. Один из публицистов утверждал, что «принципы нравственности, политики и управления одинаковы для всех форм правления», добавляя, что «сила действия» правительства Старого порядка и принцип равенства прав, установленный в годы Революции, должны были стать частью любой хорошей конституции⁶². Автор также ссылаясь на утверждение Руссо о том, что любое государство, управляемое посредством законов, являлось республикой,

⁵⁸ *Montgaillard M.-J., comte de. Op. cit. P. 108, 122.*

⁵⁹ *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure. P. 114.*

⁶⁰ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 66-67.*

⁶¹ *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure. P. 116.*

⁶² *Gaudin-Lagrange. Op. cit. P. 7.*

независимо от формы правления⁶³. Другой памфлетист предпочёл сослаться на Монтескьё, заявляя, что любая форма правления могла бы сделать людей счастливыми, если бы государство управлялось справедливо и мудро. Автор даже добавил, что не так важно было давать название форме правления – главное, чтобы в её основе лежали правильные принципы⁶⁴. У Дюмурье мы находим более конкретное утверждение: «Франция может оставаться неделимой республикой, если народ сохранит законодательную власть, которая составляет суть республиканской формы правления, наделив человека исполнительной властью под августейшим именем короля». Генерал добавлял, что тому уже были примеры в истории – Спарта и Англия представляли собой республики, управляемые королями⁶⁵.

Таким образом, можно видеть, насколько по-разному памфлетисты оценивали положение дел в термидорианской Франции – там, где Лемуар-Ларош видел неприятие монархии, Монгайяр замечал стремление к ней, а некоторые авторы выражали неуверенность в том, на чьей стороне находились народные симпатии. При этом многие публицисты подчёркивали, что неверный выбор между монархией и республикой мог привести к плачевным последствиям, и стремились доказать благотворность именно поддерживаемой ими формы правления. Больше рвение в этом проявляли роялисты, в то время как республиканцы не столько агитировали за республику, полагая, что её существование было уже решённым вопросом, сколько размышляли над тем, как гарантировать её стабильность.

Стоит отметить, что и республиканцы, и сторонники монархии – даже абсолютной – в целом, существовали в рамках одного дискурса. Речь не шла ни о традиции, ни об утопии – памфлетисты опирались на революционный опыт, на теории Просветителей, на примеры из античной истории, рассуждали о свободе и равенстве, уверяли, что именно отстаиваемый ими режим приведёт к власти наиболее достойных людей, а большинству населения гарантирует безопасность. Безусловно, мы видим спор, но в то же время и скрытые за ним точки консенсуса. Особый интерес в этом контексте представляет то, что ряд публицистов допускал обе формы правления в качестве возможных вариантов и предлагал ориентироваться не на теоретические преимущества и

⁶³ *Gaudin-Lagrange. Op. cit. P. 13.*

⁶⁴ *Alex F.T. Op. cit. P. 9-10.*

⁶⁵ *Dumouriez Ch.F. Coup d'œil politique... P. 74-75.*

недостатки каждой из них, а оставить выбор между ними на усмотрение народа.

Для цитирования: *Полукеева К.В.* Дискуссии о будущей форме правления во французской публицистике эпохи Термидора // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 51-63.

«СКИТАЛЬЦЫ ЕВРОПЫ». ФРАНЦУЗСКИЕ ЭМИГРАНТЫ ГЛАЗАМИ ГУВЕРНЕРА МОРРИСА

Д.Ю. Козлова¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
e-mail: daryaostapkovtich@yandex.ru

Аннотация: «Отец-основатель» США Губернер Моррис прибыв в 1789 г. во Францию по делам бизнеса с головой окунулся в политические интриги. Он вращался преимущественно в кругах монархистов. Став послом США во Франции, он помогал некоторым своим знакомым избежать преследований, но в 1794 г. и сам был вынужден оставить свой пост. Его путь лежал в Англию через Швейцарию и Германию. Здесь он встречался с различными французскими эмигрантами: Неккером, мадам де Сталь, Малле дю Паном и Мунье, герцогом Орлеанским, принцессой Водемон, герцогом Шуазелем-Стенвилем. В Лондоне он был принят на самом высшем уровне, беседовал с лордом Гренвилем и Питтом, был представлен королю Англии, оказался близок к окружению Людовика XVIII. Но авантюрные планы роялистов во главе с графом д'Артуа охладили его монархический пыл. Он помогал своим старым знакомым, но легкомысленность и «глупость» эмиграции разочаровали его. Пропутешествовав еще два года, он возвращается в США.

Ключевые слова: Губернер Моррис, Французская революция, Людовик XVIII, французские эмигранты.

«WANDERERS OF EUROPE». FRENCH EMIGRANTS THROUGH THE EYES OF GOUVERNEUR MORRIS

D.Y. Kozlova

(Saratov, Russia)
e-mail: daryaostapcovich@gmail.com

Abstract: The «Founding Father» of the United States, Gouverneur Morris, arrived in France in 1789 on business and plunged headlong into political intrigue. He moved mainly in monarchist circles. Having become the US Ambassador to France, he helped some of his acquaintances to avoid persecution, but in 1794 he himself was forced to leave his post. His path lay to England through Switzerland and Germany. Here he met with various French emigrants: Necker, Madame de Staël, Mallet du Pan and Mounier, the Duke of Orleans, Madame Vaudemont, the Duke of Choiseul-Stainville. In London, he was received at the highest level, talked with Lord Grenville and Pitt, was introduced to the King of England, and found himself close to the entourage of Louis XVIII. But the adventurous plans of the royalists led by the Count d'Artois cooled his monarchical ardor. He helped

¹ Козлова Дарья Юрьевна, лаборант-исследователь НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» ИИиМО СГУ имени Н.Г. Чернышевского

his old acquaintances, but the frivolity and «stupidity» of emigration disappointed him. After traveling for two more years, he returned to the USA.

Keywords: Gouverneur Morris, The French Revolution, Louis XVIII, French emigrants.

Гувернер Моррис (31.01.1752 – 6.11.1816) «отец-основатель» США, который был причастен к написанию Конституции нового государства², был одним из тех, кто, наверное, с удовлетворением принял бы Вашингтона не как президента, а как короля. Отправившись в 1788 г. во Францию по коммерческим делам, благодаря своим политическим связям в феврале 1792 г. он был назначен посланником США во Франции.

Но еще до своего назначения в миссию Моррис, являясь частным лицом, часто посещал салоны, которые с началом Революции стремительно политизируются, завел знакомства с различными влиятельными персонами, и пытался влиять на политику революционной Франции³. Моррис предостерегал об опасности радикализации Революции, всячески старался удержать правительство США от вмешательства во французские дела. Он знакомится в Париже с Кочубеем, отправившись по коммерческим делам в Лондон, встречается с послом России в Англии С.Р. Воронцовым, в лице которого находит единомышленника в своих монархических убеждениях. Моррис близок к тому кругу французского дворянства, в котором эмиграция представляется лучшим средством переждать смутные времена. В конце 1799 г. он отмечает в своем дневнике: «Многие люди в Париже уже смотрели на Америку как на место, предлагающее больше безопасности, если не комфорта, чем любое другое место ближе к дому, в условиях общего общественного переворота, который, как они

² См., например: *Sparks J. The life of Gouverneur Morris, with selections from his correspondence and miscellaneous papers; detailing events in the American Revolution, the French Revolution, and in the political history of the United States. Boston, 1832; Roosevelt T. Gouverneur Morris. Boston, N.Y., 1888; Brookhiser R. Gentelman Revolutionary: Gouverneur Morris, the Rake Who Wrote the Constitution. N.Y., 2003; Adams W.H. Gouverneur Morris: An Independent Life. New Haven, 2003; Филимонова М.А. Гувернер Моррис (1752 – 1816): Портрет консерватора на фоне двух революций // Американский ежегодник. 2004. М., 2006. С. 40–67; Остапкович Д.Ю. Гувернер Моррис и Французская революция // История и историческая память. Саратов, 2022. Вып. 25. С. 36–46.*

³ *Козлова Д.Ю. Гувернер Моррис и салоны революционной Франции // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4.*

чувствовали, неизбежно надвигался»⁴. Для коммерсанта Морриса идея эмиграции⁵ была тем более актуальна, что некоторые американские землевладельцы запустили в Париже планы по распродаже своих владений.

Став зимой 1792 г. официальным представителем США во Франции и получив дипломатическую неприкосновенность, Моррис даже в период Террора оказывал помощь своим знакомым, считавшимся врагами французской Революции. В конце 1793 г. Комитет общественного спасения официально предложил американцами отозвать Морриса. В августе 1794 г. прибыл его преемник Дж. Монро, 12 октября Моррис покидает Париж. Своего слугу он отправил с вещами и коллекцией вин на корабле в Америку. Слуге было поручено особенно заботиться о Токайском вине, запечатанном в воск с оттиском двуглавого орла Австрии – свадебном подарке Марии Терезии несчастной королеве Марии Антуанетте. Это вино мистер Моррис купил во времена Террора в дешевой бакалейной лавке по двадцать пять центов за бутылку. Моррис записал в дневнике, что Монро первоначально взял в общении с революционными властями неверный тон, что, если бы правительство США отказалось его отзывать, то он сумел бы добиться компенсаций за все притеснения, чинимые французами американским торговцам. Его утешало лишь то, что он не унизил ни личное, ни национальное достоинство.

В течение следующих нескольких лет его деловые интересы и любопытство заставили его совершить долгое, неспешное путешествие по Европе. Он посетил Швейцарию, Нидерланды, Германию, Пруссию, Австрию и Англию, и, куда бы он ни приезжал, его везде хорошо принимали: его парижских знакомых ветер Революции разметал, как листья по дорогам Европы.

⁴ *Morris G. The Diary and Letters of Gouverneur Morris / ed. A.C. Morris. New York, 1888. P. 261.*

⁵ При всей лексической нейтральности понятия «эмиграция» сложно даже представить, какой накал страстей, какую ненависть вызывали эмигранты у приверженцев Революции, хотя лишь относительно небольшая часть уехавших из страны сражалась против них с оружием в руках. См.: *Baldensperger F. Le mouvement des idées dans l'émigration française (1789-1815). Paris, 1924; Godechot J. La contre-révolution. Doctrine et action: 1789 - 1804. Paris, 1961; Гладышев А.В. Как французские роялисты-патриоты русских казаков полюбили // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90); Бovyкин Д.Ю. Пересмотр закона об эмигрантах после переворота 9 термидора // Французский ежегодник. 2022. Т. 55. М., 2022. С. 25–45.*

Изначально он планировал лишь ненадолго посетить Швейцарию, а затем вернуться во Францию, чтобы отправиться в Америку, однако ему было суждено уже никогда не ступить на французскую землю⁶.

Моррис прибыл в Лозанну 20 октября 1794 г. Этот швейцарский город стал одним из многих центров притяжения эмигрантов-революционеров. На следующий же день по прибытию Моррис нанес визит Жаку Неккеру в его поместье Коппе на берегу Женевского озера. Благодаря Лафайету, Моррис был знаком с Неккером еще в Париже. 26 января 1790 г. он писал о Неккере: «Он гениальный человек, но у него нет таланта, вернее, таланта великого министра. Его банковское образование научило его заключать выгодные сделки и заставило остерегаться рискованных проектов. Г-н Неккер – очень плохой финансист. Я знаю, что это прозвучит как ересь в ушах большинства людей, но это правда. Предложенные им планы слабы и бездарны»⁷. План Неккера по стабилизации финансов путем нового займа был отвергнут Учредительным собранием и, подав в отставку, финансист удалился на родину. Понятно, что Неккер не знал, что там писал о нем в своем дневнике Моррис и принял его весьма сердечно, чем даже вызвал некое подозрение у последнего. Цель же визита самого Морриса просматривается между скупых строк дневника: тем же вечером у Неккера с Моррисом состоялся конфиденциальный разговор о возможных инвестициях в американские земли – «запасном варианте для каждого на случай, если дела пойдут хуже»⁸. На ужине у Неккера присутствовал в тот вечер и Жак-Донатьен Ле Рэй де Шомон – французский отец американской революции, который к тому времени уже был крупным американским землевладельцем и врагом французских революционеров, конфисковавших его замок.

Дочь Неккера баронесса Жермена де Сталь жила с многочисленными друзьями неподалеку, в арендованном замке Мезери. На следующий день, 23 октября, Моррис отправился к ней с визитом. После отъезда супругов Неккер в Швейцарию, именно салон их дочери, как писал сам Моррис, стал «первым салоном Парижа»⁹. В 1791 г. он бывал вечерами в кругу «близких друзей» Жермены, где, впрочем,

⁶ *Roosevelt T. Gouverneur Morris. – Boston; N.Y., 1888. P. VII, 254.*

⁷ *Morris G. Op. cit. P. 283.* Моррис писал о Неккере как о «самом заурядном человеке, которого потрясения того времени на мгновение выдвинули вперед как самого выдающегося человека Франции». См.: *Roosevelt T. Op. cit. P. 173.*

⁸ *Morris G. Op. cit. P. 72.*

⁹ *Morris G. Op. cit. P. 188.*

редко говорили о насущных проблемах: хозяйка всё больше любила распространяться о своих несбыточных мечтах для новой Франции. Теперь же Моррис нашел в Мезери маленькое сборище французских эмигрантов, живущих за счет де Сталь и «веселых настолько, насколько это позволяют обстоятельства». У Морриса разыгралась легкая лихорадка, а Жермена опять утомляла его рассказами о своей истории и планах на жизнь. Он признался в своем дневнике: «По возвращении, будучи совсем не в духе, я нахожу постель самым подходящим местом для себя, а свою подушку – самым подходящим обществом»¹⁰.

Через несколько дней он снова отправился в дорогу, держа путь к мадам Андриенне Катерине де Тессе, дочери 4-го герцога де Ноай и тетушки Лафайета. Страстно поддерживая революцию с самого начала, за что Моррис называл ее «республиканкой первой величины», графиня не стала складывать все яйца в одну республиканскую корзину, предусмотрительно переведя деньги в Швейцарию на тот случай, если революция не удастся. Теперь, в безопасности, но живущая скучной жизнью одинокой беженки, она была рада увидеть Морриса и поговорить о старых добрых временах в Шавиле, ее замке неподалеку от Версаля. Моррис был рад видеть старую знакомую, однако атмосфера тоски по ушедшим годам в беседах с местными эмигрантами подталкивала его поскорее покинуть Швейцарию¹¹. Он посоветовал де Тессе вложить свои деньги в американские трехпроцентные облигации и раскланялся. В начале ноября Моррис уже в Берне, где встречается с Малле дю Паном и Мунье. 11 ноября он в Базеле и, кажется, всем доволен. Он пишет друзьям в Гамбург и Мадрид, что рад своей свободе, избавившись от своих обязанностей посланника во Франции. В письме Уильяму Шорту (Short) он отмечал: «Что касается политического состояния Франции, то внешне она так сильна, как только могут пожелать ее лучшие друзья, а внутренне так слаба, как только могут пожелать ее злейшие враги». 13 ноября в Хиршфельде он ужинает с герцогиней Буйонской: «Мадам знала меня у барона Безанваля пять лет назад и, услышав мое имя, пожелала меня видеть».

Первые встречи с эмигрантскими кругами в Швейцарии оказали на Морриса удручающее впечатление: не считая вопроса об

¹⁰ *Morris G. Op. cit.* P. 73. Впрочем, это не мешает ему приглашать Жермену поселиться у него в США, в «Моррисании», где она могла бы обрести покой.

¹¹ *Ibid.* P. 73–74.

инвестициях Жака Неккера в американские земли, ностальгические воспоминания Жермены де Сталь и мадам де Тессе вызывали у него скуку. Никаких подробностей нет в его дневнике и о беседе с координатором роялистов и эмигрантов Жаком Малле дю Паном или с бывшим депутатом Национального собрания Жаном Жозефом Мунье¹².

В начале декабря 1794 г. Моррис добрался до Гамбурга. 30 декабря он пишет Вашингтону, объясняя свое затруднительно положение во Франции в качестве полномочного посла после событий 10 августа 1791 г.: «Я видел нищету и горе каждый день и повсюду вокруг себя, не имея возможности его смягчить или облегчить, и я чувствовал себя униженным из-за общения, в которое я был вынужден вступать с худшими представителями человечества, чтобы получить возмещение за ущерб, нанесенный моим согражданам. В то время я был грубо оскорблен арестом дамы в моем доме по приказу Комитета общей безопасности». Он объясняет, что не может немедленно вернуться в США из-за некоторых дел в Лондоне. А в Лондон он не мог поехать напрямую из Парижа, что могло бы вызвать подозрение у французских революционеров. Поэтому он и отправился окольным путем через Швейцарию, но застрял в Гамбурге. При этом он не упускает возможности сообщить последние новости о международной ситуации в Европе, полученные от британского посланника в Гамбурге мистера Лейна (Lane).

В Гамбурге он получил длинное письмо от писательницы мадам Аделаиды Фийель, в замужестве – де Флао (Flahaut), о которой ходили слухи, что она внебрачная дочь самого Людовика XV. С ней Моррис познакомился еще в 1789 г. в салоне мадам Кабанис. Аделаида Флао с 1783 по 1792 гг. содержала в Париже салон, частыми гостями которого являлись Талейран (Talleyrand), Вендхам (Windham), Гольбах (Holbach), Сюар (Suard), Мармонтель (Marmontel) и Панкук (Pankouke). Ее сестра была женой Беллардери д'Анживилье (d'Angivilliers), генерального директора военно-морского флота Франции. В начале «сентябрьской резни» 1792 г. по совету Талейрана Аделаида эмигрировала вместе с их сыном в Лондон. В 1794 г. Флао писала, что она познакомилась с молодым герцогом Орлеанским, который находился в Швейцарии инкогнито. Луи-Филипп Орлеанский подозревался в участии в заговоре генерала Дюмурье и бежал. Его отец Филипп Эгалите был арестован и казнен. Мадам Флао

¹² Morris G. Op. cit. P. 420.

писала о своем желании приехать в Гамбург с Луи-Филиппом, у которого были затруднения с финансами. Моррис немедленно отправил средства для поездки пары в Гамбург и потом выслал еще денег. Луи-Филипп на время забудет об этом займе. Уже после Реставрации, он все же пошлет Моррису ту сумму, которую получил от него в 1794 г., не прибавив даже слов благодарности. Уязвленный Моррис, передаст дело в руки своего адвоката: если дело рассматривать на чисто деловой основе, то где проценты за прошедшие двадцать лет? В конечном итоге Моррису вернут семьдесят тысяч франков¹³.

Моррис зиму 1794-1795 г. провел в Гамбурге. Весной в датском пригороде Гамбурга Альтоне появилась мадам Флао. Моррис навещал ее, а она попросила его стать поручителем за молодого герцога Орлеанского, чтобы тому выдали заем. Моррис согласился. Естественно, он встречался и самим герцогом Орлеанским, и с другими эмигрантами. У него в гостях была принцесса Луиза де Водемон (Vaudémont), которая проживала в Альтоне и Гамбурге с 1791 г. Здесь она собрала настоящий двор эмигрантов, которые в глубине души питали либеральные идеи, близкие тем, что разделял Филипп Эгалите, и не оставляли мысли когда-нибудь вернуться во Францию¹⁴. Принцесса Водемон привела с собой герцога Клода Антуана Габриэля де Шуазеля-Стенвиля (Choiseul). Этот организатор попытки бегства Людовика XVI в 1791 г. воевал в армии Луи Жозефа де Бурбона, принца Конде против Французской республики, был пленен в 1795 г., приговорен к казни, но сумел бежать из Дюнкерка в Гамбург. В Гамбурге Моррис занимался какими-то делами Шарля Клода Флао, графа Анживилье (d'Angivilliers): этот генеральный директор Королевских зданий, садов и мануфактур, обвиненный в растрате государственных средств, бежал в 1791 г. из Франции и обосновался в Альтоне. Видимо, во время бегства часть серебра графа осталась на хранении у Морриса, перед отъездом из Франции он сумел «конвертировать» это добро через свои связи в Лондоне в луидоры.

Моррис тратил время и деньги, пытаясь помочь своим знакомым французам-эмигрантам. Кого-то следовало поддержать морально, а кого-то и материально. Он писал мадам де Надайяк (Nadaillac), что Франция, видимо, должна пережить еще несколько «революций», прежде чем там установится порядок. Учитывая сложности с

¹³ *Roosevelt T. Op. cit. P. VII; 276.*

¹⁴ О ней см.: *Benoît F. La princesse de Vaudemont (1762 - 1833): La grande amie de Talleyrand. Aix-en-Provence, 2012.*

денежными переводами, он ссудил ей 50 луидоров. Тем же эмигрантам, которые сумели вывезти или вывести из Франции часть своих активов, Моррис давал различные советы по инвестициям под проценты. Видимо, Моррис размещал деньги французских эмигрантов в американских фондах.

7 июня 1795 г. Моррис выехал из Альтоны; он прибыл в Лондон к середине июня. 21 июня он виделся с русским послом С.Р. Воронцовым, который принял его «с распростертыми объятиями» и посоветовал как «публичной персоне» встретиться с лордом Гренвилем, чтобы не быть заподозренным во враждебности к Англии. 27 июня на ужине у Воронцова Моррис увиделся с заместителем государственного секретаря по иностранным делам Джеймсом Бёрджесом (Burgess), который опять-таки указал на необходимость встречи американца с Гренвилем.

29 июня в гости к Моррису пришел Элеонор Франсуа Мутье (Moustier), которому в 1787 г. довелось стать послом Франции в США, потом в Пруссии и Турции. Будучи монархистом и противником Революции, в 1793 г. он эмигрировал в Англию. В 1795 г. курировал вопросы высадки десанта роялистов на мысе Киберон. Из разговора Моррис понял, что Мутье хочет стать одним из министров французского короля. Подошедший Бёрджес благосклонно воспринял речи Мутье, а Моррису сообщил о назначенной встрече с Гренвилем. Моррис сделал вывод, что английское правительство склоняется к идее признать графа Прованского королем Франции.

Встреча с Гренвилем состоялась 2 июля. Моррис изложил свое видение международной ситуации и тех преимуществ, которые следует за признанием англичанами нового французского короля. Гренвиль же выказал намерение использовать Морриса для прояснения позиции Англии относительно США и их торговли: не официальное, а частное письмо Морриса Вашингтону как нельзя лучше подошло бы для этих целей. Моррис же попросил Гренвиля представить его английскому королю. В ноябре 1795 г. министр иностранных дел лорд Уильям Гренвиль представил Морриса королю Георгу III, что Моррис посчитал дипломатическим жестом доброй воли по отношению к Соединенным Штатам¹⁵. Моррис виделся и с премьер-министром Уильямом Питтом, который вместе с Гренвилем, консультировался с ним не только по американским, но и по европейским делам.

¹⁵ *Morris G. Op. cit. Vol. II. P. 134.*

В июне 1795 г. приходит известие о смерти Людовика XVII, граф Прованский становится королем Франции Людовиком XVIII. Для роялистского движения открываются новые перспективы¹⁶. В начале июля появилась идея, чтобы Моррис сочинил манифест от имени нового короля в адрес французского народа. Моррис сначала отказывался, но потом согласился. 8 июля он показал лорду Гренвиллю, а 11 июля и Воронцову, свой набросок манифеста от имени Людовика XVIII, в котором обещалось покарать революционеров. Текст был расценен как слишком бескомпромиссный¹⁷.

Моррис отправился в путешествие по Англии и Шотландии, в ходе которого гостил у герцогов Аргайла, Атолла и Монтроуза, епископа Ландаффа. Моррис выступает в качестве почетного гостя в самых привилегированных кругах английского общества даже больше, чем в среде эмигрантов. Впрочем, Моррис встречался с эмигрантами и просил Гренвиля с Питтом оказать некоторым из них ряд милостей, что и было сделано. Однако большинство эмигрантов вызывало у него отвращение из-за их «злой глупости», он рассматривал усилия роялистов в отношении Вандеи как бесперспективные¹⁸.

В июне 1796 г. Моррис вновь отправляется на континент. Гамбург, Берлин, Дрезден... Прибыв 19 августа в Дрезден, он поразился количеству французских эмигрантов, «которые, казалось, заполнили улицы города». Им разрешено оставаться здесь только три дня, а они безмятежные и даже веселые с любопытством осматривают достопримечательности. Он вновь удивляется покорности, с которой они встречали свою судьбу¹⁹. 2 августа он записал в дневнике: «эти бедные эмигранты, от самых высоких до самых низких, полны решимости всегда действовать неосмотрительно». В марте 1797 г. он обедал у герцогини Брауншвейгской. Разговор зашел о французских эмигрантах. Герцогиня сказала, что они весьма встревожены приездом Морриса. Гувернер выказал недоумение. Если они волнуются относительно того, что он что-то может рассказать об их личной жизни во Франции, то совершенно напрасно: он забыл все, что «может повлиять на моральный облик людей, принадлежащих стране,

¹⁶ Бовыкин Д.Ю. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794 – 1799 гг.. М., 2016. С. 163–190.

¹⁷ Об этом см.: Козлова Д.Ю. «Король и только король» встречи Г. Морриса и С.Р. Воронцова / История и историческая память. Саратов, 2023. Вып. 27. С. 69–78.

¹⁸ Roosevelt T. Op. cit. P. 306.

¹⁹ Ibid. P. 310.

которая в целом была испорчена». Заметно, что у Морриса снизился (хотя полностью и не исчез) интерес к политическим интригам французской эмиграции, в дневнике он ограничивается скупыми замечаниями о крайне бедственном финансовом положении эмигрантов. Сам он больше не ввязывался в политические интриги и осенью 1798 г. отправился в Америку.

Для цитирования: *Козлова Д.Ю.* «Скитальцы Европы». Французские эмигранты глазами Гувернера Морриса // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 64-73.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ ОТ НАЦИЗМА: ВОЙСКА НКВД В БОЯХ
ЗА БЕЛГРАД (К 80-Й ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТОЛИЦЫ
СЕРБИИ ГОРОДА БЕЛГРАДА)

С.В. Белоусов¹

ВИПК МВД РФ

В.М. Магомедханов²

ЦМ ВНГ РФ

e-mail: magvik1972@mail.ru

Аннотация. Освободительная миссия Красной Армии и войск НКВД, легендарных чудо-богатырей, сокрушивших военную машину гитлеровской Германии и ее сателлитов, закончилась полным разгромом противника в центре Европейского континента. Беззаветный героизм, мужество и ратное мастерство советских воинов стали залогом долгожданной победы, принесшей свободу и независимость народам Европы. Одной из страниц этой истории стало участие Красной Армии и подразделений войск НКВД вместе с югославскими патриотами в освобождении от нацизма столицы Югославии – города Белграда.

Ключевые слова: Войска НКВД, Красная Армия, НОАЮ, Европа, нацизм, освобождение, Белград, Югославия.

LIBERATION OF EUROPE FROM NAZISM: NKVD TROOPS IN THE
BATTLE FOR BELGRADE (TO MARK THE 80TH ANNIVERSARY OF
THE LIBERATION OF BELGRADE, THE CAPITAL OF SERBIA)

S.V. Belousov,

V.M. Magomedkhanov

(Moscow, Russia)

e-mail: magvik1972@mail.ru

Annotation. The liberation mission of the Red Army and the NKVD troops, the legendary miracle heroes who crushed the military machine of Nazi Germany and its satellites, ended with the complete defeat of the enemy in the center of the European continent. The selfless heroism, courage and military skill of the Soviet soldiers became the key to the long-awaited victory that brought freedom and independence to the peoples of Europe. One of the pages of this story was the participation

¹ Белоусов Сергей Вячеславович, старший преподаватель кафедры подготовки сотрудников полиции по охране общественного порядка Всероссийского института повышения квалификации МВД Российской Федерации (ВИПК МВД РФ), Домодедово, Московская область.

² Магомедханов Виктор Магомедович, к.и.н., старший научный сотрудник Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации (Москва).

of the Red Army and units of the NKVD troops, together with the Yugoslav patriots, in the liberation of the capital of Yugoslavia, Belgrade, from Nazism.

Key words: NKVD troops, Red Army, PLA, Europe, Nazism, liberation, Belgrade, Yugoslavia.

Во второй половине 1944 г. Советские войска вышли на границу СССР и приступили к выполнению миссии освобождения народов стран Юго-Восточной Европы от нацистской оккупации. Полному краху гитлеровской Германии способствовала и успешная Белградская наступательная операция. Благодаря согласованным действиям Красной Армии и войск НКВД с югославскими частями была разгромлена крупная группировка противника и 20 октября 1944 г. освобожден город Белград, а также значительная часть территории Югославии.

28 сентября 1944 г. войска 3-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина начали Белградскую наступательную операцию. Продвигаясь к намеченной цели, советские части были поддержаны подразделениями Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), скоординированные действия которых ускорили разгром немецко-фашистских захватчиков³.

Накануне перехода советских войск в наступление политуправление 3-го Украинского фронта выпустило памятку-обращение, отражающую высокие чувства солидарности с братским народом Югославии. В ней говорилось: «Товарищ боец, сержант, офицер! Ты вступил на территорию родной по духу и крови нам Югославии, вступил для того, чтобы настичь и добить раненого фашистского зверя, уползающего под твоими ударами в свою берлогу. <...> Воин Красной Армии! Высоко и почетно в Югославии твое имя, как представителя великого русского народа, как представителя Советского Союза. Ты окружен любовью и уважением всего югославского народа, как воин-победитель, воин-освободитель <...> всегда и везде помни, что ты пришел в Югославию не для того, чтобы навязывать Югославии свои законы и порядки, а для того, чтобы настичь и уничтожить бегущими под твоими ударами гитлеровских разбойников»⁴.

Прорвав немецкую оборону на болгаро-югославской границе в первой половине октября 1944 г. части 57-й Армии, тыл которой

³ Боевой путь Советских Вооруженных Сил. М., 1960. С. 461-462.

⁴ Зеленин В.В. Советско-югославское боевое содружество в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1965. № 9. С. 33-34.

охраняли подразделения 91-го Краснознаменного пограничного полка войск НКВД, громя противника на промежуточных рубежах, стремительным маршем продвигались к столице Югославии – городу Белграду.

Так, вечером 6 октября 1944 г., РПГ 91-го полка вступила в бой с остатками разгромленных частей противника до 500 человек, при попытке прорыва ими четырьмя колоннами через линию фронта в районе Глаговица. Через некоторое время группа была усилена другими военнослужащими 2 батальона полка и поддержана полком самоходных установок с подразделениями 68-го стрелкового корпуса Красной Армии. Своими активными действиями, особенно на начальном этапе боя, наши бойцы и командиры вынудили противника отойти в район Бела Река, который понес существенные потери в вооружении и живой силе, потеряв только убитыми 150 человек. В свою очередь потери войск НКВД составили 6 человек – убитыми и 8 – ранеными. Данное соотношение потерь в очередной раз говорило о героизме, храбрости и мастерстве советских воинов, оказавшихся на голову выше нацистских вояк⁵.

Центр тяжести обороны немецких войск был сосредоточен в районе коммуникаций белградского стратегического узла. Оборона германской армии в Белграде базировалась на основательно устроенных фортификационных сооружениях и в укрепленных опорных пунктах, расположенных по окраинам города, а также в пяти мощных узлах обороны в самом населенном пункте. Обороняющиеся насчитывали более 20 000 человек личного состава, около 40 танков, 170 орудий и минометов. При этом они надеялись на усиление группировки отступающими частями силой свыше двух дивизий отходящих под натиском советских войск⁶.

Командование германской армии сосредоточило основные силы в районе старой белградской крепости и моста, отдав приказ своему гарнизону ни в коем случае не сдавать город. Уже на подступах к Белграду наступающие советские и югославские части столкнулись с ожесточенным сопротивлением вражеских войск. Немцы постарались особенно сильно укрепить южные окраины столицы Югославии, опутав целые кварталы колючей проволокой и лабиринтами окопов, возвели множество ДОТов и блиндажей, использовали окна

⁵ РГВА. Ф. 32900. Оп. 1. Д. 185. Л. 239«б».

⁶ Стругар В. Югославия в огне войны 1941 - 1945 / Пер. с сербскохорватского В.В. Зеленина. М., 1985. С. 245-246.

домов в качестве огневых точек. Советские и югославские бойцы в ходе упорных боев шаг за шагом очищали улицы Белграда от оккупантов, завершив полное освобождение города 20 октября 1944 г.⁷

Воины Красной Армии и войск НКВД отличались гуманным отношением не только к населению освобождаемых территорий, но и многое делали для спасения городов и культурных ценностей. Так, во время штурма Белграда по требованию советского командования войскам было предписано уничтожать фашистов стрелковым оружием, а использование танков и артиллерии свести к минимуму⁸. Ко всему прочему в освобожденных кварталах города советские саперы сразу же приступали к разминированию, обезвредив 3 179 мин и 3 540 взрывчатых зарядов общим весом около 29 тонн. Всего наши специалисты разминировали 845 объектов, в т.ч. 85 административных зданий и 7 складов с боеприпасами⁹.

91-му полку войск НКВД была поставлена задача своевременного захвата документов разведывательных и контрразведывательных органов противника в г. Белград, задержания агентуры и пособников врага. В период с 16 по 20 октября 1944 г. 2 стрелковый батальон (далее – 2 СБ) и маневренная группа (далее – МГ) полка совместно с частями 73-й Гвардейской стрелковой дивизии вели боевые действия по овладению югославской столицей и уничтожению разрозненных групп фашистов, оставшихся в тылу передовых частей Красной Армии. В течение 16-18 октября подразделения 2 СБ удалось с боями продвинуться по городу на расстояние до 2,5 километров и выйти в район железнодорожной станции и моста через реку Сава¹⁰.

В свою очередь МГ 91-го полка, при поддержке 6-й бригады НОАЮ 20 октября 1944 г., сломив сопротивление крупных сил противника, штурмом овладела железнодорожной станцией и мостом через реку Сава. Проявив мужество и отвагу, личный состав полка в ходе сражений на белградских рубежах нанес врагу существенный урон в живой силе, вооружении и технике¹¹.

⁷ Известия, 22 октября 1944. С. 2.

⁸ Освобождение Европы от нацизма (1944 – 1945 гг.): Актуальные проблемы научной интерпретации. М.; СПб., 2020. С. 18-19.

⁹ История Второй мировой войны. Т. 9. Освобождение территории СССР и Европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии. М., 1978. С. 179.

¹⁰ РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 1658. Л. 29.

¹¹ РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 1658. Л. 30.

Во время ожесточенных боев по освобождению столицы Югославии газета «Красная звезда» писала: «День и ночь идут бои на улицах Белграда. Еще до того, как наши части подошли к городу и ворвались на его окраины, немецкое командование стянуло в Белград крупные силы. Часть этих сил уже перебита. Вражеские войска понесли здесь огромные потери... Наши части, как и войска Народно-освободительной армии Югославии, ведут бои за каждую улицу, каждый дом»¹².

Стойкость и героизм был присущ многим бойцам и командирам 91-го полка войск НКВД, о чем свидетельствовали очевидцы событий и многочисленные документы. Вот лишь некоторые из них. Так, 16 октября 1944 г. группа бойцов 9-й заставы в количестве 15 человек под командой старшего лейтенанта Н.Н. Товпеко противостояла численно превосходящим силам гитлеровцев на восточной окраине Белграда. Наши воины провели стремительное наступление на врага и выбили его с занимаемых позиций, освободив два городских квартала. В этом бою враг потерял только убитыми более 50 солдат и офицеров. Сам Н.Н. Товпеко огнем своего оружия подавил ручной пулемет и уничтожил 15 немецких солдат и офицеров.

В представлении к награждению орденом Отечественной войны I-й степени Н.Н. Товпеко, подписанным командиром 91-го полка было сказано: «...в боях за овладение городом Белград 16 - 20.10.1944 г., командуя группой, показал исключительные образцы умения организовать бой, личную стойкость в бою и инициативу. Группа тов. Товпеко посылалась на самые ответственные участки боев в городе и всегда с честью выполняла задачи командования»¹³.

18 октября 1944 г. обескровленный в предыдущих боях батальон полка, занимавший оборону в районе моста через реку Сава, при поддержке 10-й заставы под командой капитана Ф.А. Мальцева, отразил 7 контратак противника. В них участвовало более 200 немецких автоматчиков при поддержке 6 танков и 15 самоходных артиллерийских установок «Фердинанд», которые обрушили шквальный огонь на позиции пограничников¹⁴.

Наградной лист содержал краткое, но емкое описание личных боевых заслуг отважного офицера: «...в боях за город Белград 16-20.10.1944 г. показал образцы мужества, инициативы и умение

¹² Красная звезда, 18 октября 1944. С. 2.

¹³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1637. Л. 148.

¹⁴ РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 1658. Л. 30-31.

организовать бой. Его застава постоянно находилась впереди других подразделений... в течение 4-х дней в уличных боях застава истребила свыше 120 гитлеровцев, а сам Мальцев уничтожил 13 солдат и офицеров противника»¹⁵.

Захвату нацистами Югославии, начавшемуся 6 апреля 1941 г. вводом германских полчищ и ставшим одним из многих преступлений гитлеровцев по отношению к народам, которые не имели никаких планов военного нападения на Германию¹⁶, подходил конец. Оккупация Югославии завершалась разгромом захватчиков. Освобождение столицы, после 1 287 дней нахождения под властью немцев¹⁷, имело огромное значение для югославских граждан. Белград стал местом пребывания Антифашистского веча народного освобождения Югославии, Национального комитета освобождения Югославии. Был создан Генеральный штаб югославской армии и условия для дальнейшего совершенствования НОАЮ, что соответствовало требованиям ведения боевых действий на заключительном этапе войны¹⁸.

20 октября 1944 г. в своем послании на имя Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР И.В. Сталина Верховный Главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии И. Броз Тито по поводу успешного завершения Белградской операции, писал: «В связи с освобождением столицы Югославии Белграда позвольте мне от имени Народно-Освободительной Армии и народов Югославии выразить благодарность Вам, как Верховному Главнокомандующему Великой Освободительной Армии, которая совместно с Народно-Освободительной Армией с изумительным героизмом освободила Белград. Освобождение Белграда для наших народов имеет историческое значение, особенно потому, что страна этих измученных народов является той ареной, где совместно проливали кровь сыны Великого Советского Союза с достойными

¹⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2834. Л. 239.

¹⁶ *Влахович И.* Югославия в огне партизанской войны. Фрунзе, 1943. С. 2; *Ярославский Е.М.* Борьба славянских народов против германского фашизма. М., 1941. С. 13.

¹⁷ *Petakov Z., Milinović D.* Sećanje je borba: rečnik pojmova Narodnooslobodilačke borbe. Novi Sad, 2011. S. 10.

¹⁸ *Марьянович И.* Освободительная война и народная революция в Югославии. М., 1956. С. 108, 111.

сынами Югославии...»¹⁹ Уже после войны, в июне 1946 г. И. Броз Тито особо подчеркивая, так оценивал роль СССР и его Вооруженных сил: «Наши народы знают, что без помощи Советского Союза мы бы никогда не добились того, что имеем сейчас, т.е. свободной, федеративной, независимой республики Югославии...»²⁰

За мужество и героизм, проявленные в боях за Белград, Президиум Антифашистского Веча народного освобождения Югославии наградил орденами и медалями более 2 000 советских солдат и офицеров, а также 794 воина НОАЮ. 13 советским военнослужащим были удостоены звания Народного Героя Югославии. Увековечивая память братской помощи югославскому народу в борьбе с общи врагом, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 19 июня 1945 г. учредил медаль «За освобождение Белграда». Тем самым руководство Советского Союза по достоинству оценило действия Красной Армии и войск НКВД в боях за освобождение югославской столицы²¹.

Приказом Верховного Главнокомандующего № 0367²² от 14 ноября 1944 г. 91-му Краснознаменному пограничному полку войск НКВД, которым командовал подполковник Уманец И.Ф., как отличившемуся в боях за освобождение г. Белград было присвоено наименование «Белградский»²³, наряду с другими частями Советских вооруженных сил. В честь освободителей Белграда в Москве был дан салют первой степени, 324 орудия произвели 24 залпа.

Позднее, в октябре 1945 г. полк был передан в состав внутренних войск НКВД и переформирован в 91-й стрелковый Белградский Краснознамённый полк внутренних войск НКВД СССР²⁴.

Итогом участия частей Действующей Красной Армии, в составе которых находились подразделения войск НКВД, во взаимодействии с Народно-освободительной армией Югославии в Белградской операции, имевшей большое военное и политическое значение, стал

¹⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II / Ред.-сост. С. Майоров. М., 1946. С. 359-360.

²⁰ Стругар В. Югославия в огне войны 1941 - 1945. М., 1985. С. 8.

²¹ Зубаков В., Малахов М. Белградская операция // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 61.

²² РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 1658. Л. 3.

²³ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов / Составители: А.И. Чугунов, Т.Ф. Каряева, Е.В. Сахарова, В.А. Червяков, А.Н. Шестопалова. М., 1968. С. 545.

²⁴ РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 1658. Л. 30.

разгром германской армейской группы «Сербия» и создание благоприятных условий для наступления на Будапешт. Бойцы и командиры 91-го полка войск НКВД, как и многие другие представители Советских вооруженных сил, проявили доблесть и отвагу в боях на белградском направлении, за что были заслуженно отмечены советскими и югославскими государственными наградами.

Для цитирования: Белоусов С.В., Магомедханов В.М. Освобождение Европы от нацизма: войска НКВД в боях за Белград (к 80-й годовщине освобождения столицы Сербии города Белграда) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 74-81.

ИСТОРИЯ ОМСБОН: КОМАНДИР ОТРЯДА СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ «ОЛИМП» (К 80-Й ГОДОВЩИНЕ ПРИСВОЕНИЯ
ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В.А. КАРАСЕВУ)

В.М. Магомедханов¹

ЦМ ВНГ РФ

e-mail: magvik1972@mail.ru

Аннотация. Виктор Александрович Карасёв - активный участник советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, командир партизанского (специального назначения) отряда «Олимп», созданного на базе Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД, Герой Советского Союза (1944). В.А. Карасев относился к тем мужественным героям, которые, закалившись в жестоких боях, проявили чудеса доблести и бесстрашия в борьбе с ненавистным врагом, вписав своё имя золотыми буквами в ратную историю нашего Отечества.

Ключевые слова: Карасев В.А., граница, партизан, диверсант, ОМСБОН, командир, герой.

HISTORY OF THE OMSBON: COMMANDER OF THE OLYMPUS
SPECIAL FORCES UNIT (DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY
OF AWARDING THE TITLE OF HERO OF THE SOVIET UNION TO
V.A. KARASEV)

V.M. Magomedkhanov,

(Moscow, Russia)

e-mail: magvik1972@mail.ru

Annotation. Viktor Aleksandrovich Karasev was an active participant in the Soviet partisan movement during the Great Patriotic War, commander of the Olympus partisan (special purpose) detachment, created on the basis of a Separate motorized rifle brigade of the NKVD troops, Hero of the Soviet Union (1944). V.A. Karasev was one of those courageous heroes who, having hardened themselves in the same battles, showed miracles of valor and fearlessness in the fight against the hated enemy, writing their name in golden letters in the military history of our Fatherland.

Key words: Karasev V.A., frontier, partisan, saboteur, battalion commander, hero.

Город Елец – родина многих выдающихся личностей, защитников Отечества, героев – чьи имена навечно вписаны в ратную историю страны. И среди них выделяется Виктор Александрович Карасёв,

¹ Магомедханов Виктор Магомедович, к.и.н., старший научный сотрудник Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации (Москва).

который вместе со своими товарищами по оружию ковал победу в Великой Отечественной войне на передовой и далеко за линией фронта, в глубоком тылу противника. То, что Елец сегодня носит почетное звание «Город воинской славы», есть и его заслуга.

Родился будущий герой в Ямской слободе Ельца 26 марта 1918 г. в многодетной семье, в доме № 50 по улице, которая в настоящее время носит имя Свердлова. Он с детства познал труд и при любой возможности стремился помочь родителям. Практически сразу после школьной скамьи Виктор связал свою судьбу с карьерой военного, которой посвятил лучшие годы жизни, совершив немало подвигов, отмеченных наградами самого высокого ранга. Проявив высшую воинскую доблесть и героизм, он снискал почет и уважение среди современников и добрую память у будущих поколений.

С 17 лет В.А. Карасёв в войсках, постигает азы солдатской службы, отличаясь усердием и способностями к военным наукам. В дальнейшем эти качества позволили ему успешно окончить Орджоникидзевское училище пограничных и внутренних войск НКВД СССР, откуда в 1939 г. был выпущен в звании лейтенанта и направлен на западные рубежи.

С первых дней Великой Отечественной войны В.А. Карасёв сражался с фашистами. Проявил отвагу во время боев в Молдавии в июне 1941 г. на государственной границе, проходившей по реке Прут, в составе 24-го пограничного отряда, где 1 300 пограничников противостояли группировке неприятеля, превышающей численность обороняющихся во много раз. И всё это на вверенном участке ответственности, растянувшемся на 200 километров. Упорство и самоотверженность защитников советских рубежей поражало врага, который планировал захватить Бессарабию за 6 суток.

Так, в один из дней приграничных боёв группа смельчаков, состоящая из 10 пограничников и 5 бойцов Красной Армии, под покровом темноты переправилась через р. Прут на румынскую территорию. Выбив противника с занимаемых позиций, небольшой отряд всю ночь держал оборону на участке по фронту 4 км и в глубину 5-6 км. Лишь с рассветом группа без потерь переправилась на свою сторону и доложила командованию об успешном выполнении поставленной боевой задачи².

² РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 38658. Оп. 1. Д. 4. Л. 114.

Для оказания помощи линейным заставам командование отряда сформировало конную группу во главе с лейтенантом Карасёвым. Поддержав огнем, штыками и шашками одну заставу, группа направлялась на другую, сходу бросаясь в бой и уничтожая отдельные подразделения противника. Где становилось особенно трудно, где нависала угроза отхода, туда под непрерывным артиллерийским и минометным огнем мчался Карасёв со своим отрядом³.

Только лишь 2 июля 1941 г. подразделения 24-го погранотряда были выведены с передовой, теперь им предстояло выполнять новую боевую задачу - охранять тыл Красной Армии. По самым скромным подсчётам, потери противника от огня и штыка пограничников составили не менее 7 000 человек. 300 лучших бойцов и командиров погранотряда, в числе которых был и В.А. Карасёв, были направлены на защиту столицы.

Огромные пространства нашей страны, мощь вооруженных сил, самоотверженность партизан и ополченцев - все это позволило не только выдержать один из самых сильных ударов германской армии, направленный на столицу Советского Союза, но и в непрерывных контратаках, поддержанных партизанскими отрядами и диверсионными группами, ослабить его силу и наступательный порыв⁴.

Боевые действия советских партизан и диверсантов являлись одним из серьезных факторов в борьбе против немецко-фашистских оккупантов. Это проявлялось в различных формах. От применения одиночных отрядов и групп партизаны нередко переходили к более широким действиям. Оперируя днем и ночью, используя леса, овраги и другие укрытия, партизаны взрывали железные дороги, минировали шоссе, уничтожали переправы, боеприпасы и обозы противника. Они производили налёты на немецкие штабы и части. Каждой операции предшествовала разведка, проводимая разными способами, командиры отрядов и групп имели тесную связь с местным населением, захватывали пленных⁵, штабные документы, что так же способствовало успешному выполнению задач.

В августе Карасёва назначают командиром одного из партизанских отрядов при УНКВД по Москве и Московской области, который действовал на передовой и в тылу врага на дальних подступах к столице, проводил успешные операции по уничтожению неприятеля,

³ РГВА. Ф. 41155. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

⁴ ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 89. Л. 147.

⁵ ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 89. Л. 126.

разрушению коммуникаций, дезорганизации его тыла. Об одной из таких операций, проведенной 24 ноября, рассказала газета «Правда» 30 ноября 1941 г., опубликовав сообщение Совинформбюро, посвященное разгрому штаба 12-го армейского корпуса вермахта в Угодско-Заводском районе объединением партизанских отрядов под общим командованием В.А. Карасёва и В.В. Жабо. Во время этого боя Виктор Александрович получил тяжелое ранение в руку, однако оставался со своими бойцами до конца, что свидетельствовало о его высоких морально-волевых качествах. Дерзкими действиями партизан были уничтожены отделение гестапо, часть штаба, узел связи и склад горючего, нанесён большой урон в живой силе и материальной части. Внезапность атаки ошеломила немцев, что позволило чекистам-партизанам захватить штабные документы и тактические карты.

4 декабря 1941 г. газета «Правда» писала: «Бойцам Красной Армии оказывают большую помощь партизанские отряды. 30 ноября Советское Информбюро сообщило о блестящем налёте партизан на крупный германский штаб в одном из городов Московской области. По самым скромным подсчётам, партизаны уничтожили до 600 солдат и офицеров, 80 грузовиков, 20 легковых автомобилей, 4 танка, броневик, 5 мотоциклов, склад горючего, обоз с боеприпасами и авторемонтную мастерскую. Сейчас все участвовавшие в этом славном деле партизаны благополучно вернулись из вражеского тыла. Военный совет Западного фронта наградил их орденами и медалями. Орденом Ленина награждены Владимир Жабо, Виктор Карасёв, Израиль Лифшиц. Среди награждённых орденом Красного Знамени – партизаны Михаил Гурьянов и Андрей Устижанников. Орденом Красной Звезды награждены партизаны Дмитрий Верченко, Иван Волкоедов, Василий Ломашев и другие»⁶.

Об успешной операции по линии Государственного Комитета Обороны Г.К. Жуков доложил главе государства И.В. Сталину. Все захваченные у противника документы, разведывательные данные, полученные спецотрядами НКВД в ходе операций в тылу врага, немедленно передавались командованию частей Красной Армии⁷.

После ранения Карасёв долго восстанавливался, ему была проведена не одна операция. Казалось бы, с таким увечьем дальнейшая карьера военного невозможна. Но завершив лечение в госпитале, Виктор

⁶ Правда. 1941 г., 4 декабря. С. 2.

⁷ Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 19.

Александрович находит в себе силы готовить диверсантов для борьбы в тылу врага. Более того, в 1942 г. руководство Народного Комиссариата Внутренних Дел поручило ему комплектование группы в составе Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД, для заброски за линию фронта. Карасёв берется за дело с энтузиазмом и убеждает руководство в том, что его участие в этой операции крайне необходимо. В итоге в феврале 1943 г. отряд специального назначения (партизанский) «Олимп» из 58 человек под командованием В.А. Карасёва уходит в рейд по вражеским тылам, который продолжился до самого конца войны.

Одной из ярких боевых страниц партизанского соединения Карасёва и его заместителя по разведке А.Н. Ботяна⁸ стала организация в городе Овруч Житомирской области операции по взрыву здания, в котором размещалась немецкая администрация. 9 сентября 1943 г. были ликвидированы 80 гитлеровских офицеров, среди которых находились представители специально направленной в регион группы для расширения борьбы с советскими партизанами и подпольщиками⁹.

«Тем временем боевая работа IV Управления продолжалась. Разведчики В.А. Карасёва получили и сообщили в Центр сведения о системе немецких укреплений на правом берегу Днепра - так называемом Днепровском вале. Эти данные были учтены командованием Красной Армии при наступлении в октябре-ноябре 1943 г. на Киев (захват плацдармов на Днепре)». Именно в такие напряжённые дни, когда диверсионные группы отряда пускали под откос фашистские эшелоны (только в сентябре 1943 г. было подорвано 7 составов), комиссар отряда «Олимп» М.И. Филоненко¹⁰ выполнил одно из ответственных заданий Центра – с несколькими помощниками обследовал на значительном протяжении так называемый «Восточный вал», за которым гитлеровцы предполагали задержаться, отступая после поражения на Курской дуге. Как раз тогда и было обнаружено уязвимое место немецкой обороны, а эти разведсведения сыграли немалую роль при выборе плацдарма по освобождению Киева¹¹.

Дремучие леса, надежно укрывавшие партизан, вставали на пути оккупантов. Партизанские тропы для защитников Отечества, мстящих

⁸ Ботян Алексей Николаевич – советский разведчик, диверсант, Герой Российской Федерации (2007 г.).

⁹ ФСБ за и против. 2020. № 1. С. 9.

¹⁰ Филоненко Михаил Иванович – советский разведчик, диверсант.

¹¹ Бондаренко А.Ю. Подлинная история «Майора Вихря». М., 2014. С. 166.

за кровь и слезы советских людей, были спасительными, а для врагов – непроходимыми.

Противник испытывал страх перед партизанами, оперировавшими на коммуникациях врага. Опасаясь нападений и диверсий, в частях германской армии распространялась инструкция, согласно которой местному населению категорически запрещалось передвигаться по дорогам. Один из пунктов документа гласил: «Войска должны очистить дороги, содержать дороги свободными от движения по ним женщин, девушек и подростков. Лозунгом должно быть - очистить дороги от русских». А в целях улучшения охраны железнодорожных путей сообщения подразделениям противника предписывалось сожжение и уничтожение всех строений и хуторов, расположенных около железных дорог¹².

К лету 1944 г. соединение Карасёва с тяжелыми боями форсировало реку Западный Буг и вышло на территорию Польши, где партизаны продолжили проводить диверсионные операции и вести разведку на пути продвижения советских войск. В ночь на 5 августа 1944 г. партизаны, возглавляемые Виктором Александровичем, по просьбе чехословацкого правительства и по приказу Ставки Верховного Главнокомандования перешли с польской территории в Восточную Словакию, чтобы поддержать словацкое национальное восстание.

В конце августа 1944 г. в Словакии силами партизан и словацкой повстанческой армии, повернувшей оружие против своего бывшего союзника, началось антифашистское восстание. Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение оказать помощь восставшим, итогом которого стала операция по переброске части партизанских отрядов из Польши и Украины. Совместными действиями предполагалось отвлечь значительные силы германских войск с Восточного фронта и соединиться с повстанцами для более эффективного противостояния нацистам.

В свою очередь, Верховное командование вермахта, опираясь на систему Словацких гор, рассчитывало превратить этот участок в непроходимую оборонительную крепость. Географическое положение Словакии имело для германского командования большое оперативное и стратегическое значение: на её территории была довольно развитая сеть железных и шоссейных коммуникаций, связывающих военно-промышленные районы Чехии, Моравии, Польши, Австрии и собственно

¹² Пономаренко П.К. Партизанское движение в Великой отечественной войне. М., 1943. С. 19.

Германии с советско-германским фронтом, а также хорошо обеспечивающие перевозки оперативных и стратегических войсковых резервов с одного участка фронта на другой, в том числе, вывоз награбленного имущества из Советского Союза в Германию¹³.

Ещё в издании НКО о партизанах 1942 г. была дана ёмкая характеристика: «Партизанское движение выросло в грозную силу, которая наводит страх на германо-фашистские войска, не даёт им покоя, изматывает их силы, подрывает боеспособность, наносит материальный и моральный ущерб врагу. В борьбе советского народа против немецко-фашистского нашествия партизанская война окажет большую помощь Красной Армии в окончательном разгроме врага»¹⁴.

Особенно большая помощь Чехословакии в развертывании партизанской борьбы была оказана Украинским штабом партизанского движения. Ещё 17 июня 1944 г. ЦК КП(б)У принял постановление «Об оказании помощи Чехословацкой компартии организации партизанского движения на территории Чехословакии»¹⁵.

Для координации партизанской борьбы в Чехословакию забрасывались спецподразделения НКВД. Эти диверсионные группы возглавляли опытные командиры, прошедшие школу «малой войны» в фашистском тылу. Во второй половине 1944 г. в Словакию на парашютах были заброшены 53 вооруженные до зубов спецгруппы общей численностью 1 200 чел. и 250 т оружия и боеприпасов. Ещё больше советских партизан вышло в Чехословакию рейдами¹⁶. Они сумели быстро организовать крупные партизанские формирования для разжигания масштабных боевых действий, в которых участвовали и бойцы 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады, сформированной на территории СССР.

В Словакию были передислоцированы прославленные партизанские формирования В.А. Карасёва, М.И. Шукаева, В.А. Квитинского, Л.Е. Беренштейна, Н.А. Прокопюка и др. Партизаны совершали нападения на тыловые воинские части и аэродромы, диверсии на шоссе-ных и железных дорогах, выводили из строя мосты, тоннели, линии связи и электропередачи, взрывали склады горючего и боеприпасов¹⁷. Диверсионные действия партизан наносили противнику большой

¹³ РГВА. Ф. 40973. Оп. 2. Д. 108. Л. 4.

¹⁴ *Афанасьев А.* В помощь партизану. М., 1942. С. 4.

¹⁵ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

¹⁶ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

¹⁷ *Гречко А.А.* Через Карпаты. М., 1970. С. 24.

ущерб, затрудняли оперативные перевозки и отвлекали значительные силы врага на охрану коммуникаций¹⁸.

Например, при выборе места крушения поезда партизаны старались подыскать его вдали от населенных пунктов, чтобы гитлеровцы не смогли обрушить свою злость на местное население¹⁹. Оккупанты, проезжая через партизанскую территорию, испытывали страх, о чем свидетельствовали пленные²⁰.

Многие мелкие группы, заброшенные ранее на оккупированные территории других стран, в дальнейшем существенно выросли за счёт местного населения, военнопленных, став детонатором в активизации борьбы против гитлеровцев. Так, в Чехословакии небольшие группы П.А. Величко, А.С. Егорова, А.М. Садиленко, Т. Полы, Е. Ушияка, И.Д. Диброва и других быстро превратились в крупные бригады и стали весомой силой в Словацком национальном восстании²¹.

Общая численность их к началу октября достигала 35 тыс. человек²². В их числе воевал и уроженец города Ельца Виктор Александрович Карасёв. Партизанское соединение имени Александра Невского, выросшее из отряда «Олимп», которым он командовал, действовало в Восточной Словакии и принимало активное участие в национальном восстании.

Местное население с первых же дней стало оказывать советским партизанам всемерную поддержку и братскую помощь. Соединение развернуло активные боевые действия против немецко-фашистских захватчиков и быстро выросло в мощное партизанское формирование. Вместе с советскими партизанскими отрядами в его состав вошли Чехословацкая Нитрянская партизанская бригада, боевые отряды, сформированные из военнослужащих чехословацких воинских подразделений и польские патриоты. Советские, чехословацкие и польские партизаны вместе вели активную борьбу против фашистов вплоть до заключительного этапа войны. Это было подлинно интернациональное

¹⁸ Матронов П.С. Развитие способов вооруженной борьбы советских партизан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). М., 1962. С. 22.

¹⁹ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

²⁰ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

²¹ Дюков А.Р. Кто командовал советскими партизанами. Организованный хаос. М., 2012. С. 286-287.

²² РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

содружество партизан, боевые действия которых изобиловали яркими примерами героизма²³.

В двадцатых числах октября 1944 г. жестокие бои разгорелись в районе города Крупина, где оборону держало соединение В.А. Карасёва. Гитлеровцы несколько раз атаковали позиции партизан, но каждый раз вынуждены были отходить, неся большие потери. В боях особенно отличились артиллеристы под командованием подпоручика Ожвольдика, метко разившие противника. Нередко дело доходило до рукопашных схваток, а командир В.А. Карасев неоднократно возглавлял контратаки партизан. Уже после войны на месте боя был воздвигнут обелиск в честь партизан, не пропустивших врага на этом направлении.

Несмотря на сильный напор фашистов, долго удерживали свои позиции и другие бригады в Нещпальской и Блатницкой долинах, вплоть до самого падения Банска-Быстрицы. Так, бригада под командованием Егорова оставила рубеж обороны только после отхода частей повстанческой армии. До последнего мужественно сражались с врагом и воины 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады²⁴.

В период восстания и партизанской борьбы немцы отвлекали на борьбу с партизанами и подпольщиками крупные силы. Только для борьбы против освобожденного одного района германское командование отозвало с фронта до 8-9 дивизий, общей численностью не менее 50 тыс. солдат и офицеров, около 200 танков, многочисленную артиллерию и минометы, несколько эскадрилий бомбардировочной авиации и т.д. Для охраны коммуникаций и военных объектов нацисты вынуждены были держать наготове свыше 70 тыс. своих военнослужащих²⁵.

Население Словакии поддерживало партизан. Разведка в тылу противника, велась помимо разведчиков отряда через местное население и агентов-словаков²⁶. В горах патриоты имели базы и землянки, подготовленные местными подпольщиками и партизанскими группами²⁷.

По мнению представителя Украинского штаба партизанского движения А.Н. Асмолова, «восстание, поддержанное советским командованием, явилось наиболее ярким выражением выполнения словацким и чешским народами своего интернационального долга в общей борьбе против империалистических захватчиков. Восстание показало, что

²³ Центральный музей войск национальной гвардии Российской Федерации (ЦМ ВНГ РФ). Оп. 4. Д. 2. П. 1.

²⁴ Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. М., 1983. С. 241-242.

²⁵ РГВА. Ф. 40973. Оп. 2. Д. 108. Л. 6.

²⁶ РГВА. Ф. 40973. Оп. 2. Д. 67. Л. 10.

²⁷ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 75. Л. 11.

народ не имеет ничего общего с немецким фашизмом и его внутренними ставленниками»²⁸. Эффективность действий советских партизан в Чехословакии, Польше, Венгрии и Румынии в значительной мере была основана на их большом боевом опыте. Большинство перебрасываемых в тыл врага бойцов прошло путь от рядового партизана до командиров групп, отрядов, которые отличились в борьбе с оккупантами²⁹.

В партизанской зоне «земля горела» под ногами оккупантов. В партизанских отрядах вели борьбу с врагом наряду со словаками около 3 тыс. советских партизан, до 2 тыс. чехов, около 800 венгров, 400 французов, 80 немецких антифашистов, до 100 поляков, более 100 югославов, 50 американцев и англичан, а также греки, итальянцы, болгары, австрийцы и представители других народов³⁰.

О советской помощи Словацкому народному восстанию точно сказал Клемент Готвальд на страницах газеты «Руде право»: «Всем известно, что планы Советского Верховного Главнокомандования не включали в себя переход Дукельского перевала и что освобождение нашей страны входило в рамки более широко охватывающей операции. И если, несмотря на это, советский оперативный план был изменен, то это было результатом того, что советское командование не могло отнестись безразлично к призывам о помощи, которые неслись из-за Словацких гор, где борцы Словацкого народного восстания с напряжением всех сил отражали превосходящие силы фашистских орд»³¹.

Как раз в дни восстания Франтишек Брожек написал стихотворение «Братислава свободна!», которое в переводе А. Кудрейко было опубликовано в газете «Комсомольская правда»:

«Шесть лет
Только ночи тяжелый покров...
Шесть лет,
как у нас в городах
Не листья багряные, -
чешская кровь
Ржавеет в засохших садах.
Отчизна моя!
Золотистый рассвет

²⁸ РГВА. Ф. 40973. Оп. 2. Д. 108. Л. 1.

²⁹ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

³⁰ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

³¹ РГВА. Ф. 40973. Оп. 2. Д. 108. Л. 3.

Над гребнями горных громад.
И братский тебе, посылая привет,
В Москве батареи гремят.
К нам в Братиславу
братья пришли,
Прошли они тысячи вёрст,
И эхо салюта
До нашей земли
Неистовый ветер донёс.
Не каждый из нас в России бывал,
Но знаем, что он из страны,
Где Волга и Дон,
Где Днепр и Урал,
Летит этот ветер весны.
О, ветер весны!
Он - в Прилабье у нас!
Он в Прагу летит над рекой!
И подняли головы люди:
Сейчас
Так дышится в бурю легко.
Как ждали мы этого часа среди битв!
И верили: сбудется так.
За русских, за Сталина сколько молитв
И чех возносил, и словак.
Нам братья и солнце и жизнь принесли.
Идем мы дорогой одной.
По всей Высочине разносится клич:
- С русским на немца! В бой!»³²

Отважный партизан, представитель войск НКВД/НКГБ, Виктор Александрович Карасёв за боевые отличия по освобождению Европы от нацистов был отмечен польскими орденами «Крест Грюнвальда» и «Партизанский крест», чехословацкой наградой «Партизанская звезда». В свою очередь советское руководство Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу врага и проявленные при этом героизм и отвагу присвоило В.А. Карасёву звание Героя Советского Союза³³ с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 5367).

³² Комсомольская правда. 1945, 5 апреля. С. 4.

³³ ЦМ ВНГ РФ. Оп. 4. Д. 2. П. 1. Инв. № 5.

С кем бы ни сводила судьба В.А. Карасёва во время войны, он удостоивался высокой оценки своей боевой деятельности. Человек личной храбрости и мужества, умел принимать нестандартные решения, которые в большинстве случаев приводили к успеху в выполнении боевых задач. Виктор пользовался уважением командования, обладал высоким авторитетом у сослуживцев и командиров других соединений.

Г.К. Жуков, описывая один из эпизодов битвы под Москвой, когда Угодско-Заводской район был занят немцами, вспоминал: «В районе был организован большой партизанский отряд, во главе которого встал мужественный борец за Родину, умный организатор, комсомолец Виктор Карасёв...»³⁴

По воспоминаниям Героя Российской Федерации А.Н. Ботяна, Виктор Александрович был командиром обстрелянным, с богатым боевым опытом и немалыми заслугами. «Замечательный парень, смелый, в военном отношении грамотный, принимал очень хорошие, правильные решения»³⁵.

Боец партизанского отряда Пётр Иванович Неделин, служивший под началом В.А. Карасева, говорил такие слова: «Хочу сказать большое спасибо нашему земляку и командиру Виктору Александровичу Карасеву за его уважение к солдату. Ведь благодаря его руководству нас немало осталось в живых»³⁶.

Выйдя в отставку, Виктор Александрович продолжал оставаться в строю, входил в состав многих ветеранских организаций, несмотря на возраст и тяжелые ранения, ездил по стране, выступал с лекциями и докладами. Часто приезжал на родину, встречался с ветеранами войны, молодежью. Почетный гражданин Овруча, ряда городов Польши и Чехословакии, вписал свое имя и в историю своей малой родины, став почетным гражданином Ельца. В старинном русском городе хранят память о Герое: на площади Победы установлен горельеф с его изображением, на доме, где Виктор Александрович родился и на здании школы, где он учился, размещены мемориальные доски. В образовательных учреждениях и библиотеках проходят уроки памяти, посвященные доблестному земляку.

В конце 2020 г. память об отважном ветеране войск правопорядка была увековечена на карте нашей Родины – в Новой Москве, на

³⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 339.

³⁵ Бондаренко А.Ю. Алексей Ботян. М., 2020. С. 100-101.

³⁶ В краю родном. 1997, 22 февраля. С. 2.

территории поселения Сосенское появилась улица, названная в честь Героя Советского Союза В.А. Карасёва³⁷.

27 марта 2021 г. в День войск национальной гвардии Российской Федерации в елецком музее воинской славы прошло праздничное мероприятие, посвящённое памяти почетного гражданина Ельца Героя Советского Союза В.А. Карасёва. В торжестве приняли участие руководители города и Управления Росгвардии по Липецкой области, ветераны силовых ведомств, представитель Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации и общественность, которые стали первыми посетителями новой экспозиции посвященной Виктору Александровичу. Накануне этой встречи инициативная группа Елецкого городского общественного патриотического движения «Мы из Ельца!» установила отреставрированную мемориальную доску в память о В.А. Карасёве на фасаде дома № 50 по улице Свердлова, где прошли детские и юношеские годы знаменитого земляка.

Память о Герое Советского Союза бережно хранится и в Центральном музее войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудниками которого собраны уникальные фотографии и документы. Виктору Александровичу Карасёву посвящена часть экспозиции, которая повествует о его героизме в годы Великой Отечественной войны.

Для цитирования: Магомедханов В.М. История ОМСБОН: командир отряда специального назначения «Олимп» (К 80-Й годовщине присвоения звания Героя Советского Союза В.А. Карасёву) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 82-94.

³⁷ Сосенские вести. 2020, 17 декабря. С. 5.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

УДК 94(410) | 1888/1893 |

ЖУРНАЛ «БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ»:
ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В САРАТОВЕ
(1888-1893)

С.А. Кочуков¹

ОГУ ГАСО

e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена истории уникального печатного органа социальной благотворительности в российской провинции конца XIX столетия. Автор обращается к биографии издателя саратовского журнала «Братская помощь» П.А. Устимовича, прослеживает этапы формирования программы этого издания и направления развернутой им благотворительной деятельности. В статье показаны общественные отклики на благотворительные инициативы и издательскую деятельность П.А. Устимовича.*

Ключевые слова: Саратовская губерния, благотворительность, периодическая печать, журнал «Братская помощь», П.А. Устимович.

MAGAZINE «BROTHERLY HELP»:
PRINTED ORGAN OF CHARITY IN SARATOV
(1888 - 1893)

S.A. Kochukov

(Saratov, Russia)

e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Annotation. *The article is devoted to the history of a unique printed organ of social charity in the Russian provinces of the late 19th century. The author turns to the biography of the publisher of the Saratov magazine «Brotherly Help» P.A. Ustimovich, traces the stages of the formation of the program of this publication and the directions of the charitable activities he developed. The article shows public responses to the charitable initiatives and publishing activities of P.A. Ustimovich.*

Key words: Saratov province, charity, periodical press, magazine «Brotherly Help», P.A. Ustimovich.

Если бы русского читателя начала XX в. спросили об издании «Братская помощь», то он с уверенностью сказал бы, что это ежемесячный военно-общественный и иллюстрированный журнал, появившийся сразу после Русско-японской войны и выходивший в Москве. Мало кто знал о том, что за 17 лет до открытия московского

¹ Кочуков Сергей Анатольевич, д.и.н., главный архивист отдела публикаций и использования документов Государственного архива Саратовской области (ГАСО).

периодического издания в Саратове выходил журнал с точно таким же названием (с 1888 по 1893 г.).

Идейным вдохновителем, издателем, редактором и единственным сотрудником журнала был П.А. Устимович². Прокопий Андрианович Устимович, действительный статский советник, родился в 1838 г. в семье курского губернатора. Получив образование в Петербургском училище правоведения в 1860 г., он некоторое время исполнял обязанности товарища председателя Одесского окружного суда, а с 1871 по 1875 гг. по результатам выборов занимал должность все сословного головы Курска. Затем он переехал в Саратов и с 1886 г. служил в Саратовской судебной палате в сфере прокурорского надзора³. Кроме того Устимович возглавлял Саратовский отдел Российского общества покровительства животным⁴.

Устимович всегда был не чужд литературе. Еще в 1882 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет его ода-поэма «Царю», посвященная двадцатипятилетию царствования императора Александра II⁵. Это произведение было подписано псевдонимом «Полтавин». В будущем в многочисленных изданиях и главным образом в журнале «Братская помощь» Устимович использовал именно этот псевдоним. Ода-поэма «Царю» прославляла исторические свершения императора почти на двухстах страницах. Автор не просто восхвалял Александра II, но и постарался обозначить и охарактеризовать все реформы, которые проводились в 60-70-х гг. XIX в. Конечно, главное преобразование, на котором акцентировал внимание Устимович, была крестьянская реформа 1861 г.

*Взывает к Трону иль к Царю
Отчизны в честь поэма-ода;
Но в ней я днесь боготворю
Того, кто цепи снял с народа⁶.*

По мнению автора оды, все мероприятия, которые проводились в России в 60-70-х гг. XIX в. во внутренней или во внешней политике, явились результатом инициативы русского самодержца. Но, по всей видимости, сам Устимович не особо рассчитывал на популярность своего поэтического произведения, хотя и самолично читал его на одном из

² Славин И.Я. Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов, 2013. С. 151.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 7. Оп. 3. Д. 109. Л. 74-74 об.

⁴ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8383. Л. 1-2; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2331. Л. 2.

⁵ Полтавин П.А. Царю. Ода-поэма на день двадцатипятилетия царствования императора Александра II, царя-освободителя. С эпилогом. СПб., 1882.

⁶ Там же. С. 8.

земских празднеств в уездном городе. Ему необходимо было опробовать свои силы на поэтическом поприще, а впоследствии в своем периодическом издании он постоянно публиковал стихи собственного сочинения.

Можно предположить, что Устимович задумал издавать журнал «Братская помощь» не только с целью благотворительности, но и для того, чтобы найти себе своеобразную платформу для печатания стихотворных опытов и литературных произведений вообще. Что же касается создания собственно журнала, где бы проповедовалась идея сбора пожертвований, то такая идея была в России не нова. Тем не менее, появление подобного журнала в Саратове имело знаковое значение. В рукописи неизвестного автора о благотворительном журнале «Братская помощь», хранящейся в фондах Государственного архива Саратовской области, прямо указывалось: «Нельзя не согласиться с издателем, что подобного его журналу периодического издания еще не было в России. Появлявшиеся у нас (т.е. в России) благотворительные журналы существовали все не более года, таковы «Благотворительность», «Нужда и помощь». Только московский журнал «Детская помощь» протоиерея Г.П. Смирнова-Платонова продолжает существовать 6-й год, но исключительно благодаря правительственной субсидии»⁷.

В 1888 г. Устимович подает прошение в Главное управление по делам печати по вопросу издания еженедельного журнала «Братская помощь», органа общественной и частной благотворительности⁸. Прошение было написано по сложившимся правилам и форме, но в качестве довода для открытия нового периодического издания Устимович отмечал, что журнал, который он вздумал издавать, «служил бы специальным органом для частной и общественной благотворительности. <...> При том значении, какое имеет у нас благотворительное общество, журнал этот мог бы быть органом местных общественных благотворительных учреждений, которое через посредство этого органа, как и частные лица, могли бы оглашать все необходимое в интересах бедных, вызывающих к братской помощи»⁹. Нужно отметить, что благотворительная помощь в Саратовской губернии в основной своей массе шла через местное управление «Общества попечения о больных и раненых воинах», которое с 1879 г. было переименовано в Саратовское местное управление Российского общества Красного Креста, но вместе с тем в Саратове были и другие благотворительные организации: Саратовское санитарное общество (1877 г.), Дамское отделение Саратовского губернского

⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2331. Л. 1 об.-2.

⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4656. Л. 1-1 об.

⁹ Благотворительность. Доводы, послужившие основанием для ходатайства об издании журнала «Братская Помощь» // Братская Помощь. 1888. № 1. С. 8.

попечительного о тюрьмах комитета (1841 г.), Саратовское губернское отделение попечительства императрицы Марии Александровны о слепых (1885 г.) и др.

С самого начала Устимович полагал, что его журнал должен сконцентрировать публикации лишь на местной благотворительности, объясняя это тем, что существовавшие в Саратовской губернии благотворительные организации не имеют своего печатного органа, а в случае необходимости пользовались отделом объявлений в органах губернской прессы¹⁰. Программа журнала «Братская помощь» не представляла собой ничего выдающегося и стандартно была разделена на пять отделов: основной отдел, справочный отдел, отдел хроники русской благотворительности, литературный отдел, смешанный отдел¹¹. Срок выхода журнала из печати первоначально рассматривался Устимовичем один раз в две недели, но после утверждения программы журнала 30 мая 1888 г. было объявлено, что издание будет еженедельным на шестнадцати страницах и подписная цена с пересылкой составит три рубля¹².

П.А. Устимович в передовой статье своего издания так определил программу журнала: «Программа журнала «Братская помощь» очень обширна, хотя лишь в пределах вопросов и деле благотворительности, но такая программа намечена издателем лишь как идеал, к которому придется приближаться по мере возможности, сообразно средствам и обстоятельствам. От сочувствия к программе журнала зависит отчасти и мера содействия его беспрепятственному выходу в свет, а это условие, при издании, не маловажно. Конечно, не на барыши рассчитывать можно при издании благотворительного журнала, наибольшее распространение которого, без большого убытка для издателя, уже будет достаточным вознаграждением, как издателя за безвозмездный труд его, так и безвозмездных его братьев-сотрудников»¹³.

Реакция на открытие благотворительного журнала в Саратове последовала незамедлительно. Одним из первых, кто откликнулся на новое издание, был саратовский губернатор А.И. Косич. Он обратился к Устимовичу со следующими словами: «Вполне сочувствуя высоким целям вашей деятельности, неустанно проявляемой уже в делах благотворительности по городу Саратову, так и по предпринятому вами изданию «Братская помощь», я, со своей стороны, постараюсь оказать

¹⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2331. Л. 1.

¹¹ Программа журнала «Братская помощь» // Братская помощь. 1888. № 1. С. 2-3.

¹² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2331. Л. 1.

¹³ Благотворительность. Доводы, послужившие основанием для ходатайства об издании журнала «Братская помощь» // Братская помощь. 1888. № 1. С. 9.

вашим добрым стремлениям, как личное содействие, так и через подведомственные мне органы управления губернии»¹⁴. Устимович в свою очередь имел основания считать, что Косич был «дельный губернатор и оставил добрую память о себе»¹⁵.

Несколько иначе оценил появление журнала священник-миссионер Павел Шалкинский, который был известен в Саратовской губернии тем, что после его проповедей в лоно православной церкви возвращались за раз более сотни раскольников¹⁶. По его мнению, раскольникам так же была необходима братская помощь: «Журнал, как видно из программы, весь проникнут духом благотворения и желанием общения, именно с теми, которые требуют необходимой помощи и поддержки жизни. <...> Вообще, братская помощь нужна для благотворительных заведений и в частности, для частных лиц. Благотворения должны совершаться для всех и каждого, без различия религиозных верований, ибо мы все братья – все дети одного бога-отца»¹⁷.

Епископ Саратовский и Царицынский Павел также обратил внимание на новый саратовский журнал и даже высказал идею, что на подобное периодическое издание священники саратовской епархии должны подписываться в обязательном порядке¹⁸. Увеличение подписчиков отмечалось и на страницах журнала «Братская помощь». Специально для этого была введена новая рубрика – «Новые подписчики на журнал». Причем значительная часть этих подписчиков относилась к числу священников, но вместе с тем публиковались фамилии простых жителей не только Саратова, но и иногородних¹⁹.

Анонимный автор «О благотворительном журнале» не без основания заявлял, что Устимович, «почтенный автор «Братской помощи» имеет особую любовь к издательскому делу»²⁰. С этим можно согласиться, так как, начиная с 1889 г. № 23 журнал начал выходить с цветными обложками. Общую характеристику журнала затруднялись давать даже современники, заявляя, что «слишком приподнятый тон передовых статей и обилие стихов составляет пока характерную сторону

¹⁴ Письмо саратовского губернатора А.И. Косича // Братская помощь. 1888. № 1. С. 15.

¹⁵ ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 529. Л. 2.

¹⁶ ГАСО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 4. Л. 58.

¹⁷ Письмо священника-миссионера Павла Шалкинского // Братская помощь. 1888. № 1. С. 14.

¹⁸ Братская помощь. 1888. № 2. С. 17-18.

¹⁹ Новые подписчики журнала «Братская помощь» // Братская помощь. 1888. № 3. С. 35.

²⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2331. Л. 1 об.

журнала»²¹. Действительно, стоит лишь посмотреть на название стихотворений, которые публиковались в журнале: «Посвящение», «Гимн в честь 19 февраля» (крестьянской реформе посвящено более десяти стихотворений), «На Троицын день», «И вера детская, где ты?» и др.

Несмотря на то, что в журнале «Братская помощь» публиковалось много литературных произведений и это стало предметом общественной критики, тем не менее, в каждом номере издания в специальной рубрике «Помогите» помещались материалы по благотворительной деятельности. Первоначально Устимович размещал в своем журнале лишь списки нуждающихся с призывами о помощи, а сама рубрика называлась «Объявления от ищущих занятий или должности»; здесь фактически помещались все объявления благотворительного содержания. Но, по всей видимости, такое действие не приносило желательного результата. Поэтому начиная с № 4 «Братской помощи» тактика сбора средств существенным образом изменилась. Издатель посчитал, что вместо простых призывов нужно сделать помощь адресную. Поэтому в периодическом издании не просто перечислялись фамилии нуждающихся, а давалась небольшая характеристика того или другого лица, которому требовались средства. Каких только лиц не было в подобных объявлениях. Это мещане Саратова, неимущие крестьяне губернии, немцы-колонисты, семья поденного работника, отставной солдат, вдовы, которых было предостаточно после Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и др.

Устимович не только помещал информацию о нуждающихся на страницах своего журнала, но и старался вникнуть в конкретную проблему. Так, в одном из номеров журнала в разделе «Помогите» была помещена заметка о вдове Невской. Помимо общей характеристики проблемы Устимович отмечал: «Познакомился я с г-жею Невской и ее нищетою, <...> войти к старушке не безопасно, до того ее избушка плоха, и ветха, а платить за эту квартиру 1 ½ руб. в месяц. Вот где картина ужасной бедности. И холодно, и мрачно, и грязно...»²². И подобных описаний, когда редактор журнала лично посещал неимущих, было предостаточно.

Как же на практике выглядела помощь нуждающимся? Как правило, было два сценария. Первый, когда нуждающегося направляли в благотворительные организации. Например, в Дамское попечительство, как это было с г-жей Невской. Второй, когда выдавали денежные средства нуждающимся прямо в редакции журнала. Как правило, эти суммы были не большие, но они давали возможность какое-то время

²¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2331. Л. 2 об.

²² Братская Помощь. 1888. № 4. С. 85.

продержаться. Денежный фонд на благотворительные акции в редакции журнала формировался и пополнялся за счет пожертвований. Ярким примером служит письмо от священника, который пожелал остаться неизвестным. В его послании отмечалось: «Душа моя желает более и более питаться и укрепиться духовной пищей, ведущими в жизнь вечную, на тернистом пути земной моей жизни. Духовная пища и питье обильно, целительно и назидательно предлагаются в журнале "Братская помощь"». Прилагаю при сем малейшую мою лепту – 3 руб...»²³.

Вокруг редактора «Братской помощи» сформировался кружок единомышленников, члены которого на добровольных началах посещали нуждающихся лиц, стараясь вникнуть в суть их проблем. К сожалению, определить состав этого кружка или группы не представляется возможным, также не известны и их фамилии, даже некоторых, так как они все без исключения писали свои послания Устимовичу либо не подписываясь вообще, либо под псевдонимами, которые разгадать невозможно. Один из таких членов благотворительного кружка на страницах журнала заявляет редактору, что идти без денег к нуждающимся стыдно²⁴.

Иногда встречались и забавные объявления. В № 40 за 1889 г., например, появилась заметка о мерах борьбы с сусликами²⁵. Но это было исключение из правил.

Несмотря на то, что журнал «Братская помощь» пользовался в Саратовской губернии определенным влиянием и популярностью, многие из сподвижников Устимовича считали, что издание, да и сам процесс благотворительности необходимо серьезным образом преобразовать. В одном из номеров журнала за 1890 г. появилась статья за подписью «Х.» «К отделу "Помогите"», в которой был представлен план преобразования самого процесса помощи нуждающимся через журнал. Он включал в себя четыре пункта: 1) отсечь от помощи так называемых «попрошак», т.е. тех лиц, которые живут неплохо, но пытаются получить от журнала дополнительные средства; 2) финансовая помощь нуждающимся должна быть не только адресной, но и проверенной; 3) необходима проверка нуждающихся, действительно ли им нужна помощь; 4) отказаться от так называемой думской благотворительности (то есть от благотворительности по линии городской думы), т.к. она совершенно, по мнению автора, не состоятельна²⁶.

²³ Братская помощь. 1890. № 43. С. 124.

²⁴ Братская помощь. 1891. № 44. С. 159-160.

²⁵ Братская помощь. 1889. № 40. С. 200.

²⁶ К отделу «Помогите» // Братская помощь. 1890. № 45. С. 246.

Начиная с 1893 г. журнал «Братская помощь» постепенно начинает сдавать позиции. Это определялось главным образом тем, что сама тема благотворительности становилась сугубо официальной, т.е. в издании начали помещать лишь официальные распоряжения или уставы различных благотворительных обществ. Особенно это показательно для 1893 г., когда большая часть журналов была отдана под публикации «Мнения начальников губерний по вопросу о необходимости преобразований в местной организации общественного призрения»²⁷. Кроме того, если в первых номерах журнала фактически весь материал был эксклюзивный, то затем издание Устимовича сплошь состояло из перепечаток центральных журналов и газет, особенно из журнала «Детская помощь», издававшегося в Москве. Не нужно забывать и о литературных опусах Устимовича, котором отводилась лучшее место в журнале. В 1895 г. саратовский журнал прекратил свое существование. Его издатель переехал из Саратова в Курск и принял решение не переводить в другой город журнал «Братская помощь», который таким образом прекратил свое существование. Дискуссии о дальнейшей роли печатного органа благотворительности, видимо, были частным проявлением назревшего кризиса издания, но пятилетний период его выхода в свет представляет собой яркий и уникальный пример в истории общественных инициатив в российской провинции.

Для цитирования: Кочуков С.А. Журнал «Братская помощь»: печатный орган благотворительности в Саратове (1888-1893) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 95-102.

²⁷ Мнения начальников губерний по вопросу о необходимости преобразований в местной организации общественного призрения // Братская помощь. 1893. № 82-83. С. 310-318.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ТРУДАХ САРАТОВСКИХ ИСТОРИКОВ XIX В.

А.С. Майорова¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: majorova-as@mail.ru

Аннотация: В трудах по истории Саратовского края, написанных в XIX в., довольно часто использованы в качестве источников предания и произведения песенного фольклора. В первой половине XIX в. формировалось отчетливое понимание разницы между исторической памятью народа и памятью о прошлом у представителей дворянского общества. В сочинении А.Ф. Леопольдова по местной истории содержание приведенных им преданий о Степане Разине успешно конкурирует с высказанными им оценками событий. В монографии Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» не наблюдается подобного противоречия. Д.Л. Мордовцев смог сделать важные выводы об особенностях исторической памяти народа, ценность которой была для него очевидной. А.Н. Минх, используя предания о разбойниках, основывался на подходе Мордовцева. Ему удалось также найти новый аспект в содержании источников, которые хранили историческую память народа. Он привлекал их для изучения процесса заселения Саратовского Поволжья крестьянством.

Ключевые слова: этническая культура, славянофилы, устные источники, самозванцы, разбойничьи атаманы, колонизация Саратовского Поволжья.

PEOPLE'S MEMORY AND ITS INTERPRETATIONS IN THE WORKS OF SARATOV HISTORIANS OF THE XIX CENTURY

A.S. Maiorova

(Saratov, Russia)

e-mail: majorova-as@mail.ru

Abstract. The 19th century works on the history of the Saratov region quite often used legends and works of song folklore as sources. The first half of the 19th century saw the formation of a distinct understanding of the difference between the historical memory of the people and the memory of the past among the representatives of the nobility. In A.F. Leopoldov's work on local history, the content of the cited legends about Stepan Razin successfully competes with his assessments of the events. N.I. Kostomarov's monograph «Stenka Razin's Rebellion» does not show such contradiction. D.L. Mordovtsev was able to draw important conclusions about the peculiarities of the historical people's memory, the value of which was obvious to him. A.N. Minh, using the legends about

¹ Майорова Алла Степановна, к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

brigands, based his work on Mordovtsev's approach. He also succeeded in finding a new aspect in the content of the sources that kept the historical memory of the people. He used them to study the process of peasant settlement in the Saratov Volga region.

Key words: ethnic culture, Slavophiles, oral sources, impostors, brigand atamans, colonization of the Saratov Volga region.

Изучение различных аспектов исторической памяти и ее влияния на формирование образов прошлого в широких кругах населения разных стран в настоящее время представляется очень актуальным. Многие русские историки и мыслители XIX в. также понимали значение данного феномена. Причем некоторые из них видели, что историческая память неоднородна, что особого рассмотрения заслуживает историческая память различных социальных слоев. Причина данного явления — отсутствие в тот период в культуре русского народа единства, наличие разрыва между этнической (устной) и письменной культурой. Историки XIX в., которые посвящали свои труды изучению прошлого Саратовского Поволжья, достаточно активно использовали в качестве источников предания и произведения песенного фольклора, которые сохраняли память народа о событиях прошлого и оценки этих событий и исторических личностей.

В работах саратовских регионоведов XX в. данный аспект исследований предшественников не нашел отражения. Вопрос об использовании устных источников в трудах, посвященных проблемам экономики, истории и культуры Нижнего Поволжья, затрагивает А.Л. Клейтман в своей монографии². Он отмечает факты привлечения «рассказов старожилов» и местных исторических преданий А.Ф. Леопольдовым в его «Статистическом описании Саратовской губернии»³. Оценивая работу Костомарова и Мордовцева в области расширения источниковой базы для изучения Саратовского края, Клейтман подчеркивает, что они собирали и изучали этнографические материалы, записывали, готовили к печати и издавали памятники местного фольклора⁴

Относительно содержания монографии Костомарова «Бунт Стеньки Разина» он указывает на то, что для создания «яркого, многогранного портрета предводителя восстания» Костомаров, помимо письменных источников, привлекал народные песни, записанные в

² Клейтман А.Л. Изучение проблем экономики, истории и культуры Нижнего Поволжья в научной мысли России конца XVIII – начала XX вв. Санкт-Петербург, 2018.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 120.

Саратовской губернии⁵. Однако при этом Клейтман не высказывает своего мнения об особенностях использования Костомаровым фольклорных материалов. Характеризуя сочинения Д.Л. Мордовцева, он не упоминает, что при написании им статей, посвященных волжским разбойникам XVIII в., источниками в некоторых случаях послужили предания⁶.

Клейтман особо выделяет «научные работы первой половины XIX в., написанные местными авторами», и отмечает, что в них, кроме письменных материалов, использовались легенды и предания. Судя по замечаниям Клейтмана, он считает, что труды местных авторов изобилуют «непроверенной, недостоверной информацией» из-за «отсутствия доступа к библиотекам и архивам»⁷. Очевидно, Клейтман видит только эту сторону использования устной традиции в сочинениях историков.

В то же время, он отмечает, что некоторые авторы благодаря привлечению устных источников смогли расширить источниковую базу при изучении определенных проблем. Он называет Н.Ф. Хованского, который использовал «воспоминания старожилов и местные исторические предания» для изложения событий пугачевского восстания в селах и деревнях Саратовской губернии⁸. Клейтман также подчеркивает тот факт, что А.Н. Минх при составлении «Историко-географического словаря Саратовской губернии» занимался изучением, наряду с архивными материалами, «местных легенд и преданий, сведения которых были подвергнуты проверке письменными источниками...»⁹. Высказывания Клейтмана об использовании местными историками сведений из народных легенд и преданий свидетельствуют о том, что у него нет определенности в оценке значения этих источников, в которых фиксировалась историческая память народа о событиях. Он также не останавливается на вопросе о том, с каких позиций авторы исторических сочинений подходили к особенностям народной памяти.

Если рассматривать труды по истории Саратовского края, созданные в XIX в., то мы увидим, что авторы, которые обращались к устным источникам, по-разному оценивали эти свидетельства исторической памяти народа. Не было единообразия и в интерпретациях их

⁵ Клейтман А.Л. Указ. соч. С. 149.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Там же. С. 157.

содержания. Наиболее ранние исторические сочинения саратовских регионоведов относятся к первой половине XIX в., когда формировалось отчетливое понимание разницы между исторической памятью народа и памятью о прошлом у представителей русского дворянского общества. Этому весьма способствовало активное собирание фольклора. В первой трети XIX в., как писал Азадовский, «задача издания полного собрания памятников народного творчества» воспринималась как «важнейшее национальное дело». Решение этой задачи взял на себя П.В. Киреевский, который в 1831 г. совместно с Н.М. Языковым приступил к систематическому сбору произведений народной поэзии¹⁰.

Свои фольклорные записи передавали Киреевскому многие русские писатели, публицисты и ученые. Среди них были Пушкин и Гоголь. Следует заметить, что в Саратовской губернии одним из первых собирателей песенного фольклора является С.П. Шевырев, который также внес вклад в собрание Киреевского¹¹. При жизни П.В. Киреевскому удалось опубликовать небольшую часть имевшегося у него материала. Публикация исторических песен его собрания была осуществлена уже после его смерти, во второй половине XIX – начале XX в. В тот период вышли две серии этого издания: «Песни, собранные П.В. Киреевским» (вып. 1–10, 1860–74), «Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия» (вып. 1–2, 1911–1929). Продолжение публикации материалов из собрания Киреевского относится к XX в.

Историческая память русского народа была предметом внимания славянофилов. К.С. Аксаков высказался совершенно определенно о невозможности «взаимопроникновения» в ту эпоху устной и письменной исторической традиции. Данное положение присутствует в его речи «О Карамзине», написанной в 1848 г. Это сочинение Аксаков не произносил в устной форме и не публиковал, оно распространялось в списках¹². Автор утверждал: «Я не скажу вам, что Карамзин был народный русский писатель – он не был им; он, как и всё наше общество с Петра, далеко стоит от народа, и народ не знает его»¹³. В понимании Аксакова и его современников русское общество – это дворянство. Народ он отождествлял с крестьянством, что было одним из основных положений

¹⁰ Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. С. 328, 334.

¹¹ Там же. С. 335.

¹² Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей : антология. СПб., 2006. С. 1020.

¹³ Аксаков К.С. О Карамзине. Речь, написанная для произнесения перед симбирским дворянством (1848) // Карамзин: Pro et contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина... С. 642 – 654; 642

взглядов славянофилов. «Крестьянин не знает Карамзина..., — писал Аксаков, — несмотря на гений и великие достоинства, Карамзин не может иметь чести, выше всех честей, чести принадлежать народу в настоящем смысле, не может назваться писателем народным... Кто из нас возьмет смелость назвать себя русским человеком? — Почтем это право пока за одним простым народом, за крестьянином»¹⁴.

Таким образом, Аксаков подчеркнул тот факт, что письменная историческая традиция в XIX в. оставалась недоступной для основной массы русского народа, как это было и в предшествующие столетия. Однако собиратели фольклора — исторических песен и былин — в то время, когда Аксаков писал свою речь, начали изучать особенности устных источников, в которых запечатлелась историческая память народа. Авторы трудов по истории Саратовского Поволжья, написанных в XIX в., довольно часто использовали предания, а иногда — песенный фольклор, что стало своеобразной традицией. В некоторых случаях это можно объяснить отсутствием возможности изучать письменные источники по ряду проблем.

Первый специальный труд по местной истории принадлежит А.Ф. Леопольдову¹⁵. Автор широко использовал народные предания для изложения событий, связанных с основанием Саратова, а также и более поздних периодов в истории региона. Повествуя о восстании под предводительством Степана Разина, Леопольдов пересказывает содержание преданий о нем. При этом его собственная оценка событий и личности знаменитого атамана вступает в противоречие с тем, что сохранила народная память. Свою позицию Леопольдов излагает следующим образом: «В особенности ужасом поволжской страны сделался донской казак Стенька Разин... Пространство от Симбирска до Каспийского моря по Волге и на суше было театром его злодеяний»¹⁶.

События восстания, описанные Леопольдовым на основании письменных источников, создают представление о жестоком предводителе «бунтовщиков и разбойников». Вместе с тем, автор сочинения считает необходимым донести до читателя черты его личности, сохраненные, как пишет Леопольдов, в предании: «Предание гласит о Разине, что он был от природы ума быстрого, со страстями необузданными и пылким воображением, отличался дородством тела и силою; дар слова имел увлекательный; был временем приветлив, но более страшен и

¹⁴ Аксаков К.С. О Карамзине... С. 643.

¹⁵ Леопольдов А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848.

¹⁶ Там же. С. 42.

неумолим»¹⁷. У Леопольдова представлен целый ряд эпизодов фольклорного происхождения, в которых сверхъестественные силы приходят на помощь атаману.

В результате у читателя в памяти остается грозный и романтический образ. Стремление историка использовать устные источники в данном случае вызывает своеобразный эффект — взгляд на события самого Леопольдова отходит на второй план. Можно сказать, что Леопольдов не смог оценить информационный и эмоциональный потенциал преданий, содержание которых он использовал, и которые успешно конкурируют с другими приведенными им сведениями, основанными на письменных источниках.

В изложении событий восстания под предводительством Пугачева у Леопольдова также преобладает устная традиция. Однако в данном случае авторская оценка событий не вступает в противоречие с приведенными им рассказами, поскольку он использовал предания, возникшие в среде местных чиновников и дворян. Сюжеты, связанные с восстанием Пугачева, которые сохранились в памяти народа, у Леопольдова не встречаются.

Н.И. Костомаров, который находился в Саратове в ссылке с июля 1848 г. по август 1856 г., активно занимался собиранием народных песен. Записанные тексты он использовал в монографии «Бунт Стеньки Разина»¹⁸. Костомаров хорошо понимал специфику фольклора, и потому был осторожен в интерпретации этого источника¹⁹. В монографии помещены тексты народных песен, которые автор использует в качестве дополнения при описании эпизодов восстания. В конце монографии он поместил ряд преданий, которые слышал в Нижнем Поволжье. В некоторых из них говорится о том, что Стенька Разин «жив до сих пор», и даже — что «он придет снова».

Фактический материал о событиях восстания изложен Костомаровым на основе опубликованных письменных источников. Однако при этом ясно видно сочувственное отношение Костомарова к положению простого народа в Московском государстве, которое и вызвало вспышки борьбы против социальной несправедливости. Поэтому содержание преданий и песен, сохранившихся в народной памяти, не вступает в противоречие с авторской позицией Костомарова.

¹⁷. *Леопольдов А.Ф.* Указ. соч. С. 47.

¹⁸ Впервые опубликовано в «Отечественных записках» (1858. № 11. С. 465—503; 1858. № 12. С. 531—586).

¹⁹ *Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. СПб., 1863. Т. 2. С. 201—380.

Влияние взглядов Костомарова заметно в творчестве Д.Л. Мордовцева, с которым он познакомился в Саратове. В.Г. Миронов писал, что вокруг Костомарова во время его пребывания в саратовской ссылке сформировался кружок демократически настроенной интеллигентной молодежи, лидером которого быстро стал Чернышевский, а после его отъезда — Мордовцев²⁰. Н.А. Варганова посвятила специальные статьи изучению взаимоотношений Мордовцева с Чернышевским²¹ и с Костомаровым²². Кроме того, она является автором монографии, посвященной саратовскому периоду жизни и творчества Мордовцева²³. Одним из главных положений в ее работах является утверждение о близости литературных, политических и научных взглядов Мордовцева и Костомарова.

Т.Е. Аникеев утверждает, что Мордовцев «пошел дальше Н.И. Костомарова» при анализе причин возникновения массовых бунтов и самозванства. «Вспышки неповиновения», которые первоначально выглядели как разрозненные и бессвязные эпизоды народных волнений», по его мнению, представлялись Мордовцеву «лишь вершиной айсберга», отдельными чертами «важного исторического явления — выражения русским народом своего свободолюбия»²⁴.

Большое значение для формирования тематики исторических сочинений Мордовцева имел тот факт, что Костомаров в период своего пребывания в Саратове собрал в Царицыне и Петровске документы, которые отражали обстановку в регионе в период восстания Пугачева и в последующие несколько лет. Документы были переданы им Мордовцеву, и он написал на основании этих материалов целый ряд работ²⁵.

В 1860-х гг. в журналах вышли первые статьи и очерки Мордовцева о разбойниках на Волге в XVIII в. и о самозванцах-предшественниках

²⁰ *Миронов В.Г.* К истории саратовского краеведения // Четыре века: Сб. статей, посвященных 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 36–37.

²¹ *Варганова Н.А.* Н.Г. Чернышевский и Д.Л. Мордовцев. (Из истории взаимоотношений) // Литературное краеведение Поволжья: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 19–31.

²² *Варганова Н.А.* Д.Л. Мордовцев и Н.И. Костомаров // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: Сборн. научн. трудов. Саратов, 1999. С. 238–246.

²³ *Варганова Н.А.* Д.Л. Мордовцев: Саратовские страницы биографии и творчества. Саратов, 2003.

²⁴ *Аникеев Т.Е.* «Русский бунт» в историко-художественной литературе XIX века // Преподавание истории в школе. 2009. № 5. С. 39.

²⁵ *Пинчук Ю.А.* Исторические взгляды Н.И. Костомарова (критический очерк). Киев, 1984. С. 50–51.

Пугачева: «Понизовая вольница» («Русское слово» 1860. Декабрь. С. 1–51.), «Атаман Брагин и разбойник Зубакин». («Русский вестник» 1862. Январь – февраль. С. 705–730). «Из доброго старого времени. Разбойничий атаман Беркут» («Всемирный труд» 1867. № 9. С. 119–168). Отдельными изданиями в Петербурге были опубликованы сборники его монографий и очерков «Самозванцы и понизовая вольница» (1867 г. в двух томах) и «Политические движения русского народа» (1871 г. также в двух томах).

В 1886 г. было опубликовано второе издание работ Мордовцева, посвященных восстанию Пугачева и разбоям, которые предшествовали восстанию и происходили позднее – «Самозванцы и понизовая вольница. Исторические монографии Д.Л. Мордовцева». Второй том данного издания «Понизовая вольница» объединяет 8 очерков (автор называет их и очерками, и статьями), в которых повествуется о действиях разбойничьих шаек в Нижнем Поволжье в период с 1770 до 1782 гг.²⁶. Все они написаны на основании документов Царицынской комендантской канцелярии, как видно из авторских примечаний и ремарок в текстах.

В некоторых из этих работ были использованы народные предания и произведения песенного фольклора. Мордовцев не только приводит сведения, почерпнутые из устных источников, у него имеются очень интересные замечания относительно их значения и характера. В статье, которая была впервые опубликована в 1867 г. под названием «Из доброго старого времени. Разбойничий атаман Беркут» и которая вошла в сборник его работ «Политические движения русского народа» под более кратким названием²⁷, Мордовцев сравнивает использованные им источники. Он пишет, что материал о разбойниках XVIII в. почерпнут, в основном, из сохранившихся документов, и при этом утверждает тезис о ценности устных источников, в которых запечатлена память народа: «Но архивные дела не могли в такой полноте нарисовать передо мной картину этой жизни, как она могла сохраниться в памяти народа, и я старался изучать это время в разговорах со стариками, которые дорожили воспоминаниями или того, что ими или лично пережито, или того, что они слышали когда-то от людей еще более старых»²⁸.

²⁶ [Мордовцев Д.Л.] Самозванцы и понизовая вольница. Исторические монографии Д.Л. Мордовцева. Изд. 2-е. СПб., 1886. Т. 2. Понизовая вольница.

²⁷ Мордовцев Д.Л. Разбойничий атаман Беркут // [Мордовцев Д.Л.] Политические движения русского народа. Исторические монографии Д. Мордовцева. СПб., 1871. Т. 2. С. 1–66.

²⁸ Мордовцев Д.Л. Разбойничий атаман Беркут... С. 4.

Особый интерес представляет его вывод об особенностях исторической памяти народа: «...Народная память, равнодушная к громким историческим именам, к славе преобразователей и великих администраторов, верно сохраняет другие имена, не занесенные на страницы истории. Народ почти ничего не помнит из прошедшего нашей родины, но хорошо знает все, что имело отношение непосредственно к нему и к его спокойствию: у него своя история и свои громкие имена»²⁹. Замечание подобного характера встречаем и в статье об атамане Заметаеве: «Народ, забывший Суворова, и теперь помнит Заметаева. В Поволжье рассказывают о нем довольно фантастические истории»³⁰. Эти высказывания Мордовцева близки по смыслу к суждениям Аксакова о том, что народ не знает сочинений Карамзина.

Мордовцев смог также проанализировать особенности фольклорных повествований о разбойниках. В статье «Разбойничий атаман Беркут» он пишет об особенностях преданий, которые бытовали в народной среде. В начале данной статьи он сообщает обстоятельства своего знакомства со стариком, путешествовавшим по святым местам, который поведал Мордовцеву историю шайки атамана Сивого Беркута. Рассказчик слышал ее в детстве от своего дальнего родственника слепого звонаря Василька. Слепой звонарь «сам в молодости гулял в понизовой вольнице, пока ему не выжгло порохом глаза от разрыва старого ружейного ствола»³¹. Мордовцев записал «более замечательные места» из того, что услышал от старика.

В статье, основанной на его рассказе, он сообщает свои наблюдения о характере услышанного им повествования и о том, как реальные события преобразуются в устной традиции: «Самый рассказ... носит на себе характер эпичности; в иных местах рассказ переходит в область фантастического, сказочного, что всегда бывает, когда какое-либо событие становится достоянием народной памяти. Лица, действительно существовавшие, окружаются такою обстановкою, в создании которой уже участвовала фантазия, которая воспроизводит картины и даже факты по традиционным эпическим формам». Мордовцев подкрепляет свои наблюдения указанием на предания, связанное с именем Стеньки Разина и добавляет: «Такими же эпическими орнаментами

²⁹ Мордовцев Д.Л. Атаман Дегтяренко // [Мордовцев Д.Л.] Самозванцы и понизовая вольница. Исторические монографии Д.Л. Мордовцева. Изд. 2-е. Спб., 1886. Т. 2. Понизовая вольница. С. 219.

³⁰ Мордовцев Д.Л. Атаман Заметаев // [Мордовцев Д.Л.] Самозванцы и понизовая вольница... С. 83.

³¹ Мордовцев Д.Л. Разбойничий атаман Беркут.... С. 6.

народная память обставила атамана Заметаева... Пугачев тоже, по народному рассказу, заговаривал царские пушки, которые не могли стрелять по нем»³². «Много полусказочного, полуправдивого», как пишет Мордовцев, рассказывают в народе про разбойника Быкова и про разбойника Гусева, «несколько раз бегавшего из Сибири и несколько лет тому назад ограбившего собор в Саратове»³³.

Песенный фольклор, связанный с именами разбойников, также привлекал внимание Мордовцева. О популярности подобных произведений он пишет: «Народ не знает гармонических стихов Пушкина и не сочувствует им, а между тем охотно разучил и поет, передавая по всему Поволжью, нескладную и нелепую песню, сочиненную ... разбойником Гусевым в саратовском остроге». Текст этой песни, созданной в традициях народного песенного творчества, Мордовцев поместил в конце одного из очерков³⁴. Кроме этой песни, он опубликовал в статьях о разбойниках и некоторые другие фольклорные произведения, посвященные «удалым молодцам» Поволжья.

Мы видим, что Мордовцев прекрасно понимал специфику фольклора. Для него содержание преданий и песен являлось источником не в смысле возможности выяснения исторических фактов. Он рассматривал памятники народного творчества с точки зрения понимания особенностей народной памяти. Ценность исторической памяти народа была очевидной для Мордовцева, который, по общему мнению исследователей, относится к историкам демократического направления.

Среди работ саратовских историков последних десятилетий XIX в., в которых были использованы материалы народных преданий, следует особо отметить монографии А.Н. Минха. Он продолжил традиции изучения культуры народов, населявших Саратовскую губернию, созданные местными исследователями в первой половине столетия. Одним из наиболее известных сочинений Минха до настоящего времени остается монография «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии», изданная в Петербурге в 1890 г., за которую он был удостоен серебряной медали Русского географического общества.

Собирать материалы для изучения истории, этнографии, экономики Саратовского Поволжья Минх начал в период проведения

³² Мордовцев Д.Л. Разбойничий атаман Беркут.... С. 8–9.

³³ Мордовцев Д.Л. Атаман Дегтяренко // [Мордовцев Д.Л.] Самозванцы и пониженная вольница... С. 192–223; 219.

³⁴ Там же. С. 220.

крестьянской реформы, когда он работал в качестве мирового посредника Аткарского уезда Саратовской губернии, а затем — мировым судьей в этом же уезде³⁵. С 1878 г. в губернских ведомостях, а затем и в других местных газетах появлялись статьи Минха по истории и археологии Саратовского края, описания статистического характера. В своих исследованиях Минх неизменно уделял большое внимание духовной культуре крестьянского населения, причем, не только русского, но и других национальностей. В названной выше монографии много места отведено памятникам устного народного творчества. Среди них — предания о разбойниках.

Минху удалось собрать очень большой комплекс сюжетов устного народного творчества, содержание которых связано с именами многочисленных разбойников, которые действовали на территории Нижнего Поволжья, и с поверьями о кладах. Помимо преданий, записанных им самим и его информаторами, Минх фиксировал все подобные сюжеты, которые встречались ему в сочинениях путешественников (начиная с Адама Олеария), были воспроизведены в исследованиях его современников, путеводителях и т. п. Этот материал был использован Минхом в монографии «Разбои и клады Низового Поволжья», опубликованной совсем недавно³⁶. Рукопись, на основании которой осуществлена публикация, датируется Ю.Г. Степановым 1892 г.³⁷ Об использованных им источниках Минх писал: «Вообще в Саратовской губернии, в особенности же по Волге существует масса преданий о разбойниках, которые в старину наполняли этот край. Разбойники, мары³⁸ и клады составляют характерную черту нашей губернии, почему приведу все, что мне известно, по народным рассказам и исследованиям, не опуская при том преданий и о других легендах об основании городов и селений»³⁹.

В данном сочинении Минха, действительно, можно найти интересные сведения о возникновении поселений на территории Нижнего Поволжья, которые были запечатлены в народной памяти. С одной стороны, Минх, подобно Костомарову и Мордовцеву, видел в произведениях фольклора своеобразное отражение определенных сторон исторической реальности, характерных для Саратовского края. В то же время он выделил еще один аспект народной памяти, считая

³⁵ Майорова А.С., Пиреев А.И. Предисловие // Минх А.Н. Записки о Крымской войне. Саратов, 2019. С. 6–7.

³⁶ Минх А.Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов, 2021.

³⁷ [Степанов Ю.Г.] Предисловие // Минх А.Н. Разбои и клады ... С. 16.

³⁸ Мары — курганы.

³⁹ Минх А.Н. Разбои и клады... С. 99.

возможным использовать предания для изучения истории создания населенных пунктов на территории Саратовской губернии. В монографии «Разбой и клады Низового Поволжья» Минх довольно часто приводит сведения об основании сел, слобод и деревень, почерпнутые из «рассказов старожилов» — о времени их возникновения и о первопоселенцах.

Настойчивое стремление Минха использовать информационный потенциал преданий для изучения заселения Саратовского Поволжья крестьянами-земледельцами мы видим в еще одной его монографии — «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края». Данная монография является первым шагом в изучении крестьянской колонизации в регионе. Начало работы над ней относится ко времени после 1882 г. Текст ее сохранился в рукописном варианте. Часть его была опубликована в 1885 г. в «Саратовских губернских ведомостях», о чем имеется помета в рукописи⁴⁰. В настоящее время в Саратове нет ни одного номера «Губернских ведомостей» за этот год. О содержании данной работы Минха мы можем судить только по рукописи. Создание этой монографии связано с тем, что в сочинениях саратовских историков с 80-х годов XIX в. проявляется особый интерес к вопросам распространения земледельческого населения в Нижнем Поволжье.

Специальные работы по данной проблеме появились в местной историографии после того, как С.М. Соловьев и его ученики стали рассматривать процессы расселения русского крестьянства в качестве изначальных и определяющих всю многовековую историю государства. Подробности колонизационного процесса в Поволжье изучал ученик Соловьева Г.И. Перетяткович. Ему принадлежат две монографии на данную тему: «Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации)», опубликованная в 1877 г., и «Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края)», опубликованная в 1882 г. В поисках материала для своего труда Перетяткович побывал в Саратове⁴¹. Историки, которые работали в Саратовской губернии, понимали значение вопроса о распространении крестьянского населения и земледельческого хозяйства для своего региона. Однако в качестве самостоятельной проблемы он был выделен в работах местных авторов после того, как они ознакомились с исследованиями Перетятковича.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 776. Л. 102.

⁴¹ [Перетяткович Г.И.] Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края). Исследование Г. Перетятковича. Одесса, 1882. С. 204.

Возникновение этой тематики открыло новые возможности использования устных источников. Они были реализованы А.Н. Минхом в монографии «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края». При отсутствии документов, из которых можно было бы узнать о времени и обстоятельствах возникновения населенных пунктов в Саратовской губернии, Минх обращался к устным источникам, которые иногда оказывались единственными данными по истории сел и деревень. Эти сведения, по замечанию Минха, «хотя и не давали совершенно точных данных, но, тем не менее, обусловят все-таки довольно верно время поселения деревни»⁴².

Ему принадлежат несколько работ по данной тематике, в которых он неоднократно использовал устные предания. Эти статьи были опубликованы в Трудах СУАК: «Замедведицкий край до р. Карамыша»⁴³, «Материалы для истории заселения Саратовского уезда»⁴⁴, «Исторический очерк начала заселения Саратовского уезда»⁴⁵. Сводный характер имеет его статья «Материалы для истории заселения Саратовского края»⁴⁶. При составлении «Историко-географического словаря Саратовской губернии», тома которого выходили с 1898 до 1902 гг., Минх занимался изучением, наряду с архивными материалами, местных легенд и преданий, сведения которых он проверял по письменным источникам. На данное обстоятельство справедливо указал А.Л. Клейтман, о чем уже говорилось выше.

Интерпретация устных источников, в которых запечатлена историческая память народа, может быть названа важной особенностью сочинений исследователей, которые посвящали свои труды изучению прошлого Саратовского Поволжья. Отчасти это можно объяснить отсутствием письменных источников, из которых можно было бы почерпнуть сведения о многих событиях, происходивших здесь на протяжении XVI—XVIII вв. В статьях и очерках Д.Л. Мордовцева был сформулирован подход к оценке особенностей народных преданий о разбойниках и о предводителях восстаний, которые потрясли всю Россию.

⁴² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 776. Л. 86 об.

⁴³ Минх А.Н. Замедведицкий край до р. Карамыша // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 3. С. 278—284.

⁴⁴ Минх А.Н. Материалы для истории заселения Саратовского уезда // Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. 2. Вып. 1 С. 26—38.

⁴⁵ Минх А.Н. Исторический очерк начала заселения Саратовского уезда // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 259—269.

⁴⁶ Минх А.Н. Материалы для истории заселения Саратовского края // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 270—292.

А.Н. Минх продолжил изучение произведений подобного характера, при этом он основывался на подходе Мордовцева. В то же время Минху удалось найти новый аспект в содержании устных источников, которые хранили историческую память народа. Он использовал свидетельства преданий для изучения процесса заселения Саратовского Поволжья крестьянством.

Для цитирования: *Майорова А.С.* Народная память и ее интерпретации в трудах саратовских историков XIX в. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 105-116.

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94(474)

ПРИБАЛТИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ХОЛОКОСТ

К.А. Зверев¹

Костромской государственный университет

e-mail: zwerew.kir@yandex.ru

Аннотация. Холокост для стран Балтии остаётся второстепенной и весьма формализованной темой местного исторического дискурса во многом из-за участия в истреблении еврейского населения местных коллаборационистов, позиционируемых ныне как патриотов и борцов за национальную независимость от Советского Союза, но не как исполнителей нацистских преступлений. Наименьшее внимание проблеме геноцида еврейского населения уделяется в современной Эстонии – это можно проследить по относительно немногочисленному количеству публикаций, музейных экспозиций, монументов и частоте упоминаний о данном событии, даже в сравнении с соседями по региону. Кроме того, эстонская еврейская община никогда не была многочисленной. В Латвии и особенно Литве, наоборот, еврейская община была активно представлена в общественном пространстве, что повлияло на более частое обращение к тематике Холокоста в местном историческом дискурсе.

Ключевые слова: Прибалтийские республики, Эстония, Латвия, Литва, политика памяти, историческая политика, Холокост.

BALTIC POLITICS OF MEMORY AND THE HOLOCAUST

K.A. Zverev

(Kostroma, Russia)

e-mail: zwerew.kir@yandex.ru

Annotation. Holocaust for the Baltic countries remains a secondary and very formalized topic of local historical discourse, largely due to the participation of local collaborators in the extermination of the Jewish population, who are now positioned as patriots and fighters for national independence from the Soviet Union, but not as perpetrators of Nazi crimes. The least attention is paid to the problem of the genocide of the Jewish population in modern Estonia - this can be seen in the relatively small number of publications, museum exhibitions, monuments and the frequency of references to this event, even in comparison with its neighbors in the region. Moreover, the Estonian Jewish community has never been large. In Latvia and especially Lithuania, on the contrary, the Jewish community was actively represented in the public space, which influenced the more frequent reference to the Holocaust in local historical discourse.

¹ Зверев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета.

Key words: Baltic republics, Estonia, Latvia, Lithuania, politics of memory, historical politics, Holocaust.

В Прибалтике значительно меньше внимания уделяется проблеме Холокоста в общественном дискурсе, нежели в Западной и Центральной Европе. На это указывает относительно немногочисленное количество научных, популярных публикаций, мемориальных комплексов, упоминаний о Холокосте в целом, и его течении в Эстонии, Латвии, Литве.

К 1941 г. наиболее крупная еврейская диаспора сложилась в Литве и насчитывала около 240 000 человек или 10% населения². В соседней Латвии проживало 90 000 евреев³. Наименьшее количество евреев в регионе было сосредоточено в Эстонии – около 4 500 человек (0,4% всего населения)⁴. Эстония же стала единственной страной из числа Прибалтийских республик, где большая часть еврейского населения успела эвакуироваться в глубь СССР⁵. В ходе немецкой оккупации было истреблено более 210 000 литовских евреев, что составляло до 95% местного еврейского населения⁶; 80 000 латвийских евреев (90%)⁷; 1 000 эстонских евреев (22%)⁸. К началу 1942 г. было официально объявлено об «окончательном решении еврейского вопроса» в Эстонии.⁹ Также на протяжении всего периода немецкой оккупации в концентрационные лагеря, размещённые на территории Эстонии, Латвии, Литвы свозились для уничтожения десятки тысяч евреев из других государств

² *Baumel J.T.* The Holocaust Encyclopedia / Ed. Walter Laqueur. Yale University Press, 2001. P. 260.

³ *Залманович М.* Катастрофа евреев Латвии (обзорная лекция) // *Баркаган М.* Уничтожение евреев Латвии 1941 - 1945: сборник. Рига, 2008.

⁴ *Maripuu M.* Eesti juutide ja eestlaste holokaust // *Vikerkaar*. aug.-sept. 2001. nr 8/9, lk 137-142.

⁵ Территория Эстонской ССР была полностью оккупирована немецкими войсками к концу августа 1941 г., а значит местное еврейское население имело больше времени на эвакуацию в глубь СССР, нежели в Литве и Латвии, большая часть территории которых была полностью захвачена на 3 и 14-й день войны соответственно.

⁶ *Gruber R.E.* National Geographic Jewish Heritage Travel: A Guide to Eastern Europe, National Geographic Traveler Series. National Geographic Books, 2007. P. 67.

⁷ *Press B.* The murder of the Jews in Latvia: 1941-1945 = Judenmord in Lettland, 1941-1945 (1992). Northwestern University Press, 2000. P. 37-40.

⁸ *Maripuu M.* Eesti juutide ja eestlaste holokaust // *Vikerkaar*. aug.-sept. 2001. nr 8/9, lk 137-142.

⁹ *Альтман И.А.* Уничтожение евреев в Прибалтике // Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР / Под ред. проф. А.Г. Асмолова. М., 2002. С. 163-169.

Европы. Из приведённых данных видим, что Холокост в Прибалтийских республиках имел место быть не в меньших масштабах, чем в других регионах оккупированной нацистами Восточной Европы.

Тем не менее, основным камнем преткновения в освещении событий Холокоста в странах Балтии остаётся роль местных коллаборационистов в массовом уничтожении евреев. Именно данный аспект, по нашему мнению, и является основной причиной меньшего внимания к указанной проблематике в Прибалтийских республиках. В историческом дискурсе официальных Таллина, Риги, Вильнюса местные коллаборационисты, позиционируются как «патриоты», борцы с советской властью. Эстонские¹⁰, латвийские¹¹ и литовские¹² исследователи оправдывают сотрудничество сограждан с немцами стремлением к восстановлению независимости, подчёркивая, что большинство прибалтов не были нацистами, а вступили в ряды вермахта в 1944 г., когда уже был очевиден проигрыш Германии в войне.

Однако, данным утверждениям противоречат результаты расследования учреждённой в 1998 г. Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности (эст. *Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Rahvusvaheline Komisjon*), которые документально подтверждают участие местных коллаборационистов в расправах над еврейским населением, советскими военнопленными как на территории самой Эстонии, так и за её пределами (в Литве, Польше, Белоруссии) в период с 1942 по 1944 гг.¹³ Вместе с тем, современными эстонскими авторами отрицается

¹⁰ Адамсон А. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М., 2009. С. 182.

¹¹ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиешиня; [пер. с латышского]. Рига, 2000.; *Butulis I., Zunda A. History of Latvia*. Riga, 2015.

¹² *Kiaupa Z. The History of Lithuania*. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. ; *Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / Edited by Gediminas Vitkus*. Vilnius, 2014.

¹³ Международная комиссия Эстонии по расследованию преступлений против человечности. Рапорты Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности: оккупация Эстонии Советским Союзом, 1940 - 1941, оккупация Эстонии Германией, 1941 - 1944 / М-во образования и науки, Эстонский фонд исследований преступлений против человечности. Тарту, 2005. С. 23–25.

наличие массового антисемитизма в республике, а участие эстонцев в геноциде евреев объясняется мстостью за советские репрессии и «общим ожесточением» в условиях войны¹⁴. Латвийские коллаборационисты из числа местных националистов также приняли активное участие в еврейских погромах, убийствах и грабежах с первых дней немецкой оккупации¹⁵. Особую жестокость проявляли члены военизированной организации «Команда Арайса» из числа этнических латышей, созданной в июле 1941 г. и подчинённой СД. В Литве массовые расправы над евреями начались ещё до прибытия немецких войск, в первые часы войны, и осуществлялись местными активистами LAF (лит. Lietuvos Aktyvistų Frontas, LAF)¹⁶, которые захватили Вильнюс и Каунас до подхода немецких сил¹⁷. Очевидно, что местные коллаборационисты принимали непосредственное участие в Холокосте не только в своих республиках, но и на сопредельной территории РСФСР, Белорусии, Польши на протяжении всего периода немецкой оккупации. Данные факты безусловно являются «неудобной правдой» для прибалтийских идеологов политики памяти, позиционирующих сотрудничавших с немцами сограждан как патриотов, боровшихся за национальную независимость от СССР в «немецких мундирах».

Данное противоречие – участие «коллаборационистов-патриотов» в нацистских преступлениях, было решено весьма своеобразным образом в местном историческом дискурсе. Если обратиться к аргументации эстонских, латвийских, литовских историков, то участие коллаборационистов в Холокосте либо отрицается (несмотря на обозначенные выше факты), либо приуменьшается, либо объясняется мстостью пострадавших от Советской власти, либо и вовсе неким эфемерным предубеждением об ответственности евреев за «советскую

¹⁴ *Maripuu M. Eesti juutide ja eestlaste holokaust // Vikerkaar. aug.-sept. 2001. nr 8/9, lk 137–142.; Weiss-Wendt A. Murder without Hatred. Estonians and the Holocaust. Syracuse, 2009.*

¹⁵ *Angrick A. Klein P. The Final Solution in Riga: Exploitation and Annihilation, 1941 - 1944. New York, 2009.*

¹⁶ Ещё в ноябре 1940 г. с подачи нацистской Германии была создана праворадикальная организация – Фронт литовских активистов (лит. Lietuvos Aktyvistų Frontas, LAF), имевшая целью в случае начала боевых действий между Третьим Рейхом и СССР обеспечить быстрый проход вермахта через территорию Литвы путём восстания в тылу отступающих советских войск.

¹⁷ *Дюков А.Р. Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940 - 1941 гг. Сборник документов. М., 2012. С. 1–27.*

аннексию»¹⁸. Самым распространённым аргументом является отрицание – в качестве примера здесь можно привести интервью, данное президентом Эстонии в 2001 – 2006 гг. Арнольдом Рюйтелем газете «Аргументы и Факты» в ознаменование шестидесятилетия победы в Великой Отечественной войне. Так, на вопрос корреспондента о причастности эстонцев к Холокосту Рюйтель ответил: «Я не располагаю данными, что эстонцы участвовали в расстрелах евреев, и что они вообще совершали такие дела в Эстонии. <...> Могу сказать с полной уверенностью – участие эстонцев в расстрелах еврейского населения исключается»¹⁹.

Однако факты говорят об обратном: местные пособники нацистов принимали непосредственное участие в Холокосте. Данное сотрудничество, по нашему мнению, можно объяснить некоторыми предпосылками политического и социально-экономического характера, имевшимися в странах региона. К первой категории следует отнести влияние местных авторитарных режимов, сложившихся 1926 – 1934 гг., когда демократические институты в Эстонии, Латвии, Литве были ликвидированы, парламенты распущены, а у власти утвердились авторитарные режимы, культивирующие идею построения мононациональных государств с превалированием титульного населения во всех сферах общественной жизни – разумеется любое инородческое население (еврейское в том числе) в данную концепцию государственного строительства не вписывалось (хотя прямые проявления антисемитизма в регионе до начала Второй мировой войны отсутствовали). Вторая категория – в виде социально-экономических предпосылок, более характерна для Латвии и особенно Литвы, где имелась весьма многочисленная еврейская община. Еврейские предприниматели доминировали в секторах среднего и малого бизнеса Литвы и Латвии, были главными конкурентами немногочисленных литовских и латвийских предпринимателей, что также способствовало росту межнациональной напряжённости и антиеврейских настроений²⁰. При этом, в местной научной и учебной литературе

¹⁸ *Vaïc-Vendt A.* Почему Холокост ничего не значит для эстонцев // *Journal of Baltic Studies* Vol. 39, № 4, December 2008, P. 475.; *MacQueen M.* Lithuanian Collaboration in the «Final Solution»: Motivations and Case Studies // *Lithuania and the Jews. The Holocaust Chapter.* United States Holocaust Memorial Museum, 2004. P. 1.

¹⁹ Цит. по: *Зотов Г.* Президент Эстонии Арнольд Рюйтель. Разве мы восхваляем нацизм? // *Аргументы и факты.* № 12 (1273) от 23 марта 2005 г.

²⁰ *Шишко И.* Историк Виткус: для современных литовцев Холокост – чужая история // Аналитический портал *RuBaltic.Ru* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/istorik-vitkus-dlya-sovremennykh-litovtsev-kholokost-chuzhaya-istoriya3072013/> (дата обращения: 19.03.2024).

наличие каких-либо предпосылок для Холокоста в Прибалтийских республиках отрицается, либо связывается с советской репрессивной политикой, ставшей, якобы фактором роста антиеврейских настроений.

Не афишируется факт Холокоста и в местных музейных экспозициях, посвящённых событиям периода Второй мировой войны и немецкой оккупации, где на первый план выводятся информация и данные о советских репрессиях – расстрелах, бомбардировках, национализации имущества. В экспозиции музея «Красного террора» в «Батарейной тюрьме» Таллина представлена исчерпывающая информация об использовании тюрьмы органами НКВД, но практически нет информации о массовых расстрелах еврейского населения в период немецкой оккупации. Так же, как и экспозиция Музея оккупации Латвии в Риге лишь вскользь упоминает о Холокосте, отводя первостепенное внимание советской репрессивной политике и замалчивая участие местных коллаборационистов в преступлениях военного времени и т.д. За редким исключением, практически не обновляются мемориальные комплексы на месте нацистских концлагерей, возведённые в период существования СССР. С 1990-х гг. при активном участии местных еврейских общин было воздвигнуто лишь несколько памятных знаков, отсылающих к Холокосту. При этом, у каждой из стран Балтии своя мемориальная дата памяти жертв Холокоста. В Латвии это 4 июля – день, который в 1941 г. ознаменовался сожжением хоральной синагоги в Риге, в Литве – 23 сентября, когда в 1943 г. началась ликвидация Вильнюсского гетто. В Эстонии память погибших евреев чтут 27 января – в Международный день памяти жертв Холокоста.

Однако, не смотря на схожесть прибалтийской политики памяти, следует отметить различия в отношении к Холокосту. Так, по нашему мнению, наименьшее внимание проблеме геноцида еврейского населения уделяется в современной Эстонии – это можно проследить по относительно немногочисленному количеству публикаций, музейных экспозиций, монументов и частоте упоминаний о данном событии, даже в сравнении с соседями по региону. Кроме того, эстонская еврейская община никогда не была многочисленной. В Латвии и особенно Литве, наоборот, еврейская община была активно представлена в общественном пространстве, что повлияло на более частое обращение к тематике Холокоста в местном историческом дискурсе. В частности, первым Еврейским музеем, открывшемся на постсоветском пространстве, был музей в Вильнюсе, в 1991 г. в Понарах

(место массовых расстрелов вильнюсских евреев) был установлен один из первых мемориалов погибшим в Холокосте. Также необходимо отметить, что, за исключением периода немецкой оккупации 1941 – 1944 гг., в странах Балтии нами не были обнаружены какие-либо свидетельства популярности антисемитских идей ни до Второй мировой войны, ни позднее. Хотя националистический уклон республик межвоенного периода и авторитарные режимы Антанаса Сметоны, Карлиса Улманиса и Константина Пятса безусловно способствовали росту недоверия к представителям нетитульных народностей, в том числе и евреев, став «благодатной почвой» для антисемитской нацистской пропаганды.

Тем не менее, пристальное внимание мирового сообщества к проблеме Холокоста не позволяет игнорировать данную проблему, и по мере усиления процессов евроатлантической интеграции с конца 1990-х – 2000-х гг. тематика геноцида еврейского населения в период Второй мировой войны всё чаще является предметом исследования и прибалтийских авторов, хотя и остаётся по обозначенным выше причинам второстепенной и весьма формализованной темой местного исторического дискурса.

Для цитирования: *Зверев К.А.* Прибалтийская политика памяти и Холокост // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 117-123.

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

УДК 94(410) | 1877/1878 |

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 -1 878 ГГ. В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. ВЕРЕЩАГИНА: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

О.В. Кочукова¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме визуальной репрезентации исторических процессов. На примере «Балканского цикла» в произведениях живописи В.В. Верещагина выявляются особенности историко-культурного контекста Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., определившие становление и последовавшую трансформацию концепции «освободительной войны». Автор прослеживает развитие концепции «освободительной войны» в рамках дискурса народной войны и жертвенного дискурса русской культуры и формирование антивоенного дискурса в творчестве В.В. Верещагина.*

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877-1878 гг., визуальные исторические источники, изобразительное искусство, историко-культурный контекст, освободительная война, народная война, жертвенный дискурс русской культуры, антивоенный дискурс, В.В. Верещагин.

VISUAL REPRESENTATION OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877-1878 IN THE WORKS OF V.V. VERESHCHAGIN: FEATURES OF THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

O.V. Kochukova

(Saratov, Russia)
e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Annotation. *The article is devoted to the problem of visual representation of historical processes. Using the example of the «Balkan cycle» in the paintings of V.V. Vereshchagin, the features of the historical and cultural context of the Russian-Turkish War of 1877-1878 are revealed, which determined the formation and subsequent transformation of the concept of the «liberation war». The author traces the development of the concept of the «liberation war» within the discourse of the*

¹ Кочукова Ольга Викторовна, к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

people's war and the sacrificial discourse of Russian culture and the formation of anti-war discourse in the works of V.V. Vereshchagin.

Key words: Russian-Turkish War of 1877-1878, visual historical sources, fine arts, historical and cultural context, liberation war, people's war, sacrificial discourse of Russian culture, anti-war discourse, V.V. Vereshchagin.

Особенный трагизм и внутреннюю напряженность исторического момента Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. составлял тот факт, что в публичном пространстве ее понимания в России столкнулись принципиально различные дискурсы. Прославляющей линии освободительной войны, основанной на историческом бескорыстии и героизме самопожертвования, противостоял принципиально новый, антивоенный дискурс. В изобразительном искусстве это противостояние связано, прежде всего, с именем В.В. Верещагина.

События на Балканах стали творческой темой целого ряда выдающихся русских художников. Войну за освобождение славян очень многие художники восприняли не по рассказам очевидцев и газетным сообщениям, они и сами были ее участниками. В действующей армии в период Русско-турецкой войны (в качестве военных корреспондентов и художников при штабах) находились В.В. Верещагин, Н.Н. Каразин, П.О. Ковалевский, Н.Д. Дмитриев-Оренбургский, В.Д. Поленов, П.П. Соколов, Е.К. Макаров, А.П. Боголюбов и др.

Знаменитый русский журналист и писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, автор многочисленных корреспонденций о Русско-турецкой войне, посвятил военному периоду творчества В.В. Верещагина отдельный очерк «Художник на боевом поле». В этом очерке содержится мысль о необходимости сохранения исторической памяти о подвиге художников-корреспондентов, проявивших не менее мужества и стойкости, чем прославленные генералы, солдаты и офицеры. В.И. Немирович-Данченко писал об особом типе представителей творческой интеллигенции – «художниках-мыслителях», которые внесли особый вклад в формирование общественного мнения и культурного облика современников. «Художникам-мыслителям», оказавшимся в военной среде, встретившим лицом к лицу сложнейшие испытания военного времени, по его мнению, было нужно дальше больше мужества, чем героям-воинам. В минуту боя «гораздо труднее широко раскрыть глаза, чтобы не упустить из виду ни малейшей детали, остаться среди общего бешенства спокойным, чтобы в твоей душе, как в камере-обскуре фотографа, отпечатлелись все перипетии отчаянной бойни». «Художники-мыслители», писал В.И. Немирович-Данченко, «рисуют

войну такую, какую она есть, срывая с нее поэтические покровы», в разгар сражений «присматриваются и вдумываются в явления, проходящие мимо, изучают типы времени, зловеще освещаемого заревами пожаров и перебегающими извивами боевого огня», а впоследствии – «с знаменательными и полными высокой правды уроками являются тогда, когда пороховой дым рассеется в воздухе, когда громкая боевая легенда допоет свою последнюю строфу...»²

Визуальные «версии» Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., запечатленные в творческом наследии русских художников, разнообразны и сложны по своей внутренней структуре, поскольку они явились важной составной частью культурного пространства, в котором рождалась и трансформировалась концепция освободительной войны России «за братьев-славян».

В культурной репрезентации Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. неразделимо соединились два дискурса общественного сознания в России – дискурс народной войны и жертвенный дискурс. В российской истории XIX столетия три главные войны определили траекторию эволюции общественного сознания как в отношении осмысления феномена войны как таковой, так и в формировании исторической памяти о крупных военных противостояниях в качестве «точки сборки» национального самосознания. В современной исторической науке представлены интересные опыты изучения мифологем и интеллектуальных концепций войн XIX в. Прежде всего, это имеющая длительную традицию изучения концепция Отечественной войны 1812 г. как «народной войны» (в том числе, в ее значительно различавшихся либеральной и консервативной версиях, как это хорошо показано в новой монографии В.С. Парсамова³). В исторической памяти война 1812 г. стала победоносной войной нации, в которой она обрела отправной исторический момент своего самосознания. В отношении Крымской войны 1853-1856 гг. основное значение имел факт поражения, сопряженный в то же время с героическим подъемом армии и общества, актуализировавшим историческую память о войне 1812 г. Мысль о возможности победы над врагом не военно-тактической, а нравственной укрепила историческую параллель «Бородино-Севастополь»; получила развитие тема народной войны и народного героизма, окрашенного, правда, более в

² *Немирович-Данченко В.И. Художник на боевом поле // Немирович-Данченко В.И. По ветру (Путевые очерки и рассказы). Изд. 3-е. СПб., 1903. С. 214-215.*

³ *Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. М., 2020.*

трагический тон (жертвенный героизм). В конечном счете, переживание военного поражения внесло существенную коррективу в дальнейшую историческую траекторию концепции народной войны, породив основу для «жертвенного дискурса» в осмыслении феномена народной войны. Так, в исследовании М.С. Федотовой, посвященном отражению Севастопольской обороны в культурной памяти Российской империи, сделаны интересные наблюдения о том, как тема героического исполнения долга и трагической обреченности обусловила присоединение евангельского текста о жертве Христа, наличие в культурных откликах на войну отсылок к пасхальным сюжетам и др.⁴

Русско-турецкой, третьей из крупнейшей войн Российской империи в XIX в., посвящено немало исследований, тем не менее, интеллектуальный контекст этой войны изучен все еще недостаточно. Между тем, именно Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. принадлежит особое место в изменении общественных представлений о войне как таковой и об исторической роли России в международных военных конфликтах. Прежде всего, новой была концепция освободительной войны. Эта концепция, с одной стороны, продолжала традицию памяти о народных, отечественных войнах⁵, но с другой стороны, присоединяла новый исторический смысл в базовом целеполагании участия России в военных противостояниях великих держав.

Освободительная русско-турецкая война 1877-1878 гг. имела своей целью не собственное национальное спасение и величие, не защиту от узурпатора и претендента на мировую гегемонию (освободительный смысл войны 1812 г. и особенно заграничных походов 1813-1814 гг. в отношении европейских народов, ставших жертвой агрессии Наполеона) и не восстановление попорченной исторической справедливости в пределах церковной традиции (религиозный конфликт церковью как предпосылка Крымской войны). В идеологическом, интеллектуальном смысловом пространстве национального самосознания война была направлена не на устранение каких-либо возникших препятствий к собственному национальному росту. Единственная цель войны, заявленная в политической сфере и обсуждаемая в сфере культурной, была связана с национальным освобождением балканских народов

⁴ Федотова М.С. Миф о Севастопольской обороне 1854-1855 гг. в культурной памяти Российской империи. СПб., 2022.

⁵ См.: Мельникова Л.В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 г. М., 2002; она же. Русская Православная Церковь и Крымская война, 1853-1856 гг. М., 2012; она же. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 2020.

(православных и славянских, то есть родственных России в этноконфессиональном отношении). Принципиально новым элементом концепции освободительной войны, войны «за други своя», стало историческое бескорыстие, предполагавшее отсутствие расчетов в отношении последующих приобретений непосредственно для самой России. И в данном отношении характерной стала трансформация сущности понятий, полученных в качестве исторического наследия Отечественной 1812 г. и Крымской войн (народная война и народный героизм самопожертвования во имя долга). Центральной темой в культурном отражении новой войны должно было стать изображение подвига и трагизма добровольной жертвы русского народа и русского образованного общества.

Особую специфику конкретной военно-политической ситуации составляло то, что это была первая война, в которой принимали участие вооруженные силы, сформированные в ходе мобилизации в рамках всеобщей воинской повинности. Соответственно, как справедливо отмечает современный исследователь А.А. Тесля, в публичном пространстве и в художественной литературе появился новый феномен – «воюющий народ», а сами события войны теперь воспринимались не в качестве относящихся прежде всего к солдатам и офицерам как людям особой социальной группы, а как реальность, непосредственно «принадлежавшая» всей читающей публике⁶.

Отличительной чертой Русско-турецкой войны стала особая масштабность ее репрезентации в публичном пространстве русского общества. Представители «от общества», «от интеллигенции» не только активно включились в организацию пропаганды ценностей и целей войны в прессе и в культуре, в проведение благотворительных акций в пользу балканского населения и на нужды армии в период войны, но непосредственно принимали участие в военных действиях в качестве добровольцев, вольноопределяющихся, военных корреспондентов, сестер милосердия.

В формировании общественных представлений об освободительной миссии России по отношению к православному славянскому населению Балкан особое место принадлежало изобразительному искусству. Именно искусству было под силу передать настроення современников, выделить в нем самые глубокие мотивы и

⁶ Тесля А.А. Риторика и логика репрезентации Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в российском публичном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 4. С. 67.

зафиксировать в обобщающих образах. Образ славян был представлен в одно и то же время как пассивно-страдательный (гонимые, беззащитные, нуждающиеся в помощи России) и активно-героический (отчаянно и самоотверженно сражающиеся за свободу и веру). В изобразительном искусстве эпохи пассивно-страдательная характеристика славян нашла отражение в гендерных образах «балканских мучениц» («Балканская мученица» М. Микешина, «Болгарские мученицы» К. Маковского), а активно-героическая характеристика – в образах мстителей (гравюра «Мститель» в журнале «Нива» с картины Дока Миловановича, «Дети-мстители» Н.Н. Каразина, «Герцеговинка в засаде» В.Д. Поленова).

Для абсолютного большинства представителей русского общества основным побудительным мотивом, питавшим освободительный настрой и готовность к военным подвигам, было возмущение «турецкими зверствами» – массовыми репрессиями и карательными акциями в отношении славянского населения территорий Османской империи, охваченных повстанческим движением. В период восстания в Герцеговине (1875 г.) и в Болгарии (1876 г.) страницы российской прессы были переполнены яркими и возмущающими сознание образами сожженных городов и сел, бегущего от репрессий населения, жестоких казней героев славянской борьбы за свободу, немыслимого насилия в отношении беззащитных детей, женщин, стариков. Описывались варварские виды казни (сажание на кол, сжигание заживо), изображались набеги нерегулярных военных отрядов (башибузуков и черкесов) на населенные пункты в Герцеговине и Болгарии, акции насилия в отношении священников, женщин и детей. Сообщения газет были основаны на многочисленных свидетельствах очевидцев событий.

Первый мотив отъезда на войну и переориентации на военные сюжеты творческих исканий – это гражданская позиция художника, его патриотический отклик на глубоко волновавший все российское общество призыв о помощи братьям-славянам. Как и большинство представителей русского образованного общества, художники считали главной целью войны освобождение славянских народов. Этот взгляд предполагал, что Россия осуществляла на Балканах свою историческую миссию и ее цели и задачи абсолютно бескорыстны. Следует отметить, что многие деятели общественного движения и культуры подчеркивали ту мысль, что в основе гражданского чувства, подвигавшего русских людей отправиться на войну, лежало даже не столько сочувствие той или иной идеологии, построенной

вокруг религиозной либо национальной идеи славянского единства, сколько стремление к защите угнетенных, поработанных людей, права которых грубо попираются и жизнь которых подвержена опасности. Такого рода рассуждение встречаем, например, в дневнике В.Д. Поленова, писавшего о «дерзости подняться не только словом, но и делом на защиту братьев, угнетенных дикой азиатской ордой», о «голосе, зовущем на действительную помощь людям, изнывающим в неволе, позоре и страданиях»⁷.

Художников, принявших участие в создании визуального нарратива Русско-турецкой войны, кроме общности идейной и эстетической мотивации обращения к ее событиям как творческой теме, объединяли и некоторые общие социальные аспекты в их биографиях. Само по себе участие художников в организации репрезентации исторических событий было уже не ново. К тому же в имперский период истории России был накоплен немалый опыт привлечения художников к различным сторонам государственно-политической деятельности, в том числе и в военной сфере. Они присутствовали в составе дипломатических миссий, научных и военных экспедиций и были заняты их визуальным документированием, принимали участие в картографической работе, графически фиксировали маршруты передвижения, зарисовывали виды местности, пейзажи, типы местного населения, создавали портреты участников экспедиций и походов и зарисовки событий. Поэтому репортажная графика войны 1877-1878 гг. продолжала традиции художественных репортажей предыдущего времени⁸.

Многие художники, ставшие непосредственными участниками Русско-турецкой войны и создавшие ее визуальный нарратив, имели прямое отношение к военной службе и имели опыт художественного репортажа военных и дипломатических экспедиций. Так, Е.К. Макаров был причислен к свите великого князя Николая Николаевича во время его дипломатической миссии на Ближний Восток в 1872 г., А.П. Боголюбов был художником Главного морского штаба и выполнял императорские заказы на создание этюдов морских сражений Крымской войны, кадровым военным был Н.Н. Каразин,

⁷ Из дневника Поленова // *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М.; Л., 1950. С. 119-120.

⁸ См.: *Воробьев Б.В., Швец Э.Г.* Художественные репортажи и визуальный нарратив научных и военных экспедиций. М., 2001; *Белгородский В.С., Котовская М.Г., Швец Э.Г.* Социология повседневности: Русско-турецкая война 1877-1878 гг. глазами художников // *Вестник славянских культур.* 2022. Т. 65. С. 279-296.

принимавший вместе с В.В. Верещагиным участие в военных действиях генерала М.Г. Черняева в Средней Азии и т.д.

Участие художников в визуализации такого исторического события как освободительная война России на Балканах было продолжением традиции и опыта художественных репортажей. Большую роль сыграла заинтересованность в создании визуального нарратива войны со стороны лиц императорской фамилии. На театр военных действий отправился император Александр II, в его свите были военные чины, адъютанты, но с самого начала предполагалось и широкое освещение в публичном пространстве императорского присутствия в армии, что объясняло внимание к представителям творческой интеллигенции. Художники были представлены при штабе главнокомандующего Дунайской армии великого князя Николая Николаевича и при штабе командующего Руцукского (Восточного) отряда наследника престола цесаревича Александра Александровича.

В то же время именно исторический контекст Русско-турецкой войны создал новую социальную сферу деятельности художников. Впервые открывшееся им поприще службы Отечеству и служения искусству было связано со статусом художника-корреспондента и художника при штабах действующей армии.

Историческим событием стало официальное создание в России корпуса военных корреспондентов, а художники сразу же заняли в нем почетное место, обеспечив визуальную убедительность информационного освещения военно-дипломатических событий в российской прессе. В начале мая 1877 г. среди корреспондентов были уже пять художников, но на тот момент это были один француз, один немец, два англичанина и только один русский (В.В. Верещагин). Уже 16 мая в числе 23-х корреспондентов русских и иностранных изданий упоминались русские художники Н.Н. Каразин и М.П. Федоров, а в июне 1877 г. в числе художников-корреспондентов значились, кроме них, П. Соколов, М. Малышев, П.О. Ковалевский, В.Д. Поленов⁹. Произведения репортажной графики печатались в российских иллюстрированных еженедельниках «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Иллюстрированная хроника войны», «Живописное обозрение», «Пчела» и др. По сведениям Н.В. Максимова, среди иностранных корреспондентов (самыми известными из которых были А. Форбс и Я. Мак-Гахан), присутствовали английские художники Вильерс и Гейль, работавшие для журналов «The Graphic»

⁹ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877-1878 гг. СПб., 1908. С. 22.

и «Illustrated London News», француз Д. де Лонле, сотрудничавший с «Le Monde Illustré»¹⁰, в русскую армию прибыл и испанский художник Хосе Луис Пеллисер (испанский иллюстрированный журнал «La Ilustracion Española y Americana»).

Художники-корреспонденты выступали в роли настоящих «солдат информационной войны», принимая при этом самое непосредственное участие в походах и сражениях русской армии, проявляя истинный героизм и гражданское мужество. Об этом хорошо рассказано в мемуарных очерках В.В. Верещагина. Он писал о том, что художники никогда не упускали возможности запечатлеть для современников и потомков то, что они видели на войне своими глазами, и потому, когда под рукой не оказывалось полотен и красок, карандашей и бумаги, приходилось писать этюды даже на дощечках сигарного ящика¹¹. Большое впечатление производит рассказ Верещагина о его первом приезде на Шипку, когда он делал зарисовки прямо под огнем неприятеля: «Я рисовал эту батарею, но огонь был так силен, что, каюсь, я поминутно кивал и отклонялся головою от свистевших пуль, гранат, а временем и бомб, летавших с турецких батарей из-за горы»¹².

В.В. Верещагин имел большой опыт участия в военных походах русской армии в качестве картографа и художника¹³. Он окончил Императорскую Академию художеств, служил в отделе картографии Военного министерства, участвовал в военных действиях в Средней Азии во второй половине 1860-х гг., где и познакомился с будущим прославленным полководцем Русско-турецкой войны М.Д. Скобелевым. В самом начале войны Верещагин был направлен в действующую армию, штаб главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича, был первым среди русских художников принят в официальный состав корпуса русских военных корреспондентов, что и отметил в своем дневнике заведующий корреспондентами М.А. Газенкамф. Но Верещагин всегда стремился быть ближе к местам боевых действий, и потому практически сразу же присоединился к дивизии генерала М.Д. Скобелева.

Верещагин писал: «Я захотел видеть большую войну и представить ее потом на полотне не такую, какую она по традиции

¹⁰ Максимов Н.В. За Дунаем // Отечественные записки. 1878. № 5. С. 175-176.

¹¹ Верещагин В.В. На войне в Азии и в Европе: Туркестанская кампания, китайская граница, русско-турецкая война. М., 2016. С. 175.

¹² Там же. С. 184.

¹³ См.: Белгородский В.С., Котовская М.Г., Швеиц Э.Г. Указ. соч. С. 283-284.

представляется, а такую, какая она есть в действительности... Выполнить цель, которую я задался, а именно дать обществу картины настоящей, неподдельной войны, нельзя, глядя на сражения из прекрасного далека, а нужно самому все прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытать голод, холод, болезнь, раны. Нужно не бояться жертвовать своею кровью, своим мясом – иначе картины мои будут "не то"¹⁴.

В начале июля 1877 г. Верещагин принял участие в боевых действиях на Дунае: он находился на миноносной лодке «Шутка», совершившей атаку на турецкий монитор, получил тяжелое ранение, а после излечения в госпитале вновь прибыл в отряд генерала М.Д. Скобелева и был участником третьего штурма Плевны. В дальнейшем художник участвовал в зимнем переходе через Балканы, в боях за Шейново. Таким образом, Верещагин разделил весь боевой путь русской армии на Балканах. Сделанные в период войны записи были положены в основу созданных впоследствии мемуарных произведений «Воспоминания о Русско-турецкой войне», «На войне в Азии и Европе», кроме того он создал и литературно-художественное произведение, посвященное судьбе военного корреспондента (повесть «Литератор», 1894). Познакомившийся с мемуарными текстами Верещагина Л.Н. Толстой дал им высокую оценку, высказал пожелание, чтобы они были напечатаны, а самого Верещагина счел «художественным историком войны», причем таким, «какого еще не было»¹⁵.

Творчество Верещагина выделяется из всего содержания визуального нарратива Русско-турецкой войны. Прежде всего, несмотря на полученный статус художника-корреспондента, он во время войны был ее непосредственным участником, внимательно наблюдал и фиксировал свое видение войны в записях, зарисовках и этюдах, но не включился в общий процесс тиражирования графических материалов репортажного характера в прессе. Он не спешил с обнародованием своего взгляда на войну, считая необходимым иметь определенное время на обдуманное его представление в целой серии картин.

¹⁴ Цит. по: Лебедев А.К. Верещагин. М., 1953. С. 9.

¹⁵ См.: Муминова Е.М. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в живописи и литературном творчестве В.В. Верещагина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 88.

«Балканская серия» была создана непосредственно по горячим следам событий и представлена на суд общества в тот момент, когда историческая память о минувшей войне находилась в начальной стадии формирования (и этот момент был избран очень точно), но эмоциональный фон восприятия войны уже оставил в прошлом первоначальную стадию воодушевления, общественного энтузиазма и находился на стадии обостренной реакции на горечь потерь и разочарование в итогах войны, не во всем оправдавших ожидания и надежды. В определенном смысле русское общество проявляло большую степень энтузиазма в ожидании войны и при подготовке к ней, чем в период тяжелых военных событий. Война оказалась не такой простой, как проповедовал лидер Московского славянского благотворительного комитета И.С. Аксаков, и не такой молниеносной, как предполагал в своем плане генерал-лейтенант Н.Н. Обручев. Русское общество ждало быстрых побед, что было совершенно нереалистично. Кроме того, любая война стоит жертв, в Россию хлынула масса раненых. В обществе возникало разочарование, зрело недовольство. Пафос критики стал переноситься на внутренние стороны общественного устройства, недостатки в организации жизни армии и тыла и т.п.

«Отраженная реальность» войны 1877-1878 гг. в общественном мнении была достаточно парадоксальной: сам масштаб общественного интереса к вызвавшему ее международно-политическому и культурно-идеологическому контексту находился на своем «пике» в преддверии войны, он был уже значительно снижен после неудачного окончания Сербо-турецкой войны 1876 г., сменился временным подъемом весной-летом 1877 г., а затем стала нарастать волна потери интереса, разочарования и роста критических настроений, причем победоносное завершение войны не изменило этой парадоксальной логики, но только внесло некоторую новую специфику в общий процесс. Неоправданные завышенные ожидания в отношении хода войны, ее последствий и итогов сменились столь же неоправданным разочарованием. Возможно, это было связано с тем, что проблема прагматических интересов России на Балканах в общественном мнении осталась непроработанной. Война не стала моментом национального единства, напротив, она сыграла свою роль в эскалации общественно-политических дискуссий современников и усилении противостояния власти и общества. Реальность разбивала славянофильскую мифологию «единого славянства», готового объединиться под эгидой России и выявляла масштаб разногласий среди

«братушек», наряду с неожиданным для русского общества «инструментальным» и ситуационным отношением политиков молодых балканских государств к стране-освободительнице. Русское общество оказалось неготовым к принятию неизбежной цены победы, связанной с жертвами войны.

Предметом острой критики стали военные неудачи, ошибки командования, вскрывшиеся факты злоупотреблений в интендантской части, подвергшейся общему процессу коммерциализации в рамках принятия государством либерально-буржуазной модели экономических отношений. Наконец, большую роль в «охлаждении» общества к идейно-ценностной основе войны сыграли заключительные фазы военного конфликта: неудовлетворенное желание русской армии вступить победным маршем в Константинополь и последовавшее дипломатическое сокращение результатов русской победы на Берлинском конгрессе «великих держав».

Время от времени предпринимались попытки выяснить, кто был конкретно виноват в ряде неудач русской армии. В списках гуляли стихи, в которых высмеивались командующие русскими войсками на Дунае и Кавказе великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, а также управлявший флотом великий князь Константин Николаевич. Несмотря на то, что ведущей темой публицистики и культуры оставалось прославление похода русской армии как исполнения исторической освободительной миссии Российской империи, помимо пафосных и панегирических произведений, нашли свое отражение и критические настроения части общественности, причем не только в отношении генералитета Дунайской и Кавказской армий, но и в понимании самой необходимости войны с Османской империей.

Тема жертвы, первоначально воспринятая (на стадии принятия решения идти на войну) как идеал самопожертвования и пролития собственной крови на алтарь спасения обездоленных народов, обрела более сложную структуру. Исторический контекст обсуждения концепции освободительной войны как подвига исторического бескорыстия сместился с концентрации на образах жертв славянских мучеников на рефлексию по поводу обоснованности жертвы русского народа (самопожертвования). Этот контекст был усилен необычайным масштабом присутствия военной тематики в публичном пространстве и особой значимостью в создании представлений о войне тех ее участников, которые были и осознавали себя не столько кадровыми, профессиональными военными, сколько

общественными деятелями (творческой интеллигенцией). Это создавало у «общественных» участников войны, не имевших «иммунитета» к восприятию военной повседневности, внутренне не готовых к процессу дегуманизации образа врага, подверженных влиянию различных мифологем общественного сознания и т.п., фиксацию внимания на «ужасах войны» и создавало иллюзию небывалых масштабов этих «ужасов» и невероятной, неоправданно высокой, цены победы именно в минувшей войне с Турцией.

В такой ситуации Верещагин определил свою творческую тему как «глубокий трагизм войны как узаконенного убийства»¹⁶. Он писал П.М. Третьякову: «Передо мною, как художником, война, и ее я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары – это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаха и без пощады»¹⁷.

В 1879 г. двадцать картин «Балканской серии» были выставлены в Париже и Лондоне, в феврале 1880 г. выставка была открыта в Петербурге. Среди них большое внимание привлекли «Александр II под Плевной» (неофициальное название «Царские именины»), «Первая атака. Под Плевной», «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной», «Победители», «Побежденные. Панихида по убитым», «На Шипке все спокойно»¹⁸.

В картинах Верещагина первый план составляют жертвы войны – убитые и раненые, обезображенные трупы, искалеченные войной солдаты. Кроме того, сюжеты картин предполагали противопоставление народного героизма официальной сфере высокопоставленного командования и бюрократического мира, не разделившей общего горя войны, отделившейся в своем мире роскоши и бесцельной праздности, бесчеловечности, преступной небрежности и невнимательности, внутренней отстраненности от бедствий народа, армии. В.В. Стасов писал в письме к Л.Н. Толстому о работе Верещагина над «Балканской серией»: «Тут будут удивительные вещи, в том числе и картины многих безобразий на войне, нелепостей высшего начальства и всякой поганой аристократии, – все это рядом со всем

¹⁶ *Верещагин В.В.* Скобелев. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. М., 2007. С. 5; Подробнее см.: *Муминова Е.М.* Указ. соч. С. 87-88.

¹⁷ *Верещагин В.В.* Избранные письма / сост., предисл. и примеч. А.К. Лебедева. М., 1981. С. 97.

¹⁸ Подробнее см.: *Садовень В.В.* Василий Васильевич Верещагин. М., 1950. Ч. VIII. Балканская батальная серия.

чудесным, что делал русский народ под видом солдат и офицеров, – одним словом, многое такое, что не могло появиться в печатном рассказе»¹⁹.

В одном из писем С.М. Третьякову художник, посетивший сразу после окончания войны окрестности Плевны, словесно описал картину, близкую визуальному образу в «Панихиде»: «Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии, в особенности холмы, окружающие Плевну, давят воспоминаниями – это сплошные массы крестов без конца. Везде валяются груды осколков гранат, кости солдат, забытые при погребении. Только на одной горе нет ни костей человеческих, ни кусков чугуна, зато там до сих пор валяются пробки и осколки бутылок шампанского – без шуток»²⁰.

Абсолютное противопоставление армии и ее командования, кроме того, что было исторически некорректным, не учитывало многих конкретных фактов, в том числе и примеров ответственного отношения армейского начальства и генералитета к исполнению долга, проявленного личного мужества (и не распространявшееся на постоянную для Верещагина героизацию личности М.Д. Скобелева), можно рассматривать и как исторический симптом «разворачивания» дискурса народной войны во внутреннюю плоскость оппозиции «народ – власть» и переформатирование общественных настроений послевоенного периода в режим внутренней оппозиционности.

Резко обозначенный антивоенный дискурс, нашедший выражение в творчестве Верещагина, был принципиально новой тенденцией развития общественных представлений в послевоенный период, это составляло новизну, трагизм и напряженность исторического момента Русско-турецкой войны. В крайностях увлечения им многие общественные деятели не замечали тонкой грани, отделявшей протеста против войны от обесценивания подвига участников войны, а разоблачительный пафос грозил забвением морально-политических ценностей, положенных в основу освободительной войны и пренебрежением ее исторической ролью, результатами победы русского оружия (главным из которых было освобождение Болгарии, утверждение независимого статуса Черногории, Румынии, Сербии).

¹⁹ Цит. по: Муминова Е.М. Указ. соч. С. 90.

²⁰ Верещагин В.В. Избранные письма. С. 18.

В очерке В.И. Немировича-Данченко, посвященном В.В. Верещагину, обращает на себя внимание одна характерная примета таких крайностей антивоенного дискурса. Возвеличивая подвиг и мужество «художников-мыслителей», знаменитый журналист считал возможным противопоставлять «высокой правде» их творчества «бездумный» военный героизм и «ложную мораль слепого патриотизма». Он писал: «Военная легенда спасает от забвения героизм и героев, она с особенною любовью останавливается на скудоумных Марсах с выпученными глазами и грудью колесом, оставляя в стороне тех, кто ей не ко двору, тружеников, высоко среди этой кровавой оргии поднимающих знамя любви к человечеству, ненависти к злобе, критического отношения к самым блестящим победам. Художники-мыслители поэтому в разливе всеобщего увлечения молчат, чуждые экстазу не осмысливающей свои стремления толпы». Любая война, с точки зрения автора очерка о Верещагине, есть только «нестройность, стихийность, бессмыслие, гнойные язвы, карьеризм, жестокость, побоища, в которых нельзя не удивляться готовности умирать с одной стороны и готовности посылать на смерть с другой»²¹.

Антивоенный дискурс усиливал эскалацию противостояния власти и общества в России, содействовал росту разногласий и напряженности в публичном пространстве. Реакция на «Балканскую серию» Верещагина выявляла линии разломов в общественном мнении. Ее оценки представителями оппозиционной общественности, с одной стороны, и представителями правительственного мира и приверженцами консервативного мировоззрения, с другой, были прямо противоположными.

В.И. Немирович-Данченко увидел в картинах Верещагина глубокое размышление о жертве русского народа, принесенного в минувшей войне, эту жертву он уподобил крестной жертве Христа. Он писал: «Когда я в Петербурге стоял перед полотном, изображавшим поросшее сухой травой поле с тысячами изуродованных, обнаженных трупов, я повторял про себя: Правда, великая правда! Вот те, которые платятся за ленты, за звезды, за кресты, достающиеся другим. Вот эти жертвы ошибок и честолюбия. Вот судьба этого народа, который, в конце концов, все-таки выручил всех и все, простил врагам своим и позабыл своих бездарных друзей!.. Это был Христос на кресте, страдающий за все человечество, это была великая

²¹ Немирович-Данченко В.И. Художник на боевом поле. С. 214-215.

искупительная жертва... Верещагин верно понял ее, и этим объясняется то озлобление, с каким на него набросились одни, и те восторги, которые высказывали другие...» Свои размышления автор очерка о Верещагине завершал тем, что «художник-мыслитель» достиг своей цели – «вызвал ненависть к войне, рисуя ее так, какова она есть»²².

Собственно говоря, то прочтение «Балканской серии», которое зафиксировал Немирович-Данченко, не противоречило жертвенному дискурсу освободительной войны: тема жертвы, начатая с уподобления страданий балканских славян крестной жертве Христа, завершалась рефлексией на тему жертвенного подвига русского народа, уподобленного Христу на кресте, страдающему за все человечество. Новым и раскалывающим общественным мнением фактором трансформации репрезентации войны в культурном пространстве стала не сама по себе эволюция жертвенного дискурса освободительной войны, а перенесение акцентов с добровольности принятого на себя жертвенного подвига во имя братской любви на ответственность за жертвы войны правительственных кругов империи и руководства армии («посылавших на смерть за ленты, звезды и кресты»).

А.П. Боголюбов в своих воспоминаниях передает реакцию на выставку картин Верещагина со стороны наследника престола великого князя Александра Александровича, выраженную им в личном разговоре: «Ну, теперь поговорим о Верещагине и его картинах. Мое самолюбие, как военного человека, бывшего свидетелем последней войны, не позволило приобретать картины такого содержания, где я вижу на всем тенденциозность и ложь. <...> Поле, где 300 человек лежат, и над ними ходит поп, и стоящий сзади писарь! Не кощунство ли это? Когда редкого солдата не хоронил с десятков его товарищей. Где же тут правда? Могут быть частные неурядицы, но обобщать их такую капитальную ложью – это просто нечестно. Я не буду говорить о «Царских именинах», злой иронии над нашими неудачами. <...> Все это продукт какой-то злобы на нашего солдата, которую автор желает скрыть, проповедуя, что он пишет подобные картины для отращения от войны. Война всегда была, есть и будет за обиженную честь нации или за что другое, и не пошлыми изображениями спекулятора для своей известности лечить подобные раны человечества»²³.

²² Немирович-Данченко В.И. Художник на боевом поле. С. 235-236.

²³ Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Изд. 2-е, испр. и доп. Самара, 2006. С. 253.

Несомненно, что наследник престола, будущий император Александр III сильно и поверхностно-упрощенно «снизил» мотивацию Верещагина как автора «Балканской серии» до примитивного «поиска известности». Между прочим, не совсем однозначно выглядит и вопрос об исторической достоверности изображения в «Побежденных», где панихида по убитым в бою под Телишем была показана с участием только одного священника и причетника. По воспоминаниям художника, это был действительно, хотя и редкий факт, который командование объясняло нежеланием травмировать оставшуюся в живых часть егерского полка, понесшего огромные человеческие потери; этот факт впоследствии подтверждал и тот самый священник, который изображен на картине²⁴.

Более значимым представляется в реакции великого князя Александра Александровича момент психологический – особой обиды участника войны на «отягощение» антивоенного дискурса, проявлявшееся в дегероизации и десакрализации исторического события. В этой реакции было и тяжелое предчувствие трансформации исторической памяти потомков о минувшей войне под воздействием несомненной силы таланта Верещагина. В декабре 1879 г. Александр Александрович, получивший каталог картин Верещагина, писал А.П. Боголюбову: «Читая каталог картин Верещагина, а в особенности текста к ним, я не могу скрыть, что было противно читать всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию... Жаль, что это будут единственные картины в воспоминаниях славной войны 1877-1878 гг., и это все, что мы оставим потомству»²⁵. Конечно же, будущий император, лично общавшийся с многими художниками, присутствовавшими в армии (Боголюбовым, Поленовым, Дмитриевым-Оренбургским) очень хорошо знал, что картины Верещагина не были «единственными» картинами о войне, но ведь, действительно, именно картины Верещагина, стали центральными в представлениях потомков о визуальном нарративе Русско-турецкой войны.

Трансформация визуального нарратива освободительной войны в рамках антивоенного дискурса послевоенного периода была явлением по-своему закономерным, и справедливость требует признать, что Верещагин не вышел за пределы жертвенного дискурса народной войны, в его творчестве получило развитие

²⁴ *Верещагин В.В.* Скобелев. С. 189; см. также: *Муминова Е.М.* Указ. соч. С. 92.

²⁵ Письма императора Александра III к А.П. Боголюбову / Сост. А.П. Новицкий. СПб., 1900. С. 12-13.

переосмысление темы жертвы, а сама по себе фиксация на «ужасах войны», холодящих душу подробностях бесчеловечной жестокости виновников кровопролития в истории, была необыкновенно масштабно представлена во всей совокупности визуального нарратива Русско-турецкой войны (прежде всего, в изображении «турецких зверств»). Эта фиксация зрительского внимания заметно выражена и в журнальной репортажной графике. Не случайно, в журнале «Нива», в котором отводилось столь большое место визуализации балканских событий, был напечатан очень сдержанный и неоднозначный отклик на «Балканскую серию» Верещагина: «...этот высокообразованный художник, сам так доблестно участвовавший в русско-турецкой войне, вместо того, чтобы почтить доблесть и беззаветную верность долгу безвестных героев, изобразил обратную сторону войны»²⁶.

Для цитирования: *Кочукова О.В.* Визуальная репрезентация русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. в творчестве В.В. Верещагина: особенности историко-культурного контекста // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 124-141.

²⁶ *Нива*. 1880. № 11. С. 22-223.

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМНЫЕ ВОСПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 355.1-048.35(620) | 1832 | +929Мухаммед Али

СРАЖЕНИЕ ПРИ КОНЬЕ 21 ДЕКАБРЯ 1832 ГОДА: КУЛЬМИНАЦИЯ ОСМАНСКО-ЕГИПЕТСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

С.А. Богомолов¹

независимый исследователь
e-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Аннотация. *Сражение при Конье стало первым столкновением мусульманских армий, использовавших европейские способы организации, вооружение и тактику. Разгром войск великого визиря Мухаммеда Рашида-паши наглядно показал провал военной реформы султана Махмуда II. Метод компаративного анализа модернизационных процессов в Османской Турции и Египте демонстрирует внутренние предпосылки, механизм выполнения и результаты преобразований. Победа в Первой сирийской войне превратила Египет в субъект европейской политики и стала важным шагом к независимости.*

Ключевые слова. Османская империя, янычары, Египет, Махмуд II, Мухаммед Али, Ибрахим-паша.

BATTLE TO THE KONYA ON DECEMBER 21, 1832: THE CULMINATION OF THE OTTOMAN-EGYPTIAN CONFRONTATION

S.A. Bogomolov

(Ulyanovsk, Russia)
e-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Abstract. *The Battle to the Konya was the first clash of Muslim armies using European methods of organization, weapons and tactics. The defeat of the troops of the Grand Vizier Muhammad Rashid Pasha clearly showed the failure of the military reform of Sultan Mahmud II. The victory in the First Syrian War turned Egypt into a subject of European politics and was an important step towards independence.*

Key words. Ottoman Empire, Janissaries, Egypt, Mahmud II, Muhammad Ali, Ibrahim Pasha.

¹ Богомолов Сергей Александрович (Ульяновск), кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь.

Война Османской империи и Египта в 1832–1833 гг. стала важнейшим эпизодом в истории обоих государств. Впервые в мировой истории произошло столкновение мусульманских армий, организованных, обученных и вооруженных по европейским стандартам. После длинной серии неудачных войн против европейских держав в XVIII–XIX вв. Порта потерпела позорное поражение в столкновении со своей арабской провинцией. Победы армии под командованием Ибрахима-паши наглядно продемонстрировали успехи комплексных реформ Мухаммеда Али.

Первая сирийская война 1832–1833 гг. в большинстве работ по истории Египта XIX в. рассматривается, как важный эпизод, но до сих пор отсутствует ее полноценное комплексное исследование². Во многих трудах османистов до сих пор прослеживается влияние европоцентристской парадигмы. Они в заметной степени фокусируют свое внимание на событиях западнее Босфора и Дарданелл, а восточные провинции остаются в роли малозаметной периферии. Военные историки ограничиваются изучением вопросов стратегии и тактики, игнорируя комплексный характер современной полемологии, пренебрегая экономическими, социально-антропологическими и психологическими проблемами³. Внешний формат военной истории требует дополнения взглядом «изнутри» на воюющие армии и народы. В данной перспективе для анализа предпосылок и последствий сражения при Конье, как апогея османско-египетского противостояния, особое значение приобретают путевые дневники и воспоминания полковника российского Генерального штаба Н.Н. Муравьева, опытного военного профессионала и внимательного наблюдателя драматичных событий 1832 – 1833 гг.⁴.

1 августа 1808 г. новым султаном Османской империи стал Махмуд II. Он сразу же оказался между «молотом и наковальней», между европейскими державами и мятежными балканскими провинциями. Волновалась и южная арабская периферия империи. Под руководством энергичного и амбициозного наместника Мухаммеда Али Египет стал локомотивом реформ и ориентиром для соседей-

² Marlow J. *Anglo-Egyptian relations, 1800–1953*. L., 1954; *The Cambridge history of Egypt. Vol. 2: Modern Egypt from 1517 to the end of twentieth century*. Cambridge, 2008.

³ Fahmy K. *All the Pasha's Men. Mehmed Ali, his Army and the Making of Modern Egypt*. Cairo, N.Y., 2002; Dunn J.P. *Khedive Ismail's army*. L., 2005; McGregor A. *A Military History of Modern Egypt: From the Ottoman Conquest to Ramadan War*. Westport, Conn., 2006. Dunn J.P. *Khedive Ismail's army*. L., 2005.

⁴ Муравьев (Карский) Н.Н. *Турция и Египет в 1832 и 1833 гг.* В 4 т. Военное и политическое состояние. М., 1869.

губернаторов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В ситуации растущей неопределенности султан Махмуд II хорошо понимал, что единственной надежной опорой его власти может быть только боеспособная и лояльная армия.

Отношения османской метрополии и египетской провинции крайне осложнилась после усиления влияния в Порте старого и непримиримого врага Мухаммеда Али – Мухаммеда Хусрева-паши. Он был в детстве куплен в Грузии, привезен в Константинополь и сделал успешную карьеру на службе у султана Селима III. Способный и волевой грузин получил должность командующего военноморским флотом (*капудан-пашой*), а затем губернатора (*вали*) Египта. В мае 1803 г. во время восстания в Каире албанские солдаты атаковали его резиденцию. Спасаясь, Хусрев-паша неудачно выпрыгнул из окна, повредил ногу и на всю жизнь остался хромым. Несмотря на позорное изгнание из Египта, он продолжил успешную карьеру. В 1806 г. Хусрев-паша был назначен губернатором Боснии, а в 1818 г. Эрзерума. В обеих провинциях ему пришлось бороться с усиливавшейся борьбой местного населения, славян и курдов, против Османской династии. В декабре 1822 г. Хусрев-паша вернулся в столицу на должность командующего флотом, с которой началась его карьера, а затем стал военным министром (*сераскером*).

Во время визита в Константинополь в декабре 1832 – апреле 1833 гг. полковник российского Генерального штаба Н.Н. Муравьев хорошо изучил характеры и султана Махмуда, и его визирей. По мнению русского офицера, Хусрев-паша обладал природным быстрым умом и большим опытом государственного деятеля и политика. Во время неудачной войны в Греции и противоборства Порты с янычарами Хусрев-паша превратился в фактического «повелителя турок» и при внешнем раболепном благоговении «содержал в некотором страхе султана». Хусрев-паша проделал трудный путь от раба до военного министра и неформальной главы правительства, обладал сильным характером, открыто презирал слабых противников и не сдерживался в язвительных замечаниях в их адрес.

Хусрев-паша полностью усвоил «ориентальный взгляд» на государство, как на семью, а на казначейство, как на собственный кошелек. В глазах народа он стремился выступать в роли защитника старинных обычаев, а для султана был преданным помощником в создании новой армии. Но в действительности Хусрев-паша стремился исключительно к личной пользе и славе, но не к укреплению

Османской империи. Он стремился изучать французскую военную науку, но не имел для этого ни образования, ни терпения, ни трудолюбия⁵.

Получив власть в условиях тяжелых поражений в войнах с Россией и европейскими державами, растрачивая силы и время в бесплодной изматывающей борьбе с традиционалистской знатью и духовенством, быстро теряя влияние в провинциях, султан Махмуд все лучше понимал, что сохранение Османской империи требует немедленной ликвидации архаичной корпорации янычар. Война в Греции и привлечение на помощь египетского экспедиционного корпуса под командованием сына Мухаммеда Али Ибрахима-паши снова обострили конфликт между султаном и мятежным сословием. Махмуду II, Хусреву-паше и всем объективным наблюдателям был очевиден контраст между старыми османскими и новыми египетскими войсками.

20 сентября 1824 г. Ибрахим-паша написал египетскому представителю в Константинополе Мухаммеду Наджибу-эфенди письмо о невозможности ведения боевых действий в Греции при отсутствии единого командования. В декабре 1825 г. Ибрахим-паша написал отцу письмо, в котором откровенно изложил свое мнение о небоеспособных «союзниках». В свою очередь Мухаммед Али написал личное письмо Хусреву-паше и одновременно послание Наджибу-эфенди для передачи Махмуду II, в которых потребовал прекратить вмешиваться в командование египетским корпусом. В отдельном письме вице-король дал Ибрахиму-паше карт-бланш на самостоятельные действия, разрешив не подчиняться приказам из Константинополя. После этого Ибрахим-паша предъявил султану ультиматум: или в течение пятнадцати дней Хусрев-паша будет уволен с должности командующего флотом, или он прекратит боевые действия против греческих повстанцев.

Султан Махмуд отступил и отправил Хусрева-пашу в отставку, но это мало помогло нормализации отношений между «союзниками». Во время войны в Морее Мухаммед Али и Ибрахим-паша постоянно убеждались как в полной некомпетентности османских военачальников, так и в плохой выучке войск из Анатолии. Во время штурма крепости Миссолунги 13 марта 1826 г. Ибрахим-паша прямо обвинил своих турецких союзников в трусости, которая особенно бросалась в глаза на фоне решительных действий египетских войск.

⁵ *Муравьев (Карский) Н.Н.* Турция и Египет... Т. 1. С. 9–14.

В январе 1824 г. в Константинополе произошел очередной мятеж. Янычары и ямаки подожгли арсенал, протестуя против отправки в Морею без обеспечения современным оружием, обмундированием и снаряжением. Султану стало очевидно, что он должен любыми средствами ликвидировать янычар, пока египетские войска несут основную тяжесть войны в Греции и пока не началась новая война с Россией. 25 мая 1826 г. после совещания улемов шейх-уль-ислам Тахир-эфенди издал фетву, требующую подчинения янычар султану. 28 мая на собрании высшего военного командования Махмуд II заявил о полной утрате старой армией боеспособности из-за несоблюдения старых османских законов, утраты дисциплины и религиозного духа. В конце собрания султан подписал «священный акт» о формировании корпуса *эшканджи* с офицерами из янычар, но организованному по правилам «нового порядка» (*низам-и джедид*).

В ночь на 14 июня янычары начали уничтожать свою новую военную форму и грабить дома офицеров армии «нового порядка». 15 июня султан прибыл в столицу и отдал приказ об уничтожении мятежников. Всего в столице и в провинциальных городах было вырезано 4–5 тысяч человек. В ночь на 17 июня султан подписал фирман о ликвидации войск янычар. Перед Портой встала задача завершения военной реформы и создания армии «нового порядка».

2 июля 1826 г. Махмуд II через Наджиба-эфенди отправил письмо Мухаммеду Али с просьбой о помощи в обучении османских войск «новому порядку». Султан писал о своем понимании «важности тренировки войск современными способами». Именно новые «победоносные солдаты Мухаммеда» («*Азкер-и Мансуре-и Мухаммедийе*»), обученные европейскими офицерами, стали главной силой, уничтожившей «огромный и могущественный преступный синдикат» янычар, которые никогда полностью не подчинялись султанам. Но Мухаммед Али отказался отправить европейских инструкторов из египетской в османскую армию. Он предвидел неизбежность конфликтов «франков» с османами, полными имперского снобизма и религиозной нетерпимости к «неверным».

В Константинополе ядром офицерского корпуса новой армии стал привилегированный батальон Придворной внутренней службы, сформированный как из представителей традиционной знати, так и из новых выдвиженцев. Этот военный институт не выполнил предназначенную для него роль тренировочного полигона и «плавильного котла» для новой военной элиты. Внутренние междоусобицы между нотаблями из старинных родов и новыми «рабами

султана» не позволили молодым офицерам превратиться в самостоятельную единую касту. Султан Махмуд, в отличие от Мухаммеда Али, не сумел повторить успех военной реформы Наполеона, который превратил армию из архаичного замкнутого сословия в «сердце нации» и «школу Отечества» объединенные корпоративной солидарностью, единым самосознанием и взаимовыручкой.

В условиях продолжавшейся войны в Греции Мухаммед Али не хотел терять проверенные и лояльные кадры, которых с большим трудом нанял на службу в Европе. Европейские офицеры в египетской армии получали гораздо более высокое жалованье, чем на службе у султана, имели гарантии личной безопасности и не испытывали ни малейшего желания ехать на службу в Константинополь. Если начальник штаба Ибрахима-паши, знаменитый француз-ренегат Жозеф-Антелеми Сейве (Сулейман-паша Мирлев аль-Франсави) получал 17,5 тыс. пиастров в месяц, то его соотечественник Гайллар, занимавший должность главного инструктора в османской пехоте, только 1,7 тыс. пиастров. Европейские офицеры в армии султана были советниками, но не командирами, так и не преодолев спесивость и надменное высокомерие османлы по отношению к «гяурам». Мухаммед Али ограничился тем, что отправил письмо султану, в котором поздравлял с победой над мятежными янычарами и выражал уверенность в успешном создании современной армии⁶.

Различие османской и египетской военных реформ заключалось не только в темпах, но и в концептуальных основах. Египет ощутимо опережал османскую Турцию в подготовке офицерского корпуса и регулярных войск, обученных по европейским уставам. Но кроме этого, Мухаммед Али гораздо успешнее ликвидировал традиционную военную элиту мамлюков, чем Махмуд II – янычар. После резни 1811 г. в Каире остатки мамлюков, спасая свои жизни, с готовностью перешли на службу к новому правителю Египта. Они обменяли свою лояльность на гарантии личной безопасности, хорошее жалованье и восстановление привилегированного статуса.

Перед вторжением в Сирию в 1832 г. в частной беседе с британским консулом Генри Салтом Мухаммед Али охарактеризовал султана Махмуда, как изувера и религиозного фанатика, полностью

⁶ *Муравьев (Карский) Н.Н.* Турция и Египет... Т. 1. С. 66–67; *McGregor A.* A Military History of Modern Egypt... P. 100–101; *Dunn J.P.* Khedive Ismail's army. P. 11–12; *The Cambridge History of Egypt. Vol. 2.* P. 158–160; *Клейнман Г.А.* Армия и реформы: Османский опыт модернизации. М., 1989. М., 1989. С. 35–66.

подчиненного влиянию духовенства. Сюзерен и вассал были полны взаимных подозрений, доходящих до плохо скрываемой ненависти. Албанский паша откровенно изложил настоящие причины своего отказа от военного сотрудничества. Мухаммед Али вовсе не хотел создания сильной имперской армии, которая наверняка будет использована для очередной попытки подчинения Египта. Напротив, он хотел использовать военное ослабление метрополии для присоединения богатой и многолюдной Сирии⁷.

Махмуд II получил сообщения об активизации военных приготовлений в Египте, но уже не имел времени для усиления обороны своей арабской провинции. В мае 1831 г. в распоряжении султана было 15 пехотных полков четырех-батальонного состава (в совокупности 45 тысяч штыков), 9 кавалерийских полков (4 980 сабель) и 4 четырех-батареинных артиллерийских полка. В каждой батарее было шесть 4-х, 8-и и 12-и фунтовых орудия. По численности и количеству вооружений регулярная османская армия доминировала над своими балканскими и арабскими соседями, но это был «колосс на глиняных ногах». В войне с Россией в 1828 – 1829 гг. новые войска потеряли 28 тыс. обученных солдат, которых заменили необстрелянные новобранцы.

Хусрев-паша не имел времени для восполнения потерь офицеров и поэтому выдвигал на командные должности клиентов из своего клана. Он покупал на базарах мальчиков-рабов из родной Имеретии и соседней Черкессии, обращал их в ислам, учил и воспитывал в своем доме. Получив «хлебные места», они полностью подчинялись своему патрону, но не имели ни образования, ни опыта для командования современными воинскими соединениями, и тем более, для штабной работы. Общей чертой османских командиров в лучшем случае было простодушное усердие в работе без заботы о целесообразности и о конечном результате. Среди лучших офицеров врожденные смекалка, понятливость и ловкость быстро подавлялись механической муштрой и требованием беспрекословного выполнения любых приказов начальства.

Особенно остро ощущался дефицит квалифицированных специалистов во флоте, в артиллерии и других «высокотехнологичных»

⁷ Fahmy K. *All the Pasha's Men...* P. 41–59, 270–271, 286–287; Богомолов С.А. Албанская династия в Египте в XIX веке: циклическая эволюция в условиях европейского вызова. СПб., 2020. С. 182–183. О Г. Салте см.: *Manley D., Ree P. Henry Salt. Artist, Traveller, Diplomat, Egyptologist.* L., 2001.

родах войск. Начальником артиллерии был фаворит Хусрева-паши Халил-паша, который в 1830 г. ездил в Санкт-Петербург, а затем отправился в Александрию для переговоров с Мухаммедом Али. Этот неудачливый дипломат слабо проявил себя и на военном посту. Непотизм часто мешал набору квалифицированных европейских специалистов. Если становлением артиллерии руководил бывший офицер Наполеона Февени, то кавалеристов обучал уроженец Сардинии Колоссо. Он еще в 1821 г. владел пивоварней в Константинополе, завел полезные знакомства среди османских пашей и беев, которые и помогли ему перейти на военную службу.

В отличие от египтян, османская армия не могла эффективно использовать помощь легкой иррегулярной конницы башибузуков. Мухаммед Али методом «кнута и пряника», жесткими наказаниями и хорошим жалованьем сумел подчинить ополчение бедуинов, превратив его в своеобразную военную полицию для контроля положения в тылу, разведки и наблюдения за противником. Хусрев-паша не смог усмирить аналогичные подразделения башибузуков («сброд пустых голов», по выражению Н.Н. Муравьева), которые во время боевых действий редко выполняли приказы и часто бежали с поля боя после первых же выстрелов. Зато в мирное время своими грабежами они разоряли население, возбуждали всеобщую ненависть и оставляли регулярные войска без продовольствия.

В османской армии были крайне слабо подготовлены инженерные войска. Во время боевых действий командующие обычно пренебрегали безопасностью своих солдат и не выделяли военным инженерам ни людей, ни материалов для фортификационных работ, ремонта дорог и мостов. Поэтому для этих целей командование обычно сгоняло местных жителей. Это крайне снижало качество работ и еще более усиливало вражду населения к османской армии. Плохая организация и низкая дисциплина транспортных служб существенно снижали маневренность османских войск. Н.Н. Муравьев определил растянутые походные колонны, как «беспорядочную толпу, сброд подвод, верблюдов, лошаков и людей всякого звания и оружия, неспособных к трудам».

Российский офицер во время своих инспекционных поездок в Константинополе и его окрестностях постоянно отмечал плохой уход за оружием, грязные ружья с ржавыми стволами и неисправными затворами на складах, прогнившие деревянные станки крепостных пушек в фортах на Босфоре, сваленные на парапетах в беспорядочные кучи ядра разных калибров. В старом дворце (*серале*),

превращенном в склад, генерал видел 10 тыс. неисправных ружей рядом со штабелями бочек с порохом, никак не защищенными от случайного возгорания.

Османский истеблишмент никогда не различал военную и гражданскую службу. Как известно, все мусульмане являются рабами Аллаха, но равны между собой. Поэтому в османской иерархии личные отношения всегда доминировали над формальными статусами. Молодые офицеры, фавориты султана, имели больше влияния на принятие стратегических решений, чем заслуженные генералы. Доверенный денщик генерала-паши мог открыто проигнорировать приказ штабного или строевого офицера. Старший по званию мог избить за какую-то провинность, как младшего офицера, так и солдата. Другой «ахиллесовой пятой» был разрыв в материальном обеспечении и социальном статусе между офицерами и солдатами.

И в египетской, и в османской армии полностью отсутствовало чувство корпоративной солидарности. Офицеры воспринимали солдат, как своих слуг, часто заменяя их военные обязанности домашними работами. Надменное пренебрежение офицеров к подчиненным, игнорирование своих служебных обязанностей вызывали ответную реакцию – неуважение солдат к офицерскому званию. Из-за постоянного массового дезертирства в батальонах вместо 800 солдат по штату в среднем было около 350. В новой армии преобладал традиционный мусульманский фатализм, невежество и произвол. Командиры полков не вели точного учета личного состава и материальной части. Избегая гнева вышестоящего начальства, офицеры не докладывали о побегах и не преследовали беглых солдат. Дезертиры спокойно возвращались домой, но затем нередко попадали под облавы призывных комиссий, попадая на службу в прежние или в другие полки. Отсутствие точного учета не позволяло тыловым службам наладить регулярное снабжение войск обмундированием и продовольствием.

Новое командование так же, как и их предшественники-янычары, повсеместно практиковало «корыстолюбивые обороты». Солдаты в казармах оставались полуголодными, раздетыми и разутыми, а обмундирование и продовольствие с военных складов продавались на местных базарах. Н.Н. Муравьев постоянно замечал в османских частях босых солдат в мундирах не по размеру, в грязном ветхом

белье и с ранцами, уложенными не по уставу. Офицеры часто выходили на службу без форменных мундиров, не в сапогах, а в туфлях⁸.

В начале 1830-х гг. военные ресурсы Османской империи были перенапряжены в максимальной степени. Практически все боеспособные имперские войска участвовали в подавлении восстаний в Боснии и Албании. По приказу султана в метрополии от Трапезунда до Коньи начались массовые военные мобилизации. Необученных полуголодных рекрутов толпами гнали в лагеря в окрестностях Константинополя, сосредотачивая для отправки в Алеппо в Северную Сирию. Махмуд II отчаянно перетасовывал наместников на имперских фронтах, безуспешно пытаясь найти в своем кадровом резерве компетентных и преданных администраторов.

Завершающим аккордом, предопределившим разгром османской армии, стало назначение великим визирем (*везир-азамом* или *сараззамом*) трехбунчужного пашу Мухаммеда Решида-паши. В 1824 – 1828 гг. он проиграл войну против партизан в Греции, 11 июня 1829 г. был разбит генерал-фельдмаршалом И.И. Дибичем-Забалканским под Кулевчей, после которого 20 августа российские войска захватили Адрианополь (Эдирне), и Порта была вынуждена капитулировать. Однако этот самоуверенный и бездарный военачальник и к началу войны с Египтом сохранил «предприимчивый дух и редкий дар повелевать людьми».

Махмуд II назначил главнокомандующим фельдмаршала (*сердар-экрема*) Хуссейна-пашу, который в 1826 г. завоевал его доверие участием в истреблении янычар, в 1828 г. командовал обороной Шумлы, а после войны был назначен вали Адрианополя. Н.Н. Муравьев определил Хуссейна-пашу, как «совершенного невежду, от природы кровожадного», храброго, но лишённого великодушия военачальника, которого ненавидели и в народе, и в армии. В течение полутора столетий османская армия не сумела выиграть ни одной войны и полностью утратила «науку побеждать». Военачальники в лучшем случае обладали личной храбростью, но не имели современного военного образования и не умели управлять войсками. В отличие от Мухаммеда Али, в распоряжении Махмуда II не было полководца, чей авторитет признавали бы другие офицеры. Необразованность, коррупция, природная лень, взаимные интриги,

⁸ Муравьев (Карский) Н.Н. Турция и Египет... Т. 1. С. 69–83; Он же. Собственные записки: 1829 – 1834. М., 2020 С. 170–171.

пренебрежение к солдатам разваливали армию еще до столкновения с противником⁹.

После неожиданных и катастрофических поражений в Сирии в 1832 г. Махмуд II оказался в тяжелейшем положении. В Порте и в европейских столицах все знали, что султан постоянно демонстрировал слабость и нерешительность в критических ситуациях. После поражения в войне с Россией в 1828 – 1829 гг. крайне нестабильным было положение в самом сердце Османской империи – Анатолии. После египетской оккупации Сирии резко дестабилизировалась ситуация в соседней Месопотамии¹⁰.

Теряя контроль над имперскими фронтами, Махмуд собирал все оставшиеся в его распоряжении силы. Перетасовка военачальников в попытках избежать злой фортуны не обещала успеха без кардинального улучшения боеспособности войск. Но в этом вопросе султан не колебался. Он вызвал из Боснии и назначил великим визирем и главнокомандующим (*сердаром*) Мухаммеда Рашида-пашу, давнего протеже военного министра (*сераскера*) Мухаммеда Хусрева-паши. Старый мудрый царедворец благоразумно отказался от командования войсками, доверив эту почетную, но опасную обязанность своему фавориту. 25 сентября Рашид-паша начал подготовку к новой военной кампании с осмотра арсенала в Константинополе. Сердар остался доволен: летом оружейники изготовили 120 новых пушек и полностью возместили потери артиллерии в Сирии.

Для заклятых врагов Мухаммеда Али, Хусрева-паши и Рашида-паши, подавление мятежа египетского вассала и разгром войск его сына было делом чести. Кроме мести Рашид-паша рассчитывал и на солидные материальные бонусы. Как и его предшественник Хусейн-паша, он получил «шкуру неубитого медведя». Султан назначил сердара губернатором фактически потерянных Сирии, Египта, Джидды и Крита. Генерал (*мирмиран*) Ибрахим-паша Кёр в звании визиря был назначен губернатором Карамана, Аданы, Азира и Бейлана. Несмотря на крайнее истощение казны, Махмуд снабдил новую армию всем необходимым. Рашид-паша получил лошадей, оружие, снаряжение и продовольствие на сумму 30 млн. курушей (пиастров). Этому помог хороший урожай, который в 1833 г. собрали крестьяне в Анатолии и Румелии. Генеральный провиантмейстер

⁹ Муравьев (Карский) Н.Н. Турция и Египет... Т. 1. С. 111–114.

¹⁰ St. John J.A. Egypt and Mohammed Ali. In 2 Vols. L., 1834. Vol. II. P. 507–512; Муравьев (Карский) Н.Н. Турция и Египет... Т. 2. С. 35–38.

Ариф-бей через своих комиссаров и местных чиновников (*муселлимов*) закупил необходимое количество хлеба и скота.

Рашид-паша был опытным военачальником. В 1826 г. он вместе с Ибрахимом-пашой штурмовал Миссолунгу, а сейчас успешно завершил военные кампании в Боснии и Албании. Султан предоставил в его распоряжение все оставшиеся силы Османской империи. Главной ударной силой были 45 тыс. ветеранов войн на Балканах. В июне 1832 г. Хусрев-паша отправил на фронт 10 тыс. солдат из гарнизона Константинополя. Вали Трабзона Осман-паша набрал 20 тыс. горцев в Эрзуруме, а Сулейман-паша 10 тыс. в Южной Анатолии. 3-й кавалерийский полк Ризы-бея был сформирован из храбрых и воинственных боснийцев, 4-й кавалерийский и 14-й пехотный полк были набраны в Адрианополе. В конце июля была сформирована гвардейская кавалерийская бригада под командованием Сейида-паши. Султан простил наместника (*бейлербея*) Триполи Османа-пашу за поражения в Южной Сирии и разрешил присоединиться к армии Рашида-паши с ополчением из 15 тыс. ливанских горцев. Эскадра Тахира-паши в Дарданеллах была пополнена достроенными линкором «Месудийе» и фрегатом «Гифти Рехман». На побережье уезда (*санджака*) Галлиполи призвали на службу 6 тыс. новых матросов.

На дорогах между Коньей и Константинополем заставы задержали около 28–30 тыс. солдат из разгромленных в Сирии войск, пробиравшихся в свои деревни через горы Тавра. Остатки разбитой армии Хуссейна-паши были отведены в резерв в Анкару (Ангору), где размещался конный полк *сипахов* Измет-бея и пополнили гарнизоны городов между Константинополем и Адрианополем. По приказу Рашида-паши самых слабых и ненадежных солдат распустили по домам. Сердар хотел избежать их деморализующего влияния и распространения панических настроений среди новобранцев.

В октябре 1832 г. в распоряжении Рашида-паши было 80 тыс. необученных и недисциплинированных турецких рекрутов. 20 тыс. албанцев из воинственных горных кланов *гекас* и *тоскас* под командованием Гифзы-паши из Ускюба вошли в бригаду Садуллы-паши. Решив воодушевить солдат-мусульман, Рашид-паша уволил со службы всех европейских офицеров. После двухнедельных учений и смотров кавалерийская бригада Сейида-паши из Константинополя и пехотная бригада Хайдара-паши из Саталии в качестве авангарда направились в Конью. В этом городе генерал (*ферик*) Мухаммед-паша разместил свою штаб-квартиру и объявил набор в армию местных волонтеров, а также беженцев из Дамаска и Алеппо, недовольных

египетской властью. Эти ополчения возглавил Ибрахим-паша Кёр. В ущелья Тавра выдвинулся отряд из двух тысяч добровольцев с Крита с шестью орудиями под командованием Мухаммеда-паши Киритли. Во время отступления из Антиохии он лично с саблей возглавил остатки кавалерийского полка Мухаммеда Али-бея и спас от разграбления войсковую казну¹¹.

Как и большинство османских офицеров, Рашид-паша был храбрым воином и был готов сражаться с египтянами. Но сердар, как и его предшественник не получил от Махмуда времени для организации управления, обучения и боевого слаживания огромного аморфного конгломерата разномастных подразделений. Главной проблемой было отсутствие согласия в военном командовании и постоянные споры на заседаниях кабинета министров (*дивана*). Большинство визирей выступало за наступление, но Рашид-паша считал необходимым на первом этапе кампании ограничиться обороной столицы и обучением рекрутов. Султан Махмуд прекратил эти дебаты, приказав Рашиду-паши начать наступление против египтян, и в первую очередь выбить их из Коньи. 14 ноября сердар отправился из столицы на фронт.

Ибрахим-паша был хорошо осведомлен о том, что османские военачальники спешно набирали рекрутов и готовились к новой кампании. После завоевания Сирии египетский эмир оказался в крайне опасном положении, с растянутыми коммуникациями, по которым было очень трудно доставлять резервы, продовольствие и боеприпасы. В его распоряжении в Адане было всего 8 тыс. солдат и 1,5 тыс. бедуинов, к которым из Египта подошел 4-й пехотный полк, а с Крита еще 6 тыс. солдат. Но каждый день в госпитали отправлялись новые больные холерой и малярией. Набор рекрутов в Сирии провалился. Местные арабы и друзья, изгнав османские войска, не хотели идти и воевать в северных холодных горах.

Начальник штаба Сулейман-бей Мирлев (Ж.-А. Сейве) считал, что малочисленный египетский авангард не сможет оборонять Конью – открытый город, не имевший сильных укреплений. Французский ветеран убедил Ибрахима-пашу, что, как и при Хомсе, нужно навязать османской армии сражение на равнине. В Сирии противник был вынужден воевать после утомительного перехода через пустыню, а в Карамане ему предстояли еще более трудные марши в мороз через заснеженные горные перевалы. Египетские войска в Конье

¹¹ Муравьев (Карский) Н.Н. Турция и Египет... Т. 2. С. 101-112.

располагались в теплых помещениях и под руководством штабных офицеров провели около двадцати учений, планомерно готовясь к генеральному сражению. Они прекрасно изучили театр военных действий и довели действия своих солдат до автоматизма.

Ибрахим-паша и его штаб получали регулярные донесения разведчиков-бедуинов обо всех передвижениях противника. Ибрахим-паша умело использовал мобильные патрули бедуинов для разведки, имея всю информацию о передвижениях противника. Утром в пятницу 21 декабря отряд легкой конницы своевременно обнаружили османскую колонну в районе Ак-Шегера, атаковал и рассеял партию солдат, заготовливавших в лесу дрова для лагеря. После этой стычки Рашид-паша отправил Ибрахиму-паше письмо, напоминая о совместных боях под Миссолунгой, сожалея о вынужденной войне, предлагая отступить из Сирии и не проливать кровь мусульман, эмир ответил в таком же дружественном тоне, что не хочет враждовать с прежним боевым товарищем, но не может согласиться на его предложения. Ибрахим-паша хорошо понимал, что османские солдаты сильно устали, преодолев 550 км между Константинополем и Коньей. Рашид-паша вряд ли остановит свои колонны, не имеющие теплой одежды и палаток, еще на один ночлег в снегу у костров, и непременно решит войти в город.

Вечером 21 декабря Ибрахим-паша построил свои войска на дороге в трех километрах севернее Коньи. 15 тыс. египетских солдат встретились с 40 тыс. (по другим источникам, 53 тыс.) османской армией. В распоряжении Ибрахима-паши было пять пехотных и четыре кавалерийских полка. Пехотный 12-й полк находился под командованием Ибрахима-бея, 13-й – Рашида-бея, 14-й – Османа-бея, 18-й – Хамзы-бея и гвардейский полк – Селима-бея Мамлюка. По предложению Сулеймана-бея Мирлева 12-й и 14-й полки были объединены во 2-ю бригаду под его командованием, а 13-й и 18-й, перестроенные в 1-ю бригаду, отданы в распоряжение Селима-бея Манастирли. 1-м кавалерийским полком командовал Хусейн-бей, 2-м – Садык-бей, 3-м – Салех-бей, 4-м – Вели-бей. Они также были объединены в две бригады. В 6 артиллерийских батареях под командованием Селима-бея Сати было 36 пушек.

Ибрахим-паша расположил свои войска в три линии. В двух линиях находилось по 6 батальонов, в третьей резервной – 4 гвардейских батальонов и вся кавалерия – 16 эскадронов. Перед первой линией, состоявшей из бригады Селима Манастирли-бея находились три артиллерийские батареи (18 орудий). Ибрахим-паша

сознательно шел на риск и был готов потерять половину своей артиллерии, рассчитывая в самом начале сражения огнем прямой наводкой нанести противнику большие потери и подорвать его боевой дух. Бригада Сулеймана-бея Мирлева заняла вторую линию в 500 футах сзади. Три батальона второй линии сформировали квадрат (каре) с тремя артиллерийскими батареями на флангах и в тылу для предотвращения возможных вражеских обходов. Гвардейская пехота и четыре кавалерийских полка, объединенные в две бригады, заняли позиции на расстоянии триста футов в третьей линии. В тылу разместились бедуины, непригодные для сражения с регулярными войсками и также оставленные в резерве для преследования бегущего противника.

Все командиры бригад и полков получили детальные инструкции о порядке действий, но главную роль в победе сыграли не столько эти регламенты, сколько талант полководца Ибрахима-паши, а также дисциплина, мужество и военный опыт египетских солдат. Османская артиллерия первой открыла огонь, но в вечернем морозном тумане он был нецельным и неэффективным. Тем не менее, Ибрахим-паша приказал второму ряду сблизиться с первым и выйти из-под обстрела. Сильный туман и дым практически полностью парализовал действия османских войск, но мало мешал египтянам, которые хорошо знали местность. Ибрахим-паша увидел разрыв в одну тысячу футов между османской кавалерией и пехотой и немедленно приказал атаковать кавалерии вместе с гвардейским полком Селима-бея. Этот удар отсек левый фланг османской армии, после чего там начался хаос. Командующий артиллерией, оставшейся в тылу, Ахмед-паша бежал с поля боя, оставив пехоту без огневого прикрытия.

Рашид-паша повел своих солдат сплошной тридцатитысячной массой, не оставил резервов и ничего не мог противопоставить прорыву египтян. Сердар пытался остановить бегущих пехотинцев, продемонстрировал незаурядную храбрость, но это уже было бесполезным. Под сильным обстрелом две лошади Рашида-паши были убиты, а его плащ прострелен в нескольких местах. В конце концов, уже на третьей лошади он заблудился в тумане, застрял в глубоком снегу и попал в плен к отряду египетских бедуинов. Оставшиеся без главнокомандующего османские войска на правом фланге попытались обойти малочисленных египтян, но Ибрахим-паша своевременно выдвинул навстречу им две артиллерийские батареи из второй линии, которые остановили противника.

Массированный артиллерийский огонь остановил османскую пехоту, а египетская контратака завершила разгром. После этого дезорганизованные солдаты обратились в бегство. Хаос в османской армии ознаменовался скверным анекдотом. Кавалерия, отрезанная от своей пехоты, в тумане проскочила мимо египетских боевых порядков и вошла в Конью. Командиры были уверены в победе, уже были готовы располагаться на заслуженный отдых в караван-сараях, когда получили сообщение о разгроме главных сил и были вынуждены сдать в плен.

Османские войска потеряли около 10 тыс. убитыми и ранеными, 10 тыс. человек пленными и бросили 42 из 92 орудий. Остатки разгромленных войск отступили в Ак-Шегер, а затем разбежались в различных направлениях. По данным К. Фахми, египтяне понесли минимальные потери – 262 человек убитыми и 530 ранеными, а по османским источникам, которые использовал Н.Н. Муравьев, около 1,5 тыс. убитыми и ранеными. Полностью сохранив боеспособность, египетские войска без боя заняли Ак-Шегер, Кара-Гиссар и Кютахью. 3-й пехотный и 2-й кавалерийский полки с 24 орудиями выдвинулись в Неюм-Шегер, сформировав заслон против трабзонского корпуса Османа-паши, располагавшегося в Кессарии. Однако это ополчение горцев не приняло вызова и поспешно отступило в Токат. До беззащитного Константинополя египтянам оставалось всего 8–9 дневных переходов, когда из Александрии прибыл гонец с приказом Мухаммеда Али остановить наступление.

26 декабря в Константинополь прибыл Ахмед-паша, доставивший личную печать Рашида-паши. Услышав от него и других беглецов рассказы о катастрофическом поражении при Конье, султан Махмуд приказал сохранить их в секрете. Только в начале января 1833 г. в Константинополе было опубликовано официальное сообщение о сражении. Виновником неудачи был объявлен Рашид-паша, который повел войска к Конье без рекогносцировки. Появление османской кавалерии в пригородах было расценено, как военный успех. Чтобы сохранить власть, султан Махмуд начал срочные кадровые перестановки в Порте. Он назначил великим визирем Рауфа-пашу, ранее трусливо бежавшего от египтян в Карамане. Его сын Эмин-паша из Румелии поехал в качестве наместника в Янинский, Дельванский и Авлонинский округа. Верховного муфтия Язинджи-заде эс-Саид Абд аль-Вегаб сменил шейх-уль-ислам Мекки Мустафа-заде Азим-эфенди. В качестве официальной причины было объявлено плохое здоровье Язинджи-заде, но фактически в Порте были недовольны

проповедями в мечетях, в которых имамы критиковали армию «нового порядка»¹².

Разгром османской армии и оккупация Сирии стали наглядным подтверждением успешных реформ Мухаммеда Али и первым шагом к независимости Египта. Новая армия, малочисленная, но боеспособная, продемонстрировала полное превосходство над аморфными и необученными имперскими войсками. Египетский командующий Ибрахим-паша окончательно утвердил свою репутацию лучшего полководца на Ближнем и Среднем Востоке. Но военные успехи было необходимо закрепить политическими соглашениями. После военных сражений в свои баталии вступали дипломаты. 14 мая 1833 г. в ставке Ибрахима-паши в Кютахье при российском и французском посредничестве было подписано перемирие между Османской империей и Египтом. Султан передавал в управление Мухаммеду Али Сирию, Крит и Хиджаз, но формально сохранял свои права сюзерена. Главные бои за независимость Египта были впереди.

Для цитирования: Богомолов С.А. Сражение при Конье 21 декабря 1832 года: кульминация османско-египетского противостояния // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 142-158.

¹² Муравьев (Карский) Н.Н. Турция и Египет... Т. 2. С. 112–127; Fahmy K. All the Pasha's Men... P. 66–68, 159–166; Богомолов С.А. Первая сирийская война в социокультурном пространстве Османской империи // IX Международная научная конференция «Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления». Саратов, 2021. С. 154–163.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 72(47+57)(093.3)+725.945+929Менякин

«Я ЖИВУ, НЕЛЬЗЯ СКАЗАТЬ, ПО-ПРЕЖНЕМУ, ВЕДЬ И НА ВОЙНЕ БЫВАЕТ НЕ ВСЕ ОДИНАКОВО...». ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ПИСЬМАХ Ю.И. МЕНЯКИНА

М.В. Никулин¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: mikhail-nikulin-02@mail.ru

И.Ю. Менякин²

Экскурсовод, краевед
e-mail: insapo@yandex.ru

Аннотация. Юрий Иванович Менякин (1925–2002) – советский архитектор, художник-график, заслуженный архитектор РФ, почетный гражданин г. Саратова, лауреат премии Госстроя СССР, член-корреспондент Российской Академии архитектуры и строительных наук. Ю.И. Менякин – автор ряда архитектурных проектов и сооружений в Волгограде (застройка проспекта им. В.И. Ленина, 1956 г.; братская могила на площади им. В.И. Ленина, 1958 г. и др.) и Саратове (памятник В.И. Ленину на Театральной площади, 1969 г.; памятник саратовцам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – «Журавли», 1982 г.; проект пешеходной зоны в центре г. Саратова на проспекте Кирова (в качестве руководителя творческого коллектива), 1985 г.; памятник К.А. Федину, 1986 г.; и др.). Будучи участником Великой Отечественной войны, Ю.И. Менякин оставил множество свидетельств о том периоде, в первую очередь это письма, фотографии и рисунки. Близкий родственник Юрия Менякина, И.Ю. Менякин, сохранивший фонд эпистолярных документов, предоставил необходимые материалы для данного исследования, представляющего собой репрезентацию фрагментов переписки за 1944 – 1947 гг. В содержании писем Ю.И. Менякина запечатлены характер молодого солдата и офицера Красной Армии, впечатления военной повседневности, личные переживания, мечты и надежды. Тема Великой Отечественной войны и памяти о ней была одной из центральных в строительно-архитектурном творчестве Юрия Менякина, что проявилось в главной его работе – подлинном шедевре советского модернизма и одном из символов г. Саратова – памятнике «Журавли».

Ключевые слова: Юрий Иванович Менякин, Великая Отечественная война, фронтовые письма, патриотизм, память о войне, культурное наследие.

¹ Никулин Михаил Викторович, ведущий архивист сектора оцифровки и копирования документов Государственного архива Саратовской области (ГАСО), магистрант кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

² Менякин Иван Юрьевич, экскурсовод, краевед, врач-психиатр.

«I LIVE, ONE CANNOT SAY, STILL, BECAUSE NOT
EVERYTHING IS THE SAME IN WAR...».
THE GREAT PATRIOTIC WAR AND POST-WAR
RECONSTRUCTION IN THE LETTERS OF YU.I. MENYAKIN

M.V. Nikulin

I.Yu. Menyakin

(Saratov, Russia)

e-mail: mikhail-nikulin-02@mail.ru

Annotation *Yury Ivanovich Menyakin (1925-2002) was a Soviet architect, drawing artist. Honored Architect of the Russian Federation, honorary citizen of Saratov, laureate of the USSR Gosstroy Prize, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. Author of a number of architectural projects and structures in Volgograd (development of Lenin Avenue, 1956; mass grave on Lenin Square, 1958, etc.) and in Saratov (monument to Lenin on Teatralnaya Square, 1969; monument to Saratov citizens who perished. Lenin Avenue, 1956; the mass grave on Lenin Square, 1958; etc.) and in Saratov (monument to Lenin on Theater Square, 1969; monument to Saratov citizens who died in the Great Patriotic War of 1941-1945, the monument «Cranes», 1982; project of the pedestrian zone in the center of Saratov on Kirov Avenue (as the head of the creative team), 1985; monument to K.A. Fedin, 1986; etc.). As a participant of the Great Patriotic War, he left many testimonies about that period, primarily letters, photographs and drawings. In cooperation with a close relative of Yuri Menyakin - I.Yu. Menyakin, who preserved the fund of epistolary documents, the author conducted a study of his correspondence for 1944 - 1947, where the character of a young soldier and officer of the Red Army, his joys and worries, dreams and hopes manifested themselves in all their glory. In the future, the theme of the Great Patriotic War and the memory of it will become one of the central themes in the construction and architectural work of Yuri Menyakin, which will manifest itself in his main work - a true masterpiece of Soviet modernism and one of the symbols of Saratov - the monument «Cranes».*

Key words: Yuri Menyakin, Great Patriotic War, front letters, patriotism, war memory, cultural heritage.

Великая Отечественная война затронула каждую советскую семью, отразившись на многих человеческих судьбах. Одним из важнейших свидетельств о трагическом и героическом для нашей страны времени являются источники личного происхождения (эго-документы), в том числе частные письма солдат, офицеров, их родных. Главная их ценность в том, что они позволяют выстроить эмоционально-психологическую картину войны, дать этому глобальному событию человеческое измерение и перспективу, «антропологизировать» его.

По замечанию некоторых исследователей, письма имеют значительное преимущество перед другими типами эго-документов (дневники, воспоминания) благодаря передаче непосредственного восприятия эпохи и исторического события. Они как бы фиксируют в себе

«задержанный на миг момент времени», не отличаясь целостностью или концептуальностью авторской мысли. Письма практически всегда являлись продуктом быстрой реакции и спонтанных мыслительных формулировок³. В отличие от мемуаров, в которых взгляд на «вспоминаемое» прошлое неизбежно искажен настоящим, и даже в отличие от дневниковых записей, где происходящие события и процессы, как правило, подвергаются переосмыслению, письма неразрывно связаны с конкретным моментом своего написания, их действительность полностью синхронна с прошлым индивидуума, что определяет их значение в качестве исторического источника.

В центре данной статьи переписка фронтовика-разведчика и переводчика Ю.И. Менякина с родными в тылу. Спустя десятилетия Менякин станет главным архитектором Саратова и подарит городу множество памятников, в том числе знаменитый монумент «Журавли», посвященный памяти уроженцев Саратовской земли, не вернувшихся с войны. В основной идее этого памятника («Светлая память – светлая печаль») отразилось и личное мировоззрение автора-фронтовика, его собственное восприятие Великой Отечественной войны и элементы личной памяти о коллективном прошлом.

Письма Ю.И. Менякина к родным (преимущественно к матери) написаны в период с февраля 1944 г. по 1947 г. Они охватывают период от завершающих этапов его обучения в военном училище г. Орджоникидзе (он же г. Дзауджикау, ныне г. Владикавказ) до окончания службы в Восточной Пруссии переводчиком с немецкого языка. Следует отметить, структура большинства писем Ю.И. Менякина схожа с шаблонами среднестатистических фронтовых писем⁴. Они имеют вводную часть, состоящую из указания адреса, даты написания, а также схематичного приветствия: «Добрый день, дорогая мама!», «Здравствуй, мама!» и т.п. Далее обычно писались типичные для сообщений того времени заверения: «Живу по-прежнему», «Жив-здоров» и т.п. В основной части шли расспросы о состоянии домашних дел и про родственников наряду с рассказом о собственных делах и недавних впечатлениях. Наконец, заключительная часть состояла из просьб писать чаще, передать привет родным и близким с завершением в виде шаблонного прощания: «Целую крепко, Юрий» и т.п. Схематичность писем, однако,

³ Кузнецов А.С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 63.

⁴ Там же. С. 64.

несколько не снижает их информативной ценности. Они раскрывают самые различные аспекты жизни того периода, в первую очередь характер личных взаимоотношений солдата-победителя с родственниками, бытовую сторону войны и послевоенного восстановления, создавая описание событийной истории через призму персонального восприятия.

Война для Юрия Ивановича началась еще в декабре 1942 г., когда он ушел добровольцем на фронт в возрасте 17 лет. Менякин принял участие в Сталинградской битве, в которой получил ранение в руку и воспаление легких. До июня 1943 г. состоял рядовым пехотинцем, затем был направлен в Первое Краснознаменное Орджоникидзевское военное пехотное училище⁵.

В письме из г. Орджоникидзе к матери от 13 февраля 1944 г. Менякин пишет: *«Ученье мое уже подходит к концу, увижу ль я тебя в этом году, сказать не могу, но надеюсь. Жизнь моя по-прежнему незаметно и беспечно бежит, и не жаль мне, что так уходят мои дни, даже хочется, чтобы скорей прошел этот год и пришла другая жизнь»* (в этом и остальных эпистолиях орфография и пунктуация автора сохранены – М. Н.).

В следующем письме, написанном в конце марта – начале апреля 1944 г. (точная дата не обозначена), Ю.И. Менякин сообщает о скором своем прибытии в Новочеркасск, находившийся относительно недалеко от его малой родины (село Большая Мартыновка в Ростовской обл.), и поэтому выражает надежду на скорую встречу с матерью: *«Погода у нас здесь теплая и снег остался лишь в горах. Но если бы вы знали, как хочется увидеть родные поля и деревни и дорогой мне простор степи... Я очень счастлив тем, что скоро поеду туда, на родину, и может быть увижу тебя, дорогая мама. Письма можно писать мне по старому адресу, изменить только название города: не Орджоникидзе, а Дзауджикау, так теперь называется этот город»*.

Однако встреча с матерью не состоялась. Ввиду этого Юрий Иванович написал 10 мая 1944 г. достаточно подробное, полное печали письмо: *«Пишу письмо по приезду из города Новочеркаска. Я очень много ожидал от этой поездки – увидеть тебя, узнать как ты живешь, во многом успокоить себя, «проулыбаться» немного, увидеть родную землю, а самое важное тебя. И вот я уже вернулся, с неприятным ощущением обманутых надежд. Приехав в Новочеркасск, я пошел и вскорости позвонил в Мартыновку на тетю Олю, так как я до сих пор не знаю твоего нынешнего адреса. До первого*

⁵ Архитектор Менякин. Жизнь и творчество Менякина Юрия Ивановича / Биография / Война [Сайт]. URL: <http://menyakin.ru/biografiya-2/vojna/> (дата обращения: 30.04.2024).

мая я с намерением ожидал тебя и тетю Олю, но так и не дождался. На праздник мне и моим друзьям удалось выпросить отпуск на 3 дня, и мы вышли, о том, как мы шли, ты можешь судить сама – от Новочеркаска до Большой Орловки мы прошли за день, лишь немного прихватились ноги, а ведь это более ста километров. В Орловке в ту ночь как раз прошел сильный дождь, и мои надежды добраться до Мартыновки (я рассчитывал сделать это на велосипеде) не удалась, а идти пешком не было никакой возможности. Во-первых, ты сама представляешь, как болели мои ноги, а во-вторых, ночью мы снова отправлялись назад, это бы выдержать срок, снова чуть ли не бегом ста километров. Я понадеялся, это вам удастся дойти подвозом или в крайнем случае добраться до вечера пешком, но... не знаю, что там вам помешало, пришлось идти, не повидавшись и даже ничего не узнав. Конечно, это очень обидно и неприятно и для тебя и для меня, но ничего не поделаешь, прошу только, напиши хоть одно подробное письмо о своей жизни... В Новочеркасске я был с 11 апреля по 3 мая, приятно было чувствовать себя недалеко от родины, родного дома, от постоянной надежды увидеть тебя и от того же неприятно было ехать назад».

Каждая весточка от матери – большая радость для Юрия Ивановича, его личный праздник. На одну из них, полученную вскоре после не оправдавшей надежд поездки в Новочеркасск, он ответил письмом от 19 мая 1944 г., где отметил ее не меньшее желание повидать сына: «Мама! Неужели ты прошла за день почти 10 км!? Я представляю твое горе, когда ты не застала меня, надеюсь, матери моих друзей тебе понравились и вы будете теперь добрыми знакомыми, такими, какие мне друзья, их сыновья. Меня удивляет, что тетя Оля не могла достать подводы, может быть тогда бы мы и повидались». Эта встреча должна была состояться перед отправлением Ю.И. Менякина на 3-й Белорусский фронт и в случае трагического стечения обстоятельств могла бы стать последней. К счастью, войну он и его мама пережили, несмотря на грозившие опасности.

В июне 1944 г. Менякин послал матери свой «последний привет с Кавказа». В июле он уже пишет: «Побывал в Москве, в родном для нас жилом доме. Видел разрушенные города и села в Белоруссии, купался в Днепре». Первый непосредственно фронтовой привет был написан для матери 17 августа 1944 г.: «Тебе, наверное, уже известно, что немец бежит и скоро он будет загнан в границы Германии и там окончательно уничтожен. Наши войска уже в некоторых местах вплотную подошли к границам В. Пруссии, вот отсюда-то и посылаю тебе свой первый фронтовой привет... Если долго не будет писем, то не волнуйся и ничего не придумывай – письма могут и не доходить, потому что расстояние очень большое, а время военное».

Письма с фронта, как правило, более лаконичны и чувственны. Юрий Иванович, помимо стандартной информации о жизни

родственников, мог вкратце поделиться личным видением хода войны, как в письме от 25 августа 1944 г.: *«Сейчас я между Смоленском и Минском, а еду на третий Белорусский фронт. Немцы разрушили и опустошили города Белоруссии. Сейчас один за одним идут эшелоны с немецкими пленными»*. В письме от 3 октября 1944 г. с примечательным заголовком *«Привет из блиндажа!»* Юрий Иванович допустил немного лирики: *«Наконец, сегодня, 3 октября получил долгожданное письмо от тебя. Уже начинало темнеть, и немцы сильно стреляли, они всегда к ночи открывают сильный огонь – боятся. Когда мне передали твое письмо, я прочитал его с радостью у солдатского каганца и сейчас же начал писать ответ, хотя и не знаю, с чего начать. Из твоего письма я вижу, что вам приходится жить трудно, особенно тебе, я думаю, одной одишеенькой трудней всего. Мама! Почему ты не пишешь мне, у кого ты живешь на квартире и как проводишь свободное время?...»*. Даже тестирует себя мильми воспоминаниями из детства: *«Дорогая мама! Ты, конечно, не обижайся на меня, но мне смешно и радостно, когда я прочитал в твоём письме вместо «фасоля» «хвасоля», я вспомнил, как ты журила меня за то, что я передразнивал тебя маленьким... а как это приятно вдали от дома»*. Немного написал и об особенностях собственного рациона: *«Ты пишешь про арбузы – нет, в этом году я их не кушал, но кушал, редкость для вас, брюкву – здешний фрукт»*.

На войне Менякин не забывал о полезном для себя виде творчества – рисовании, о чем свидетельствует письмо от 12 октября 1944 г.: *«Мама! Посылаю тебе рисунок, который рисовал на берегу Днепра во время одной долгой остановки. Он не очень удачен и на плохой бумаге, но все-таки память и мне нравится. Ценны ли мои рисунки, напиши обязательно и береги их для меня»*.

Письмо от 27 октября 1944 г. особенно значимо тем, что запечатлело восприятие фронтовиком Менякиным близкого к поражению противника, на чью землю он ступил: *«Когда я пишу тебе письмо, мне хочется сказать тебе что-нибудь приятное, хорошее, успокоить тебя, и я тогда долго думаю, чтоб написать именно такое письмо. Сегодня же у меня хорошо и радостно на душе: я шлю привет из Германии, с далекой земли проклятого врага, я знаю, что ты будешь рада за своего сына, который в первых рядах идет к развязке, с таким нетерпением к ожидаемому концу, к счастливой встрече тех, кто останется в живых»*. Юрий Иванович даже решил немного рассказать о внутреннем состоянии Германии: *«...в ее добротных домах помещиков-юнкеров чувствуется награбленное всех стран, а отсутствие жителей говорит о великой боязни их перед нами, о том, что они почувствовали всю преступность своей жизни за счет войны и грабежа, и бегут теперь не зная куда»*.

Рис. 1. Карандашный рисунок Ю.И. Менякина (автопортрет). 1945 г. Нарисован на оборотной стороне немецкого плана дома.

Письмо от 13 ноября 1944 г. по содержанию – настоящая картина природной идиллии: «Мне хочется написать немного о том, где пришлось побывать. Особенно интересным местом мне показался Роминтенский заповедник, в котором мне пришлось быть несколько дней. Это огромный, большей частью искусственно насаженный лес, в котором охранялись разные виды животных, которые в основном предназначались для охоты для известного фашистского их главаря Геринга, об этом заповеднике и о том, как он был взят, тебе, наверное, известно из газет. Животные почти не боятся людей, мне лично несколько раз удалось встретить благородного оленя, косуль и множество зайцев. Можно было бы поохотиться, но не бывает времени. Здесь уже осень – только началась, зеленеют лишь ели, а вообще в Вост. Пруссии осень скучная и однообразная, не то что наша Белоруссия или Литва. Очень соскучился по родным бескрайним степям и по маленьким веселым домикам наших хуторов. Уже несколько раз шел снег, но это тоже не такой снег как у нас бывало, радостный первый снежок укроет всю степь и она являет уже новую прекрасную картину, и ничуть не напоминает о холодной и безрадостной зиме, а всегда как-то непонятно радуется и навеивает приятное раздумье». Увы, воспоминания о доме прерываются недружелюбной реальностью: «Я сейчас

сизу в холодной землянке, которая сделана из сосновых бревен, вставлена в кольцо и горит железная печурка – ты же знаешь, что мы сейчас ощущаем, вообще для фронтовиков это самый роскошный дом, да при том мы недалеко от фронта...».

В письме от 26 ноября 1944 г. отражены витавшие тогда в войсках настроения: «...кому-нибудь из командования и рядовых кажется, что война вот-вот кончится и от этого нетерпеливо хочется снова вперед, и эта радость души затемняет все трудности и ужасы войны, а самовольная мечта, не боясь ничего уже, далеко, далеко улетает». Дальнейшие фронтовые приветы отличаются скупостью на информацию, хотя и в них имеются интересные моменты, такие как данная шутка в письме от 21 декабря 1944 г.: «У нас даже ходить свободнее, чем у вас – волки не бегают, их здесь нет, а фрицы присмирели». События на фронте Менякин не стремится описывать подробно, отсылая мать к газетам: «Не беспокойся обо мне, читай в газетах про мой 3 Белорусский фронт». Возможно, в этом плане Юрий Иванович не только учитывал военную цензуру, но и не хотел фокусировать внимание на ужасах войны, считая это вредным и для себя, и тем более для дорогой матери.

События последних этапов войны бурно резонировали в сердце Юрия Ивановича, как и у миллионов советских солдат и граждан. Это проявилось в январском письме 1945 г.: «Я живу, нельзя сказать, по-прежнему, ведь и на войне бывает не все одинаково, что происходит на 3-м Белорусском, не скажу, ведь ты должна знать это из газет. Для нас всех и для вас, конечно, сегодня большая радость: взята Варшава, наши берут с успехом соседние города». В письме от 6 февраля 1945 г. он не поскупился на подробности: «Ты мне пишешь, что у вас зима, а здесь уже начинается весна. Притом мы уже у моря, ты можешь, если интересуешься, примерно увидеть мое местоположение, на карте мы уже западнее Кенигсберга. Мама! Внимательно читай газеты и следи за международными событиями, а также за тем, как продвигается твой сын, и чем дальше он уходит от тебя, тем ближе день встречи, что ты должна понимать. Как радостно сейчас на душе, хоть и угнетает постоянная напряженность боев – ведь до Берлина уже 80 километров. Мама! Сегодня мы штурмуем один «Замок» – память старых, рыцарских времен. Он расположен среди большого парка, окружен каменной оградой и валом, он был очень красив, этот замок, как на старинной, сказочной картинке, сейчас он разрушен после упорных боев, почти все деревья огромного парка срезаны и изуродованы пулями и осколками, немцы сейчас упорно обороняются, ведь мы их сталкиваем в море, они используют каждый подвал, каждый холмик, песок». Как он далее указал, такое пространное письмо дала время

написать артиллерийская перестрелка, приостановившая штурмовые действия.

В письме от 21 марта 1945 г. Юрий Иванович сообщает, что оказался в госпитале, но тревожиться не нужно: *«Чувствую себя прекрасно, так что мое настоящее тебя не должно беспокоить, а наоборот – я сейчас в постели и читаю книги, слушаю музыку и прочее. Мама! Может, тебе будет удивительно, но хочется снова быстрее попасть на свое место...»*. И опять он ушел в легкую лирику: *«Сегодня на постелях я встретил первый полный света и тепла день весны. Меня очень взволновала картина маленькой рожицы, изуродованной снарядами, которая оживленная началом весны зеленела, не смотря на свои раны»*. Письмо от 5 апреля 1945 г. и вовсе насыщено воодушевлением: *«Вы, наверное, все чувствуете, какими быстрыми шагами пошла война к своему концу. Каждый день радуется новыми поводами. Мама! Пиши обязательно, где работаешь, как начали весенний сев и какая весна в этом году. Здесь уже начинает все зеленеть понемногу, но весна не красит эту скучную, некрасивую страну. Смотришь, красивенькая рожа, и подойдешь ближе – она вся в проволоке кругом, бетонные доты, бесконечные надолбы и всякий русский человек удивляется, когда узнает, что это строили немцы еще в 33 году...»*.

Наконец, письмо от 3 июня 1945 г., написанное после первого Дня Победы, сохранило в себе светлое настроение триумфа советского народа: *«Получил твое письмо, в котором ты поздравляешь меня с победой, я очень ждал его, и теперь спокоен – мать поздравила меня с победой»*. К письму была приложена фотография, историю появления которой Юрий Иванович решил рассказать в подробностях: *«Ты, наверное, знаешь, что город Пиллау был последним городом в В. Пруссии. Когда был взят Пиллау (29 апр.), мы пошли дальше через морской канал и наступали дальше. Там я нашел фотоаппарат. Когда мы 8 мая вернулись в Пиллау, нас ночью встретила весть об окончании войны с Германией, мы подготовились утром как можно лучше отметить этот день. И вот, не раздеваясь мы дождались утра, и в том одеянии, в котором воевали, выжили и повеселились. Я попросил одного «щелкнуть», когда мы подняли рюмки за победу. Это очень дорогая для меня фотокарточка, и я посылаю ее тебе»*.

Долгая кровопролитная война кончилась, но Юрию Ивановичу пока не позволялось вернуться к мирной жизни, что стало главной темой его послевоенных писем. Так, в письме от 18 июня 1945 г. он писал: *«Живу я по-прежнему и все там же в Пруссии. Жизнь моя стала похожа на ту, помнишь я тебе описывал ее, когда был в училище. Сейчас у меня да у всех, наверное, мечта попасть как можно быстрее домой. Ты, вероятно, знаешь, что у меня есть еще одна мечта – ехать учиться, и вот если она не мучит меня,*

так не дает покою, вот и знаешь ли, если не удастся уйти из армии, то это будет для меня большим несчастьем – ты же знаешь, как я люблю и хочу учиться. Но однако я имею надежду, и это меня немного успокаивает». Там же он просит маму подробнее написать, как течет жизнь на малой родине: «Я даже не представляю, как там вы живете в Мартыновке, помнится, что я уже 10 лет не был. Встречались ли тебе из Б. Орловки Берестовы или Бурдюковы, ведь Иван и Николай погибли, для меня это такое же горе, как и для их родных. Я им сейчас не пишу – ведь им будет больно слышать голос чужого сына, который оказался счастливее их сыновей».

Рис. 2. Пиллау (ныне г. Балтийск, Калининградская обл.). 09.05.1945 г. «На память любимой маме о дне Победы от Леньки, Юрки, Пашки».

Свою жизнь в Восточной Пруссии Менякин хорошо описал в письме от 21 июня 1945 г.: «Я сейчас живу спокойно, так что со мной ничего не может случиться. Сейчас здесь, в Пруссии стоит хорошая солнечная погода и природа везде очень красива и временем года своим, и прекрасной гармонией пышных лесов и лесочков с пестрыми лугами и полями. Сейчас уже начались сельскохозяйственные работы. Сегодня был на сенокосе – запах свежескошенного сена, давно позабытая картина мирного труда, опьянили и очаровали меня. Здесь протекает река Алле, которая в точности напоминает Сал и вообще в душе господствует дума как можно скорее увидеть свою родину, так что все на полном шагу напоминает ее, и то что она далеко, и что ее еще не скоро увидишь. Здесь почти нет девственных лесов – они в большинстве своем насажены и являются заповедниками. Я уже несколько раз ходил на охоту, попадаются козы, кабаны, зайцы и иногда олени». Тут заметно противоречие с одним из предыдущих писем еще военного времени, где Пруссия

обозначена как «скучная, некрасивая страна». Вероятно, в условиях восстановленного мира прусские рощи, холмы, поля и речушки больше не казались солдату-освободителю таящими в себе угрозу объектами на территории врага, поэтому он получил возможность насладиться их природной красотой в полной мере.

Ю.И. Менякину, выполнившему свой долг по защите Родины, хотелось поскорее продолжить службу в гражданском русле, что отразилось в письме от 28 июня 1945 г.: *«Сейчас в моей жизни пока нет ничего нового, правда все время натянутое состояние, для меня вопрос, уйти в гражданку или остаться в армии, имеет большое неизменное значение, и вот я сейчас пока не знаю, что будет и поэтому никак не обещаю тебе, а также и себе»*. В письме от 19 августа 1945 г. раскрываются отдельные подробности быта: *«Очень неприятно слышать, что урожай в этом году плохой. Мы здесь тоже занимаемся уборкой, да у нас здесь совсем другая беда – дожди идут беспрестанно. Мама! Насчет отпуска пока точно ничего не могу сказать, но, вероятно, в этом году удастся. О своей жизни ничего нового сказать не могу, все по-прежнему. Мама! Ты удивляешься, что мы такие худые, а мне кажется, что мы все-таки живем лучше вас. Ты мне даже не пишешь, чем ты питаешься и достаточно ли у тебя хлеба»*.

В письме от 18 октября 1945 г. не скрывается печаль ввиду невозможности скорого отпуска из-за перевода в другую воинскую часть: *«Мне очень тяжело было уходить из своего полка, ведь я в нем служил больше года, был два раза ранен, получил два ордена, а сейчас как гость, а самое главное, теперь мне трудно будет уехать в отпуск, поэтому я не обещаю в скором времени быть дома. Сейчас я все там же в Пруссии, которая надоела ужасно. Представь себе разрушенный и сожженный город, где кроме военных никого не встретишь, а ведь как хочется увидеть снова мирную жизнь, хотя бы лишь увидеть, не говорю о том, что жить самому, эта мечта кажется неосуществимой. Я тебе, кажется, уже писал, что я страшно хочу уйти из армии, чтоб работать и учиться, пусть это будет трудно, я привык к таким трудностям, но это будет жизнь, а не просто существование, на которое я обречен в армии»*. Далее немного делится личными увлечениями: *«Сейчас я живу один пока без друзей, но скучаю не очень, изучаю немецкий язык – я уже им немного владею, уже даже могу читать книги, а так как русской литературы нет, то это мое единственное удовольствие. Достал на немецком языке «Три мушкетера», «Декамерон», «Гете» и др. Хочу заняться фотографией, имею неплохой аппарат, вот тогда я тебе покажу, что из себя представляет В. Пруссия»*. В следующем письме от 11 декабря 1945 г. даже написал о своих предпочтениях в кино: *«У нас кино бывает почти каждую неделю, но, к несчастью, показывают только военные картины, которые приносят только тяжелые*

воспоминания о войне и о тех, кого мы уже никогда не увидим, так что я часто предпочитаю почитать книгу, чем идти на какую-то картину».

Спустя более чем полгода в письме от 23 июня 1946 г. Менякин пишет о возрождении нормальной жизни в бывшей Пруссии: «Я сейчас в самом Кенигсберге. Я тебе о нем рассказывал, что он сильно разбит и пуст, а сейчас в нем жизнь как в настоящем городе. Имеются телеграфы, кино и пр. Уже даже есть автобусы». Наконец, в следующем письме от 29 июня 1946 г. он подробно расписывает для матери возможность переезда в Кенигсберг: «Если ты не испугаешься ехать сама, то пиши мне скорей и приготовь следующие документы: паспорт с отметкой о снятии с прописки, справка формы № 7 о снятии с продовольствия, пропуск можешь не брать, я его вышлю. Билет я тебе вышлю, так что покупать ты его не будешь. Мама! Самое главное, не теряйся, не смущайся трудностями дороги... Прошу тебя, приезжай, ты же уже несколько раз ездила на большие расстояния да еще со мной, когда я был маленький, а сейчас одна, это легче. Будем жить в Кенигсберге, здесь уже много населения, есть базар, магазины».

В письме от 19 ноября 1946 г. Юрий Иванович вновь поднял вопрос о своем пребывании в армии: «Я тебе уже несколько раз писал, что сейчас самым значительным моим жизненным вопросом является мое пребывание в армии, уйти в «гражданку» значит для меня жить и тогда я буду любить жизнь, а пока я здесь, мне жизнь не доставляет никакого удовольствия...». Несмотря на натянутость настроения, он старается не забывать о праздниках: «Пиши, как провели праздники, мы отметили неплохо: выжили, повеселились. Сегодня, 19 ноября, у нас еще один праздник: день артиллерии...».

Но в следующем году, в апреле, произошла долгожданная демобилизация. Летом 1947 г. он уехал в Москву и успешно поступил в МАрХИ. В одном из писем той поры даже поделился впечатлением от похода в кино: «Недавно смотрел фильм «Встреча на Эльбе», ведь ее снимали у нас в Калининграде». Можно сказать, это было последнее эхо войны в жизни Ю.И. Менякина, окончательно вставшего на путь архитектора и заслуженно прославившегося на этой стезе.

Письма военного периода, являясь живой и осязаемой связующей нитью поколений, сохраняют в себе не только историю семьи, но и переживания, мысли участников исторических событий, мгновения из их жизни, о которых, как известно, не стоит «думать свысока». Война оставила у Ю.И. Менякина тяжелые воспоминания, как и у миллионов советских солдат и их родных, однако она не озлобила его, не взрастила в нем, например, ненависти к немецкой культуре и не убила внутри него чувство прекрасного. Напротив, за всю свою жизнь он создал множество замечательных памятников архитектуры, вершиной которых стали

саратовские «Журавли» – средоточие теплой и светлой скорби о тех, кто не вернулся к родным лугам, полям, лесам, степям, в объятия родных и близких...

Закончить хотелось бы преисполненным искренне добрыми чувствами письмом, написанным в 1980-х гг. одним из фронтовых товарищей Юрия Ивановича, Виктором: *«Юра, сынок, но какой же ты молодчага, юношей успел повоевать, после войны окончил школу и институт и, главное, замечательно работаешь, раз тебе доверили такой высокий пост крупного города, как главного архитектора. Создал и построил замечательный памятник воинам, погибшим за освобождение нашей родины. Мы участники войны и своими глазами видели, сколько полегло замечательных русских людей. Как остались мы живы, трудно представить, тут нам прямо повезло. Не стесняясь признаюсь – я всплакнул сейчас. Я горжусь, что мы с тобой не даром прожили эти годы, своими трудами мы многого достигли и люди достойно оценили наш скромный труд».*

Для цитирования: Никулин М.В., Менякин И.Ю. «Я живу, нельзя сказать, по-прежнему, ведь и на войне бывает не все одинаково...». Великая Отечественная война и послевоенное восстановление в письмах Ю.И. Менякина // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 159-171.

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА...
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Ю.Я. ПИНЧУКА)

Ю.С. Пинчук¹

ГБПОУ ЯНАО «ЯМК»

e-mail: yrii07@bk.ru

Аннотация. Воспоминания Пинчука Юрия Яковлевича, ветерана тыла, почетного железнодорожника Приволжской железной дороги, почетного ветерана железнодорожного транспорта о нелегких годах своей молодости, совпавших с годами Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Пинчук Ю.Я., история Приволжской железной дороги, Великая Отечественная война, воспоминания.

TOMORROW THERE WAS A WAR...
(FROM THE MEMOIRS OF YU.YA. PINCHUK)

Y.S. Pinchuk

(Salekhard, Russia)

e-mail: yrii07@bk.ru

Annotation. *Memoirs of Pinchuk Yuri Yakovlevich, a veteran of the rear, an honorary railway worker of the Volga Railway, an honorary veteran of railway transport about the difficult years of his youth, which coincided with the years of the Great Patriotic War.*

Key words: Pinchuk Yu.Ya., history of the Volga Railway, the Great Patriotic War, memoirs.

Предисловие

В 2025 г. наша страна будет отмечать 80-й юбилейный День Победы. С каждым годом события самой страшной войны все дальше от нас. Человечество забывает о ужасах, которые приносит война. Кто-то уже и не помнит, то, какой ценой досталась эта Победа нашему народу. К сожалению, все чаще можно услышать призывы к пересмотру итогов Великой Отечественной войны. А в странах Восточной Европы уже предпринимаются комплексные меры, направленные на это.

¹ Пинчук Юрий Сергеевич, заместитель директора по учебно-производственной работе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямальский многопрофильный колледж».

За любыми масштабными событиями стоит судьба обычного человека. Миллионам жителям СССР пришлось пережить бомбежки, эвакуацию и налаживание жизни на новом месте. Годы войны уходят в историю и среди нас уже практически не осталось очевидцев тех событий. Поэтому подобные мемуары становятся все ценнее. Хотелось бы поделиться воспоминаниями моего деда Юрия Яковлевича Пинчука, которые были записаны в начале 2000-х гг. Ему пришлось пережить все тяготы войны и активно включиться в восстановление страны. При его участии было создано депо Петров Вал, налажена работа Ртищевского отделения, много усилий вложено в области безопасности движения в управлении Приволжской железной дороги. Активная работа на посту секретаря профсоюза магистрали, организация ветеранского движения, руководство Советом ветеранов Приволжской железной дороги. Сейчас всего и не перечислить. Одно бесспорно - жизнь Юрия Яковлевича - это образец служения Родине на протяжении более чем 60-ти лет.

Несколько слов о годах войны.

22 июня 1941 г. был теплый, солнечный день. В нашей квартире был ремонт и в воскресенье, 22 июня, красили полы. Всю мебель выставили на большую веранду. Вывели туда и радиорепродуктор. В 12 часов дня все передачи были прерваны. Выступал В.М. Молотов – председатель правительства, и сообщил о нападении на Советский Союз фашистских войск, бомбили крупные города: Киев, Минск, Смоленск, и др. Город Лебедин расположен в восточной части Украины, ближе к границе с Россией и самолеты фашистов к нам не долетали какое-то время.

Хотя обстановка была очень напряженная, что понимали даже мы, молодые люди (мне тогда было 15 лет). Война началась внезапно. Ведь совсем недавно был подписан с Германией акт о ненападении.

Радио тогда было далеко не у всех, однако на площадях стояли столбы с большими громкоговорителями. Люди собирались там толпами и слушали сообщения. Выступление В.М. Молотова повторяли несколько раз.

Люди знали, что такое дефицит, недостаток продуктов и товаров. Только года три или четыре прошло после отмены карточной системы снабжения. Поэтому все бросились в магазины и очень быстро раскупили: хлеб, продукты, мыло, спички, соль и др. товары в запас. Паники не было. Началась мобилизация военнообязанных. Провожали их с плачем, ведь шли на войну.

Наша квартира располагалась в здании, принадлежащем учительскому институту, где отец, Яков Павлович Пинчук, был заместителем директора по учебной работе. Через месяц после начала войны, в здании института и принадлежащих ему домах разместили госпиталь, нам пришлось переехать на другую квартиру.

В городе располагалась воинская летная часть, был аэродром бомбардировочной авиации и на нас стали налетать самолеты-разведчики, а потом бомбардировщики. Правда не часто и не интенсивно летали. Рыли щели (окопы) для укрытия от налетов. В доме, куда мы переехали, был погреб, куда мы прятались во время налетов.

Отец не был военнообязанным, по болезни. Его мобилизовали в состав местной обороны. Были созданы истребительные батальоны, в задачу которых входило уничтожение диверсионных групп, которые фашисты забрасывали в наши тылы. В дальнейшем многие истребительные батальоны преобразовывались в партизанские отряды.

Уже к сентябрю стало ясно, что г. Лебедин и весь район будут скоро оккупированы фашистскими войсками. Началась эвакуация жителей и предприятий. Эвакуировали и учительский институт. Семьи работников также уезжали. Ночью, 14 сентября, отец приехал на телеге, запряженной парой лошадей, с фанерной будкой и с двумя мешками овса. Погрузили необходимые вещи и выехали из города на восток. Отец проводил нас за город и распрощался с нами. Дальше мы поехали с матерью вдвоём, с нами ехала семья директора института на другой телеге.

Мне пришлось осваивать науку как запрягать лошадей, как кормить, как поить и т.д. В 1941 г. очень рано похолодало и уже к концу сентября были морозы, выпал снег. Обычно мать уходила ночевать к людям, которые пускали ночевать, а я, как правило, ночевал на телеге, сторожа вещи, телегу и лошадей. Однажды вечером лег спать, когда шел дождик, а утром проснулся и не мог вылезти из-под одеяла. Оно замерзло и сверху присыпало снегом. Ждал пока меня освободила из плена моя мама.

Беженцев было очень много, некоторые шли пешком, иные на лошадях, изредка на машинах. Люди в основном понимали постигшее всех горе, пускали на ночлег, иногда подкармливали. В одну из ночей, уже при подходе к р. Дон, у меня украли лошадей. Остались мы с телегой и вещами. Мать договорилась с трактористами, которые угоняли тракторы, телегу нашу прицепили к трактору, а меня посадили за руль неисправного трактора. Так мы переправились

через р. Дон и доехали до ст. Давыдовка. Там тракторист нас бросил. Мы с матерью решили ехать поездом. Добрались до ст. Лиски, пытались сесть на поезд, но нигде нас не пускали, все было переполнено. Оставаться в Лисках было опасно, т.к. эта большая узловая станция постоянно подвергалась бомбежкам, и мы уехали пригородным поездом на восток до ст. Бобров. Бобров также часто бомбили немцы. Однажды был разбит и подожжен состав с горючим, был большой пожар, а фашистские самолеты разворачивались, низко летели и расстреливали из пулеметов город и базарную площадь. Самолеты летали так низко, что было видно летчиков. Я лежал за фундаментом дома и все это видел. Однажды, в доме, где мы жили, остановились командиры остатков войсковой части технического назначения, которые направлялись в тыл на переформирование. Мать упростила командира взять нас с собой, нас разместили в крытой машине, где были токарные и др. станки. Стояли морозы! Холодно в машине, кругом железки. Мы выдержали только до Новохоперска и решили там остановиться. Дальше ехать невозможно. Направление у нас было в г. Энгельс, но мы решили зимовать здесь. Нужно сказать, что очень хорошо была организована эвакуационная служба. Почти на всех станциях были эвакупункты. Они регистрировали, помогали устроиться и др.

Нас направили в село Алферовка в 120 км от Новохоперской в колхоз «Искра». Там мы устроились на квартиру и начали работать. Зерновые были скошены и сложены в скирды. Мы работали на молотилках, сортировках, засыпали зерно в мешки и отправляли на саях (обозами) в Новохоперск «для фронта». Работали на морозе, в холоде, но хлеб давали. Так мы проработали зиму. Весной посевная, огороды и др. сельскохозяйственные работы.

Летом немцы начали новое наступление, подошли к Воронежу, к р. Дон. Обстановка осложнилась. Эвакупункты собрали всех эвакуированных ранее, подготовили вагоны и нас всех отправили уже поездом в Сибирь. Кстати, мой отец много положил труда, чтобы нас найти. Он приехал в Энгельс после оккупации г. Лебедина, где-то он встретил знакомого, который сообщил ему, что видел нас в Лисках, как мы сели в поезд и этот поезд был разбомблен. В Энгельсе отец был направлен в один из районов АССР Немцев Поволжья, заведовать молочно-товарной фермой. Там людей не было (немцев вывозили), началась зима, ни одежды, ни денег и отец пошел в военкомат, хотя был невоеннообязанный. Отец не верил, что мы погибли. Писал во все концы. Хорошо сработала эвакуслужба. Из Бугуруслана, где

располагался центр эвакуации, пришел ему ответ с нашим алферовским адресом. Отец был уже на Карельском фронте. Полученное от него первое письмо было нам радостью, которую невозможно описать.

Люди, у которых мы жили на квартире, также радовались вместе с нами. А когда пришлось уезжать – снаряжали нас все соседи. Перепекали хлеб дважды, собрали продуктов на дорогу. Мы ехали поездом больше месяца. Хлеб не испортился, продукты также.

Приехали в Кемерово в сентябре 1942 г. Поселили нас в бараке, в квартире, где были мыши, грязь, вши, холод и т.д. Мать мою определили работать на коксохимический комбинат, табельщицей, а я поступил в горный техникум. Отец в письмах настоятельно писал, чтобы я учился. Получали карточки, мама - рабочую на 800 гр. хлеба в день и продукты по норме, а я как ученик - 400 гр. хлеба. По нынешним понятиям хлеба больше, чем достаточно, но тогда кроме хлеба практически ничего не было из еды. И, бывало, получишь пайку, пока домой дошёл – половины нет, а впереди еще сутки!

Потом матери предложили работу учителем в школе, рядом с коксохимическим комбинатом, там же в школе и поселили ее. Комнатка метров 8 м² с печкой (бывшая сторожка), но это было роскошно для нас после барака.

В техникуме подобралось несколько человек, эвакуированных из Украины. Мы сплотились и верховодили в техникуме, за что нас местные недолюбливали и иногда затевали драки. После первого курса был на практике, работал подручным у печника, потом в лагере военной подготовки.

Как-то мы с друзьями увидели объявление о наборе курсантов в военное мореходное училище, которое располагалось в г. Тайшет, на Байкале. Мы решили идти поступать. Пошли в военкомат втроем: Горшков Николай (из Донбасса), Любиц Израэль (также из Украины) и я. Пошли на комиссию, их пропустили, а меня забраковали и даже не сказали почему. Потом узнал, что я - дальтоник. Я очень расстроился, чуть не плакал, но делать нечего. И однажды увидел объявление, что Днепропетровский институт инженеров транспорта объявляет набор студентов. Работали подготовительные курсы. Карточки – 600 гр. хлеба плюс дополнительное питание. Мы с мамой подумали, отец также настоятельно рекомендовал учиться и я решил ехать в Новосибирск, где размещался в то время институт.

Приехал практически без документов об образовании. Хотелось поступить в институт с Украины! Члены приемной комиссии сами

пережили эвакуацию, меня поняли и зачислили на подготовительные курсы.

Через два месяца сдал экзамены, даже были отдельные «4» и был зачислен студентом. Обучение в то время было платным и отец прислал мне справки, что он находится в действующей армии и плату за учебу с мамы не брали. Мать работала в школе учителем и зарплата у неё была очень маленькая, помогала мне, как могла, иногда присылал немного денег отец, но какие деньги у рядового солдата, только потом, когда он окончил курсы политработников, получил офицерское звание, он смог посылать нам уже более значительные суммы.

Я получал стипендию, насколько помню рублей 250-300. Буханка хлеба на базаре стоила 300 – 350 рублей. Приходилось зарабатывать разными способами. Ходил на вокзал за носильщика, работал на обувной фабрике – платили заготовками на ботинки, но их еще надо было продать. Занимался спекуляцией. Я ехал на базар в центр города Новосибирска и там покупал хлебные карточки. В общежитии у нас были мастера, которые делали из картошки штамп прикрепления карточек к магазину, в магазине получал по этим карточкам хлеб и на привокзальном базарчике продавал. Разница в цене была примерно в 2 раза. Покупал карточки по 150 за кило, продавал хлеб примерно по 300 руб. Но, ведь, сам тоже был голоден. Однажды я купил хлеб по карточке, буханку, килограмма два. Круглый, подовый хлеб, очень свежий, еще теплый, пахнет хорошо. Я заломил за него цену такую, что никто не купил, уже стемнело, людей нет, и я пришел в общежитие с этим хлебом. На дощатом столе, горка соли. Я сел за стол, денег нет, есть хочется и потихоньку отщипывал по кусочку, макая в соль, и незаметно всю буханку съел. Морозы стояли сильные, пальтишко у меня осеннее, туфли были, вместо носков тряпичные портянки. В общем, сложно, трудно, но прожили. Началось освобождение Украины. Мать переехала домой в Лебедин. Летом начал готовиться к возвращению нашего института в Днепропетровск. Я настроился ехать сопровождающим вагонов с институтским оборудованием. Комфорта мало, зато бесплатно. Нас было по 3 человека на вагон. Насобирал денег, известными путями, продал карманные часы, которые мне дал отец при выезде из Лебедина и поехали.

Ехали долго. Надо было кормиться, бегали на станциях на базарчики, где покупали картошку, хлеб и прочую еду.

Но вот в Ртищево я пошел на базар и попал в облаву. Это мероприятие такое! Базар оцепляли и всех мужчин выпускали после

проверки документов. У меня паспорта и военного билета не было, только спец. удостоверение, и меня задержали.

Дело в том, что во время войны, да и после, железнодорожный транспорт считался предприятием оборонного значения. Уйти с работы было нельзя. Для этого при оформлении на работу у человека отбирали паспорт и военный билет, а взамен выдавали единое удостоверение железнодорожника. Такое удостоверение было и у меня, но его не приняли во внимание и посчитали меня дезертиром. Приходил наш старший, который имел бумаги, подтверждающие кто мы, но все осталось на месте. Только поздней ночью прибыл начальник, разобрался и меня отпустили. Я только успел подойти к вагонам, как поезд тронулся. Как доехали до Харькова, я отпросился и поехал в Лебедин, чтобы встретиться с матерью, чтобы сказать ей о смерти отца, так как она уехала из Кемерово до того, как пришло извещение о смерти отца, орден отечественной войны I-й степени, которые я получил в Новосибирске, а адрес матери еще не был известен. Поэтому я с приездом в Лебедин должен был принести матери такое несчастное известие.

В Лебедине я пробыл не долго, меньше месяца и поехал в Днепропетровск на новое место учебы.

Днепропетровск – большой промышленный город. Когда я туда приехал (конец августа 1944 г.) город был сильно разрушен, но уже работал трамвай, иные предприятия и учебные заведения. В нашем институте более-менее хорошо сохранился учебный корпус, а общежитие и другие хозяйственные и спортивные сооружения были весьма в плачевном состоянии.

Наш Днепропетровский институт был маленьким городком в Днепропетровске. Все корпуса были в одном месте на окраине города. Прибывших из Новосибирска студентов разместили в учебном корпусе, в аудиториях на 4 этаже, аудитории большие и в каждой из них помещалось 30 кроватей. Но жилье было. Мы постоянно участвовали в строительно-восстановительных работах. Убирали мусор, выгружали строительный материал, работали подсобниками у строителей. Все это без отрыва от учебы. Кроме этого надо было зарабатывать на питание. За учебу я не платил, стипендию получал небольшую, мама присылала немного денег (она работала в две смены, но зарплата учителя была маленькая (400 – 450 руб.). В связи с гибелью отца, деньги по аттестату не платили. Приходилось искать работу. Главные заработки у нас были – разгрузка вагонов на станции и в

порту на Днепре. Наш институт был рядом. У нас была бригада, и мы работали вдевятером по ночам.

В мае 1945 г., в ночь на 9-е, нас разбудили радостные крики «Война закончилась!». Мы все вскочили, вышли на улицу, возник стихийный митинг. Потом пошли в центр города, там тоже был митинг, все были очень возбужденные, радостные, весь день ходили по улицам города! Нашу радость трудно описать. Это надо пережить. Активизировались работы по восстановлению института, уже к новому учебному году начали ремонтировать общежитие, в начале женское, а потом и мужское. Летом, будучи на практике, мы стремились хотя бы немного заработать. Надо было не только есть, но и одеваться.

Мы, люди молодые, хотелось и потанцевать с девушкой и в кино сходить или просто погулять. А как пойдешь, если на штанах сзади дыры.

В числе студентов были обеспеченные ребята, которые имели достаточно одежды, еды и денег. Приходилось просить у них штаны или пиджак, сходить на танцы или в кино. Многие из них отказывали.

Были и такие примеры. Заключалось пари: съесть 100 гр. хлеба за 100 шагов. Съешь – выиграешь пайку (100 гр.), не съешь 40 гр. – проиграл. Или кто съест немецкий (3 литра) котелок каши. Это конечно от голода. Хорошо подработал я, будучи на производственной практике в депо Львов – Запад. Во-первых цены на продукты во Львове значительно ниже, чем в Днепропетровске, во-вторых заработок был значительно выше, чем мы демали. В том числе и за счет замены местных работников. Со мной работал кочегар-местный. Несмотря на то, что он имел 4 разрешения управления поездом (немецкое, польское, австрийское и русское), ему разрешили работать только кочегаром. У него был свой дом и хозяйство, когда ему было нужно, он приносил нам корзину с едой, а мы за него работали смену. Во Львове нас была группа из 6 человек. Мы часто питались очень скромно, экономили. Как-то раз, Мария с подругой, тогда еще моя девушка, зашла к нам в общежитие, когда мы обедали. Обед у нас был – вареная пшеница, большая кастрюля. Мы их приглашали поесть, но они от такой еды отказались.

В общем, наша жизнь протекала в получении знаний – учебы, а также в поисках еды и одежды. Жили в общежитии дружно, помогали друг другу, хотя, расслоение на обеспеченных и не очень было. Последний год учебы запомнился мне таким примером. Зимой я

встречал в тапочках. Выпал снег, а в моих тапочках протерлась подошва. Идти в институт хоть и не далеко, но не в чем. Тогда мои товарищи по инициативе участника войны, инвалида Немковского О.И. собрали денег и купили мне ботинки – кожаные, армейские, американские! Я до сих пор благодарен товарищам за такую помощь. К сожалению почти никого из них в живых уже нет. После окончания института и защиты диплома, я получил назначение в Донецкий округ железных дорог, который размещался в г. Харькове. Рассчитывал получить работу где-то ближе к родным местам, но когда после отпуска прибыл в управление округа, то получил назначение на Сталинградскую дорогу, а из Сталинграда был направлен в депо Петров Вал.

Туда я прибыл 1 сентября 1948 г.²

Для цитирования: Пинчук Ю.С. Завтра была война... (из воспоминаний Ю.Я. Пинчука) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 172-180.

² См.: Пинчук Ю.Я., Пинчук Ю.С. Так начиналось депо Петров Вал // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. – Вып.26. С. 157-162.

«ВРЕМЯ-ТО ЕЩЕ ДРУГОЕ БЫЛО...»: ИЗ БЕСЕДЫ В.И. КАЦА
С А.В. ГЛАДЫШЕВЫМ И В.А. МИТРОХИНЫМ¹

В.И. Кац

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: gladav2002@mail.ru

Аннотация. В публикации приведены отрывки из частной беседы с Владимиром Ивановичем Кацем, в ходе которой он рассказывает о своей молодости. Об учебе на историческом факультете Саратовского университета, о работе учителем истории, о первых экспедициях, велосипедных, лыжных и пеших походах, о знакомстве с известными археологами, о своем пути в науку. Это рассказ о «других временах и нравах», о людях во времени.

Ключевые слова: В.И. Кац, Саратовский государственный университет, античная археология, керамическая эпиграфика.

«THE TIMES WERE DIFFERENT...»: FROM A CONVERSATION
BETWEEN V.I. KATZ WITH A.V. GLADYSHEV
AND V.A. MITROKHIN

V.I. Katz

(Saratov, Russia)

e-mail: gladav2002@mail.ru

Annotation. The publication contains excerpts from a private conversation with Vladimir Ivanovich Katz, during which he talks about his youth. About studying at the history department of Saratov University, about working as a history teacher, about his first expeditions, cycling, skiing and hiking trips, about meeting famous archaeologists, about his path to science. This is a story about «other times and customs», about people in time.

Key words: V.I. Katz, Saratov State University, Antique Archaeology, ceramic epigraphy.

Владимир Алексеевич Митрохин (далее - В.А.М): Владимир Иванович, мы с Андреем Владимировичем хотели бы сегодня в непринужденной дружеской атмосфере застолья предаться воспоминаниям о прошлом, чтобы потом, возможно, опубликовать кое-что на страницах издания «История и историческая память».

¹ Аудиозапись беседы из архива редакции была сделана 12 июля 2021 г. Публикуется с сокращениями.

Андрей Владимирович Гладышев (далее – АВГ): Помимо чисто научных статей, текстов докладов на конференциях и рецензий в «Истории и исторической памяти» мы публикуем письма, отрывки из дневников, воспоминания самых разных людей. Тем самым мы пытаемся сохранить в памяти потомков те частички прошлого, которые, не будучи историоризированы, скорее всего, канут в лету. Поскольку Вы, Владимир Иванович, личность, безусловно, неординарная и даже слегка легендарная (через Вас прошли поколения выпускников исторического факультета Саратовского университета), мы хотели бы сегодня послушать очередные Ваши байки. В свободной форме, без всякого плана и заранее обозначенных горизонтов ожидания. Для упрочения памяти.

Владимир Иванович Кац (далее – ВИК): Дело это полезное... Кстати, о письмах. В семейном архиве сохранились сотни писем с июня 1941 по февраль 1946-го гг., адресованные Зое Григорьевне Кац, проживавшей в годы войны в Саратове. Автор писем Василий Петрович Савин, офицер-артиллерист и штабной работник... История у них очень интересная. Накануне войны, буквально за неделю, была сельскохозяйственная конференция в селе Носовка на Украине. Там они впервые встретились. Вместе они провели лишь 10 дней и уже 23 июня распрощались под вой сирен воздушной тревоги на вокзале города Нежина. Но эта встреча стала началом активной переписки на протяжении всех военных лет. В феврале 1946 г. В.П. Савин демобилизовался, приехал в Саратов, и в том же году они поженились. Сохранились только письма отца. В каком отношении эти письма интересны? Там о боевых действиях практически ничего нет, но очень много написано о самой обстановке, взаимоотношениях солдат, их быте и настроениях. Это не одно-два письма с фронта, как это иногда можно увидеть в музеях. Это весьма объемный пласт документов. Уникальный источник. По прочтении этих писем мне стало ясно, почему мы, собственно, выдержали войну. Савин Василий Петрович 1905 г.р. – такой типичный представитель всего советского. Из сельской местности: деревня Григорево Тверской губернии. После революции поступил учиться в сельхозинститут в Ленинграде. Собирался поступать в аспирантуру. В общем, это Советская власть открыла ему дорогу. Вот такие-то люди и выдержали войну. В его письмах много интересных штрихов. <...> Например, он писал, как Красная армия вошла в Восточную Пруссию, как их принимало население, какие чувства смешанные переживали солдаты. Его письма передают атмосферу настроений. <...> После войны он

приехал в Саратов, где и прожил до 1992 г. Большой карьеры не сделал, но был директором Краснокутской селекционно-опытной станции. Я потом туда ездил работать. Конечно, у нас была «социалистическая демократия», но смотрели там на меня как-то странновато. <...> Передала мне письма О.В. Плотникова, младшая дочь В.П. Савина. Я набрал на компьютере некоторые отрывки из его писем. Не все, конечно. Вместе со вступительной статьей я их передал в Саратовский областной музей краеведения, где в апреле 2018 г. была организована выставка «Письма с фронта» в рамках проекта «Помнить. Нельзя забыть». Но никаких изданий у нас тогда не получилось... Было бы лет 20 назад, я бы сам занялся их изданием.

АВГ: Это в каком году-то было?

ВИК: 1952 и 1953 гг.

АВГ: Почему Вас в Красный Кут на ток-то понесло? Или на вояжку? Колымили, что ли?

ВИК: Ну, а почему бы и не на ток? Я заработал за один год на полвелосипеда, а за другой на полфотоаппарата.

ВАМ: Понятно. Владимир Иванович, скажите, вот сейчас пытаются пересмотреть итоги и ход войны, в частности, Прохоровское сражение...

ВИК: Да. Там у них «Фердинанд» появился, «Тигры», «Пантеры» <...> Одна из причин победы, также в том, что наши «Т-34» делались для человека, который пришел из колхоза или что-то вроде такого. Их можно было прямо в поле отремонтировать. А немецкая техника, хоть и дальнобойная, но сложная в эксплуатации, на ремонт им танки приходилось эвакуировать. <...> Проблема в том, что всякие там «резуны» пытаются вообще пересмотреть всю историю Второй мировой войны...

АВГ: Мы не так давно общались с Сергеем Юрьевичем Монаховым и у нас зашел разговор об открытии археологической лаборатории на историческом факультете нашего Университета. У Николая Михайловича Малова, естественно, своя версия будет, у Монахова своя. Но оба они сходятся в одном. Что идея принадлежала некому Владимиру Ивановичу Кацу. Или...?

ВИК: Нет. Там интереснее было. У Максимова идея была. Хотя, действительно... Дело в том, что у меня в связи с работами по мелиорации Поволжья возник вопрос о деньгах, где деньги на разведки памятников? Когда создавался Институт мелиорации, этот вопрос как-то упустили. Никто не почесался. <...> Я ездил в Москву. В министерство, пришел к заместителю министра с бумажкой из университета...

АВГ: Сейчас бы на порог не пустили.

ВАМ: Мир был более демократичным.

ВИК: Демократия была та же самая... Ну, так вот. Я пришел к замминистра, сижу с 9 утра, а дело уже к 12 часам. К нему заходят, выходят... Секретарша говорит: «Давайте сейчас, иначе он уйдет на обед». «Прорваться» я не успел, как он сам вышел. Я за ним. А у них это министерство недалеко от Казанского вокзала. У них лифты постоянно движутся с открытыми кабинами. Я этого замминистра в лифте и прижал. Деваться ему некуда и он меня тогда спихнул в отдел... Там мужик какой-то сидит, я ему об археологии говорю, а он – у нас уже все запланировано, нужна смета и прочее. <...> Тогда Володя Игнатьев, он небольшой период времени работал на истфаке, а потом заведовал районо в Аткарске и пользовался большим авторитетом, надавил на местные колхозы, совхозы, и они скинулись на финансирование создания археологической карты Аткарского района. Вот с того времени лаборатория и открылась.

АВГ: То есть, Москва так ничего и не дала, и не отреагировала.

ВИК: Здесь другое. Если бы, когда еще только составлялся проект освоения этой территории, то тогда бы можно было в него влезть с обследованием памятников археологии. Так, что я как основатель лаборатории «с бока – припёка».

ВАМ: Это просто проявление типичной для Каца Владимира Ивановича избыточной скромности.

ВИК: Ну, у меня всегда... Скучно сидеть на одном месте, ничего не делать.

ВАМ: Еще один такой человек есть, он по морям и океанам ходит. Он говорит, дома скучно. Конюхов Федор.

ВИК: Не дома скучно, а скучно, если ничего не делать... Когда я работал заместителем декана по заочному и вечернему отделению, я пытался революцию сделать. 1979 г.... Нет, нет. Стоп, я с шестьдесят девятого стал работать. Два года был секретарем приемной комиссии. Это где-то начало семидесятых. На протяжении пяти лет был замдеканом. Тогда же замдекана-то был всего один, не то, что теперь. Так вот... Вспомнил дореволюционный обычай выдачи дипломов с распределением по местам. <...> Я тогда что сделал? Сел и просчитал баллы всех, кто у нас заканчивал в том году: оценки на протяжении всех шести лет. У меня рейтинг получился. И выдавал дипломы в том году по рейтингу. Те, кто лучше учился, получали первыми. На распределение на работу это не влияло, но начинание все равно погорело... Да. Еще одну реформу провел. Обычно у нас заочники

приезжали на сессию, дней на 15. Им читали курсы, а потом они сдавали экзамены. Я предложил, чтобы по приезду на сессию дня три-четыре им начитывали лекции по всем дисциплинам, которые предстояло сдавать в эту сессию. Потом перерыв на неделю для сдачи экзаменов. А потом им начитывают то, что они будут сдавать в следующую сессию. И те, кто не сдал экзамены, могут в конце сессии досдать. Казалось бы, логично.

ВАМ: Как сейчас установочные сессии ввели.

ВИК: Так вот. Дело в том, что казалось бы логично. Но у нас Иван Васильевич Галактионов был. <...>

АВГ: <...>

ВАМ: <...>

ВИК: Ну, «феодал», не феодал... Но между прочим, толковый был преподаватель. Я к нему попал на первом курсе. На семинарах источники разбирали. Кстати, он был деканом несколько лет. Ну, так и вот. Ему моя система дюже не понравилась. И он в сессию однажды тащит ко мне офицера кого-то из заочников и говорит, что этому офицеру тоже такая система не нравится. Я ему отвечаю: «Иван Васильевич, какой студент будет возражать преподавателю, которому ему еще экзамен сдавать». Все-таки в Иване Васильевиче было ядро. <...> Он воевал и, кажется, в плену был, и в СМЕРШе...<...>

ВАМ: Расскажите свою «сибирскую историю»...

ВИК: Не сибирскую историю, Саратовскую... В седьмом классе я больше Волгой и рыбой интересовался, а в старших – уже историей. За два года до меня эту школу № 18 Олег Табаков закончил. Учителем истории была Клавдия Игнатьевна Козенко; ее сын Борис потом специализировался на Новом времени. Симпатичный мужик. Я у Клавдии Игнатьевны был любимчик. Директором школы был М.Г. Галицкий. Видимо, был наслышан о моем увлечении историей. В 10-м классе мы тогда проходили историю революции 1905 г., которая мне совершенно не нравилась. А он зашел в класс и сходу мне: «Идите к доске. Второй съезд партии РСДРП»... Съезд был в 1903-м, революция и третий съезд – в 1905-м... Я в учебнике успел посмотреть, что какой-то съезд был во время революции. Вышел к доске и минут десять вещал. О том, что нужно было царизм побороть, а для этого объединить все антиправительственные силы. Ну, я и объединил меньшевиков с большевиками. Галицкий выслушал все спокойно. И двойку поставил. Класс был в шоке: никто не понял за что

– ведь десять минут человек трепался. Спасибо Галицкому. После этого я взялся учить историю и двадцатого века.

ВАМ: И Вы после этого окончательно решили стать историком?

ВИК: Да нет, я до этого уже, наверное, решил. Естественно, что после окончания школы подал на истфак. Ну, как все нормальные будущие историки по конкурсу на дневное отделение не прошел. И С.Ю. Монахов потом не прошел... Надо сказать, что тогда, конечно, год был, тот еще. 1954-й. Ну, на заочное отделение попал. Когда учился на первом курсе, у меня мать умерла. Она работала здесь в сельхозуправлении, ведала селекционно-опытными станциями. Подсуетились ее бывшие сотрудники и допустили меня до посещения дневного. Ну, несколько раз ходил на занятия на птичьих правах. Дневники сдавали тогда одновременно первобытное общество и археологию. Лекции читал Иван Васильевич Сеницын. Я к нему прилип, провожал его после лекции до дома, а по дороге трепался по поводу ацтеков, майя, хотя его интересовало Поволжье. Я ему сдал первобытное общество еще на заочном отделении. На дневном я пошел к нему сдавать «первобытку» с археологией первым. Ну, и сдал. Ну, и после этого сессию всю нормально сдал и перевели. После первого курса тогда никакой археологической практики не было, но Сеницын копал в зоне затопления напротив Камышина – Николаевка, Бережновка, Молчановка. Я, естественно, поехал к нему в экспедицию. Экспедиция шикарная была. Студентов, в общем-то, не было, нанимали пару рабочих за деньги. Аспирант Максимов еще был.

АВГ: А что там копали-то?

ВИК: Там все что угодно было. Там и монголы были. Монголку одну до сих пор помню. У нее на шее были два шестилучевых золотых украшения, стянутых медной проволокой. Красивые. Наверное, муж на Руси грабанул.

АВГ: Подарил любимой. И она умерла от счастья.

ВИК: Кстати, учился тогда у нас Михаил Исхизов, будущий главный редактор Саратовского областного комитета по телевидению и радиовещанию. Судьба у него интересная. Он 1924 г. рождения. В 1944 г. попал на фронт. Служил в противотанковой артиллерии. Уцелел. Потом еще год служил в армии. А после демобилизации поступил на истфак. Был он и у Ивана Васильевича Сеницына. Он потом написал книжку, в которой, в частности, описал и нашу экспедицию. И я там фигурирую как «шкет молодой». Правда, на втором курсе в экспедицию я не поехал: еще одна забористая была идея – на велосипеде поехать по Украине. И эту идею мы осуществили. Я и

еще два приятеля: Валентин Смолин и Ренат. Взяли карту. Обычные дорожные велосипеды. Багажный вагон. Доехали до г. Валуйки. Сели на велосипеды: Харьков, Полтава, Киев, Белая Церковь, Умань, Николаев, Одесса. Потом на пароходе доплыли до Евпатории. Из Евпатории в Симферополь, Бахчисарай, Ай-Петри, Ялта, Алушта, Судак, Старый Крым, Феодосия, Керчь. В общем, вот такой маршрутик. Где-то месяц путешествовали. Ничего. Никаких проблем. Никаких спальных мешков, только плащ-палатка на случай дождя. Это тому, кто в серединке хорошо, а тем, что по краям – мокро. В Киеве удалось от профкома студентов выправить бумагу с просьбой о содействии. Тогда такие инициативы были ещё не слишком распространены. Бумага помогала. Особенно, когда с билетами было туго и в первую очередь командировочных пускали. Товарищ мой Валька, махал этой бумагой и кричал: «Нам ее сам Махов подписал!»... А Махов – это председатель профкома студентов.

ВАМ: Круто, если сам Махов...

ВИК: В Киеве, Одессе, Евпатории по этой бумаге переночевать в спортзал пускали... Время-то еще другое было. С милицией очень хорошие отношения. Приезжаешь, показываешь бумажку, и вот вам. В Симферополе на милицейской гауптвахте ночевали. В Алуште в милиции говорят, что велосипеды в гараж на ночь поставим, а вот ночевать негде, не в КПЗ же... Так мы в чей-то сад забрались. Думаем, если поймают, так в милицейскую КПЗ и отведут.

ВАМ: Простите, Владимир Иванович, какие велосипеды были: ПВЗ Харьков?

ВИК: Харьковские, да. Обычный дорожный велосипед. Кстати, выдержал; только, когда по горному Крыму уже лазил, шина протерлась.

АВГ: Это на таком, на который на Краснокутской станции половину суммы заработали?

ВАМ: Ну да, правильно. Остальное мать дала. Питались всякими концентратами, с собой сахар. Ягоды, огурчики. Ну конечно, с деньгами туговато было. В Саратове тогда с хлебом уже плохо было. А там, на Украине хлеб еще был: вообще бесплатно стоял на столах. Горчичкой намазал и с удовольствием съел. Как-то так... Где-то по дороге от Белой Церкви к Николаеву, заехали в какое-то большое село. На околице увидели молодуху, хлопотавшую около печки. Попросили и нам воду в котелке вскипятить. Ребята поехали в центр искать председателя, а меня оставили суп гороховый из концентрата варить. Молодуха смотрит, смотрит, потом спрашивает: «А вас давно

выпустили?»... Тут ребята вернулись, они до председателя колхоза достучались. Колхоз там богатый был. Председатель написал бумажку кладовщику в гостевой дом: «Выдать каравай хлеба, масло, овощей».

АВГ: Махов – это великий человек, председатель профкома.

ВИК: Третий курс был переломный. Дело в том, что у нас завкафедрой Древнего мира и археологии был Эдуард Кришевич Путнынь. Кажется, из латышских красных стрелков. Учился и защищался в Москве. Он договорился о том, чтобы на третьем курсе те, кто специализировался по истории древнего мира, проходили практику в Херсонесе Таврическом. На той же кафедре работал и Иван Васильевич Синицын, у которого я был дипломником. Иван Васильевич ехать в Херсонес жутко не хотел. Он планировал копать в то время в Калмыкии. Но под давлением Путныня поехал. Синицын такой был: нужно сделать, сделает. Я в той экспедиции с Станиславом Францевичем Стржелецким сидел до начала сентября. Тогда вот я впервые прикоснулся к античным материалам. В руках подержал. Мне уже пишут, что отчислять собираются: сентябрь месяц, занятия идут, а меня нет. Ну, я поехал через Керчь. Кстати, и там денек поработал в экспедиции с Сашкой Горловым... Вернулся в Саратов, а заниматься местной археологией стало не очень интересно, я попытался заняться античным импортом в Нижнем Поволжье. Потом понял, что бесполезно. Древнего языка я не знаю... Иван Васильевич, обиженный, от нас ушел на кафедру истории СССР. Появился у меня новый научный руководитель – Финина Яковлевна Коське. Но она работала недолго. Года четыре, потом она перебралась в Орехово-Зуево. Так я и вышел на Херсонес, показалось интересным заняться внешними торговыми связями Херсонеса, в том числе и с Волгой.

На четвертом же курсе у нас была военная кафедра, экзамены и прочее. Свободными оказались только две недели августа. Я решил посмотреть Танаис на Дону. Но теперь был уже другой велосипед. На пароходе доплыл до Сталинграда, там у меня тетка жила. От нее двинулся на Ростов. Карт хороших не было. Я прикинул. Ну, думаю, километров 400. Вначале на Калач. Оттуда я пропетлял дорогу. Напрямую на Ростов что-то я не попал, попал на Шахты. А с Шахт на Новочеркасск и Ростов. Думал, километров 400, а там 600 оказалось. Но за четыре дня я одолел. Вечером приехал в Ростов. Пошел на почту. Отбил домой телеграмму, что жив. Утром поехал искать экспедицию Д.Б. Шелова. Его не было, но нашел экспедицию

А.А. Формозова. Палеолит копали, а мне он был не интересен. Узнал, что есть еще экспедиция у станицы Елизаветовская. Я туда перебрался. В.П. Шилов открыл там знаменитый курган в группе «Пять братьев». Я у него дня три поработал. Там просто: приехал, представился, пошел работать. Назад на велосипеде до Ростова, а там – на пароход в трюм и до Саратова. Сам на корме. С цыганами. Ну, с ними ничего, даже подкармливали. В Сталинграде хотел на велосипеде прокатиться до тетки, но колесо сломалось: от парохода отстал. Поэтому дальше на поезде. <...> Потом, естественно, ездил в экспедиции в Херсонес. Жили мы и спали прямо на территории археологического памятника. Туристы ходят, дивятся. <...>

Постепенно влез в Херсонесский материал. Узнал, что отчеты о раскопках были. На пятом курсе перед защитой дипломной работы решил поехать в Питер, чтобы архивы посмотреть. Первый раз в архивах работал. Тут уже своя история. Успел отчеты Карла Казимировича Косцюшко-Валюженича в ЛОИА посмотреть. На обратном пути в Москву заехал. Я уже знал, что крупнейшим специалистом по клеймам на тот момент был Граков Борис Николаевич. Тем более что он в двадцатые годы был приятелем Сеницына: у Рыкова в Заволжье вместе в экспедициях бывали. Встретился с Борисом Николаевичем. Ну, сказал, что из Саратова, что ученик Сеницына. Он со мной по коридору походил, узнал, чем занимаюсь. Очень демократично. «Зачем, - говорит, - ты в Ленинград ездил?». Зашли к нему в музейную аудиторию. Там он один шкаф открыл, а все соты в нем заполнены клеймами Причерноморья. Мне оставалось только облизываться. Там этих клейм... тридцать пять тысяч. И притом, еще рукопись свода керамических клейм была.

ВАМ: А теперь про то, что было после защиты дипломной, про Сибирь. Тогда могли распределить, куда угодно. У меня матушка после Вольского института попала в Сибирь по распределению учительницей. Так что это обычное дело было в советское время.

ВИК: Распределение 1959 г... В Саратове в школу распределиться не реально было: очередь из учителей. Я смотрел, где больше городского населения. А в Кемеровской области было семьдесят три процента, то есть в город больше шансов попасть. Выбрал Кемеровскую область.

АВГ: То есть, при Царе это называлась ссылка, а теперь стало распределение.

ВИК: По преданию, там, в Кузнецком остроге Ф.М. Достоевский сидел. В Кемеровском Облоно выбрал г. Мыски. Запись в трудовой

книжке: «школа № 12 Мысковского Гороно». Кстати, когда потом в отделе кадров Борисоглебского пединститута у меня документы смотрели, удивлялись, что по распределению сразу в «Москву» попал... Хотя не в Москву, а в Мыски – центр Горной Шории. Там строительство Том-Усинской ГЭС шло. По дороге в Мыски – рабочий поселок Подобас (Притомский), где только школу-восемилетку открыли. Вот туда меня и направили. Да, там «детки» на рысь охотиться ходили! С родителями их же я за три года работы, вообще никаких связей не имел. Интуитивно искал, как к ученикам подход найти. У меня никогда проблем с дисциплиной не было. Преподавал историю, географию, обществоведение. Единственная моя методика – чтобы интересно было. Хотя в штате и методист была – очень толковая тетка. Она говорила: «Столько нарушений, столько нарушений, но интересно». Когда в аспирантуру поступил, зашел в школу попрощаться, а там какой-то шкет через ступеньки прыгает.

– А Вы у нас больше не будете вести историю?

– Нет, уезжаю в Москву.

– Жалко.

– А тебе чего жалеть? Мало тебе двоек наставил?

– «Да двойки – пускай: они у меня в каждом классе. А у Вас зато интересно было».

Самая большая оценка моего труда. Зимой со школьниками в лыжные походы ходили по тайге. Времена-то еще другие были... Сейчас бы такое не разрешили. Сейчас же школьников из Энгельса в Саратов привезти – проблема...

А летом я со школьниками в экспедицию ездил. А.И. Мартынов предложил нам исследовать курганы на севере Кемеровской области, в верховьях реки Иня у села Абышево. Тогда я сам копал. В «курганах» ничего не нашли. Что это был за памятник, только потом понял: природного происхождения.

На второй год работы в школе решил провести археологические разведки в долине реки Чумыш. Там у села Кытманово кирпичный завод строили. С мужиками разговорились: костей в земле – не меряно. Походил: костей много, нашел каменный топорик. Стало ясно, что тут что-то есть. Бульдозерист оказался наш земляк из Урбаха, немец Поволжья. Поскреб он в одном месте глину, пятно появилось. Мы стали расчищать: лежат, голубчики. С горшками андроновской культуры. Это первая половина второго тысячелетия до нашей эры. Вот так мы несколько могил вскрыли. Нашли две пары золотых сережек. Стало ясно, что это грунтовой могильник. Я написал отчет.

Отправил в Москву. Попросил открытый лист на следующий год. На каникулы поехал в Саратов. По пути заехал в Барнаул и рассказал о могильнике местному археологу А.П. Уманскому. На следующий год со школьниками приезжаю – уже барнаульцы сидят. Ну, мы в другой стороне раскопчик заложили. Вот так три года, и зимой, и летом, со школьниками и ездил. Среди них были свои местные авторитеты, так что проблем с дисциплиной на уроках – никаких.

Помнишь, Андрей, как ты у меня педагогическую практику проходил в Аткарском районе, в с. Муммовка? <...> Это же тогда было поразительно. Каждый вечер после уроков в школе с детьми. В тебе школьный учитель пропал. <...> У нас интересная штука была на факультете. Официально мы готовили учителей для сельских школ. Агитировали за то, чтобы учителем стать в сельских школах – приходили всякие кураторы и прочие лица. Те, которые не только в сельских, а вообще в городских не были – сразу скакнули в аспирантуру. Поэтому я один из немногих мог действительно агитировать за сельскую школу. Я и придумал эту педагогическую практику в Муммовке. Игнатьев посоветовал. Там, все-таки учхоз, знаешь, приличные условия были. Школа довольно такая нормальная. <...> Мы из Муммовки до Аткарска в однодневные лыжные походы ходили. Самое интересное, все галочки ставили: и комсомольская организация, и спортивная, и прочие. Палец о палец не ударили, чтобы помочь в организации. Но и не мешали. Сейчас попробуй куда-нибудь. Тебе тут же столько бумаг потребуется, столько согласований. Да чтоб тебя еще милиция сопровождала. Действительно, это рискованно...

Когда со школьниками курганы у Абышево копал, раскоп был на другой стороне реки Иня от лагеря. А речка хоть и не широкая, но течение очень быстрое. Мы на берегу плоскодонку старую нашли с веслом в виде лопаты. Так и переправлялись. Как-то в мое отсутствие в лагере (за деньгами на почту уехал) одна девица пыталась тонуть. Ну, ее выволокли тут же. Потому что ребята другие были. Это не то, что современные, городские. Как-то приехали к нам на раскоп председатель колхоза и секретарь парторганизации. Посмотрели, задержались. Пора возвращаться, деревня – напротив, на другом берегу, а объезд километров десять. Они лодку попросили. Я на корме гребу, председатель в центре, а секретарь парторганизации на носу. До берега метр оставался, секретарь не выдержал, прыгнул и перевернул лодку с председателем. <...> Действительно риск есть.

Вспомнить хоть походы по Горному Крыму. Предупреждай, не предупреждай... Был у меня случай. Надоело ходить по одному

маршруту, решил я освоить новый через Южное побережье. У Олега Ивановича Домбровского проконсультировался. Доехали мы со студентами (это был курс Сергея Борисовича Суорова) до Фороса, вышли на старую дорогу, пошли. По старой дороге, что прямо у гор шла, дошли до кладбища партизанского, переночевали. А утром полезли по этой «Чертовой лестнице». По тропе, где Пушкин, подымаясь, за хвост лошади держался. Но мы с рюкзаками залезли наверх без всяких хвостов. Ну, сели, перекусили. Начали спускаться в Байдарскую долину. Я иду, смотрю: впереди меня идет один студент, шатается, плюется чем-то зеленым. Остановились, что такое? А он уже совсем слаб был. Грибы какие-то съел. Крепкий парень, теннисом занимался, а тут перебой пульса. Его водой отпаивают, а он хихикает. До деревни до медпункта дошли, там ему что-то вкололи, скорую помощь вызвали. Расследование показало – ложный поддубник с товарищем съел. Второй по ядовитости после бледной поганки. <...> В общем, были такие фокусы и случаи.

АВГ: Ну, а самый такой страшный случай?

ВИК: Вот этот самый, пожалуй... А еще, когда машина наехала на палатку. Это мы работали на Дону...

ВАМ (перебивая): А, когда я, плавая с маской, чуть не поймал за хвост ската? Только научился нырять, а там скат. Я за ним, азарт охоты. Выныриваю счастливый, эмоции: «Владимир Иванович, я чуть ската не поймал!». Он говорит: «Идиот один такой же в прошлом году все-таки поймал. Скат ему руку рассек, еле выволокли». <...>

ВИК: Когда я водку впервые пил, тоже 18 лет, наверное, или 19. В экспедиции, у Ивана Васильевича Синецкого. Там вообще всю рабочую неделю сухой закон. Но достойные находки накапливалось, то топор найдут, то еще чего-нибудь. Накапливались и поводы обмыть. И вот в субботу отправлялись утром на реку, наловили щук мешок. Приготовили. Вечером в палатке сели, народу немного все-таки было... И вот мне налили баночку трехсотграммовую. Ну я хватанул, посидел несколько минут, потом брык в палатке и уснул. Интересно, как, по-вашему, о чем споры шли во время таких возлияний по выходным? Это первая половина 1950-х.

АВГ: Да об археологии.

ВИК: Да ошибаешься. Там Мишка Сизов был, эрудит: о Маяковском спорили.

АВГ: Это я бы сто раз не угадал. Ну, была одна популярная версия, конечно.

ВИК: О бабах?

АВГ: Ну да.

ВИК: В Питере, когда самиздателей начали ловить, какого-то сотрудника Института археологии отловили. Началось следствие. Вот начали всех таскать. Пригласил следователь и Иосифа Беньяминовича Брашинского. Следователь спрашивает, не знает ли он такого-то сотрудника. Брашинский отвечает, что знает, в «курилке» общались. Следователь обрадовался: о чем говорили? Брашинский: ну о чем еще два мужика могут говорить. О бабах, конечно... Интересный был мужик Брашинский.

ВАМ: С.Ю. Монахов иногда вспоминает Брашинского. Кстати, а что Вы о Монахове в этой связи можете сказать?

ВИК: Забронзовел. <...> Молодцы: создали Институт, музей, но КПД у музея низкий. Да в этот музей, да пятиклассников бы со всего города. Ну издает он эти кирпичи с амфорами - это нормально. Гранты получает. <...> Тут другая беда-то произошла: Николай Федосеев помер, а у него проект был масштабный: опубликовать клейма Керченского музея. Опубликовал том о черепице, том о гераклейских клеймах и помер, и боюсь, что продолжать некому. Вот это вот обидно.

АВГ: Ну у вас же ученик есть по клеймам...

ВИК: Миша Иващенко, с комплексами, обидчив... Не надо обращать на это внимание. Надо сказать, что сейчас Миша влез в то, о чем другие понятия не имеют. Он печатается... Я ему давно говорил, нужно ехать было на юг куда-нибудь, в Херсонес в какой-нибудь, в музейные экспедиции... Но, он другой человек. <...>

ВАМ: Владимир Иванович, сфотографируемся на память?

ВИК: Да, можно.

ВАМ: Ну, давайте сделаем за столом! А потом вместо того, что сейчас на столе, с помощью фотошопа книжки подрисуем.

АВГ: На обложку очередного тома «Истории и исторической памяти» пойдет. <...> Есть люди эпохи. Это мы - продукты своего времени. А есть люди, которые могут олицетворять эпоху. И в узких кругах нашего исторического факультета иногда говорят: «эпоха Каца».

ВИК: Помнишь, где-то в девяностые годы справляли юбилей факультета и тогда провели опрос, среди выпускников, кто «лучший преподаватель». Н.И. Девятайкина тогда это организовала. Самое интересное, что я попал в эту категорию. Но, думаю, если бы

проводился опрос, а, кто самый «нелюбимый преподаватель», то я туда бы тоже попал...

Для цитирования: *Кац В.И.* «Время-то еще другое было...»: из беседы В.И. Каца с А.В. Гладышевым и В.А. Митрохиным // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 181-194.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК [821.111.09-992:910.4(477.75)] | 17/18 | (=111)+929Храпунов

ИМАГОЛОГИЯ, ТРАВЕЛОГИ И РУСОФОБИЯ. (О КНИГЕ Н.И. ХРАПУНОВА «АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И КРЫМ. КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX В.»)

Гладышев А.В.¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: gladav2002@mail.ru

Аннотация. В английской культуре к. XVIII в. – первой трети XIX в. «путешествия» играли особую роль, травелоги стали одним из самых популярных жанров у читающей публики. Усиление авторитета России на международной арене сопровождалось повышенным интересом британцев побольше узнать об экзотике этой страны. Монография Н.И. Храпунова призвана закрыть историографическую лакуну в изучении восприятия английскими путешественниками Крыма. Образ Крыма коррелировался с общим представлением об исторической роли России. Представленный в исследовании анализ травелогов показывает, что откровенно русофобские публикации были детерминированы коммерческими интересами и обидами. Даже политически нейтральные тексты отражают дихотомию «варварство – цивилизация», содержат представление о цивилизационной иерархии народов, на вершине которой находятся британцы. Ориенталистский дискурс не был гомогенным; анализ эволюции представлений о Крыме показывает, как после окончания Наполеоновских войн текущие политические и экономические противоречия соединяются в сознании британских путешественников со стереотипами пропаганды периода войны и накладываются на архетипический страх перед нашествием варваров, усиливая русофобские интонации.

Ключевые слова: Имагология, травелоги, британские путешественники, образы Крыма, русофобия.

IMAGOLOGY, TRAVELOGUES AND RUSSOPHOBIA. (ABOUT THE BOOK BY N.I. KHRAPUNOV «ENGLISH TRAVELERS AND CRIMEA. THE END OF THE 18TH – THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY»)

A.V. Gladyshev

¹ Гладышев Андрей Владимирович, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории; заведующий кафедрой региональной истории и музееведения Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи».

(Saratov, Russia)

e-mail: gladav2002@mail.ru

Annotation. *In the English culture of the late 18th century – first third of the 19th century, “travel” played a special role, and travelogues became one of the most popular genres among the reading public. Russia’s growing authority in the international arena was accompanied by an increased interest among the British in learning more about the exoticism of this country. N.I. Khrapunov’s monograph aims to fill the historiographical gap in the study of English travellers’ perception of Crimea. The image of Crimea correlated with the general idea of Russia’s historical role. The analysis of travelogues presented in the study shows that openly Russophobic publications were determined by commercial interests and grievances. Even politically neutral texts reflect the «barbarism – civilization» dichotomy and contain an idea of the civilizational hierarchy of peoples, with the British at the top. The orientalist discourse was not homogeneous; an analysis of the evolution of ideas about Crimea shows how, after the end of the Napoleonic Wars, current political and economic contradictions are combined in the minds of British travelers with stereotypes of wartime propaganda and are superimposed on the archetypal fear of barbarian invasion, efforts of Russophobic intonations.*

Key words: Imagology, travelogues, British travelers, images of Crimea, Russophobia.

При всей разнице жанровых форм и условности определений «травелога» и «путешествия» литература путешествий как явление культуры берет свое начало где-то во времена Гильгамеша и Одиссея. В английской культуре путешествие в другую страну играло особую роль. По своим целям оно рассматривалось и как способ получения новых научных знаний, и как поездка для учебы («образовательное путешествие» или «Grand Tour»), и как паломничество, и как туристический отдых, удовлетворяющий простое любопытство или отдающий дань моде. Публикация путевых заметок, даже если поездка состоялась по служебным или коммерческим делам, считалась хорошим тоном. Появились многочисленные наставления для путешественников с рекомендациями, на что именно следует обратить внимание. Мода на зарубежные поездки со временем становится, с одной стороны, даже предметом иронии самих англичан, а с другой порождает вымышленные травелоги, больше обращенные к осмыслению проблем собственно английского общества, чем к познанию экзотики «чужих» сообществ².

В англоязычных исследованиях травелоги долгое время не были научным мейнстримом, хотя охотно использовались литературоведами, а также теми учеными, кто интересовался образами «Другого».

² См.: Korte B. English Travel Writing from Pilgrimages to Postcolonial Explorations. New York, 2000; Rubiés J.-P. Travellers and Cosmographers: Studies in the History of Early Modern Travel and Ethnology. Aldershot, 2007.

«Ориентализм» (1978 г.) Эдварда Саида и «Заграница» (1980 г.) Пола Фассела стали вехами для использования литературы путешествий в самых разных областях гуманитаристики. Постмодернистская работа «Имперские глаза» (1985 г.) социолингвиста Мэри Луизы Пратт, посвященная стратегиям репрезентации, привлекла внимание к колониальному дискурсу травелогов XVIII - XIX вв. Когда дым от постмодернистских атак на историческую науку рассеялся, перед глазами читающей публики предстала целая новая область – *travel writing studies* со специализированными журналами, научными центрами и симпозиумами³.

В отечественной исследовательской традиции литература путешествий – это область в первую очередь текстологии и герменевтики, хотя и историки, озабоченные неожиданно свалившейся на них «методологической свободой» в 1990-е гг. и поисками новых «исследовательских парадигм» стали за последнюю четверть века активно окучивать нивы травелогов в рамках стремительно рвущейся к дисциплинизации имагологии⁴. Именно изучение этнических взаимовосприятий дало вторую жизнь травелогам под пером историков (помимо этнопсихологов, культурологов, разномастных антропологов и проч.). Поскольку имагология трактует образ «Другого» как отражение собственных проблем, травелоги и в отечественной, и в зарубежной историографии стали важным источником для исследований по формированию национальной идентичности⁵. В связи с антропологическим поворотом в военно-исторических исследованиях 1990-х гг. путевые заметки о солдатах и армиях, сошедшихся на полях сражений в к. XVIII - н. XIX вв., заняли достойное место в ряду источников при изучении человеческого измерения военных конфликтов⁶.

³ The Routledge Companion to Travel Writing / Ed. by C. Thompson. L., 2015; The Cambridge History of Travel Writing / Ed. by N. Das, T. Youngs. Cambridge, 2019 и др.

⁴ *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters* / ed. J. Leerson. Amsterdam; New York, 2007; *Zacharasiewicz W. Imagology Revisited*. Amsterdam; New York, 2010; *Промыслов Н.В. Имагология. Представления народов друг о друге. Учебно-методическое пособие*. М., 2021.

⁵ Например: *James L. Travel Writing and Encounters with National 'Others' in the Napoleonic Wars* // *History Compass*. Vol. 7. 2009. № 4. P. 1246-1258; *Thompson V.E. Foreign bodies: British travel to Paris and the troubled national self, 1789-1830* // *Studies in Travel Writing*. Vol. 15. 2011. № 3. P. 243-265; *Gephardt K. The Idea of Europe in British Travel Narratives, 1789-1914*. L., N.-Y., 2014; *Callister G. War, Public Opinion and Policy in Britain, France and the Netherlands, 1785-1815*. L., 2017; *Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М., 2004.

⁶ Например: *Гладышев А.В. Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память* // *Уральский исторический вестник*. 2014. № 4 (45). С. 15 - 24; *Еремин В.С.*

Тема «Россия и русские в восприятии западноевропейцев» неоднократно привлекала внимание историков, начиная с В.О. Ключевского⁷. Обращались исследователи и к иностранным тревелогам об отдельных регионах российской империи, в частности, о Крыме, который как бы находится на границе миров, между Западом и Востоком. Может даже показаться, что тема эта «исписана» со всех сторон. Но в этой связи хочется обратить внимание на монографическое исследование Никиты Игоревича Храпунова⁸, который сумел не только найти и заполнить историографические лакуны, но и скорректировать некоторые методологические недостатки работ предшественников.

Имагология – «наука об образах» или «наука о представлениях», акцентирующая сам процесс создания образа. Стереотипические представления народов друг о друге имеют долгоиграющий эффект, они могут существовать десятилетиями, то «засыпая», то «пробуждаясь» и становясь в периоды обострения международной обстановки материалом для информационной войны. Поэтому изучение представлений о России, русских, крымских татарах имеет несомненную актуальность (с. 18). Актуальности темы придали события 2014 г.: современные западные оценки воссоединения Крыма с Россией удивительным образом повторяют многие стереотипы времен его присоединения к Российской империи.

Из всего массива описаний Крыма, опубликованных иностранцами, выбор автора пал на тексты англичан. Почему именно на них?

Во-первых, потому, что образ Крыма в работах английских путешественников никогда специально историками не изучался (с. 17). В

Образ армии Османской империи на страницах «The Edinburgh Review» // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2017. Вып. 15. С. 40-51; Еремин В.С. Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения «The Edinburgh review» в первой четверти XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. Вып. 2. С. 43–51; Еремин В.С. Образ армии союзников на страницах британских тревелогов в 1814–1815 гг.: к постановке проблемы // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева и С.А. Мезина. Саратов, 2021. № 22/23. С. 183–196;

⁷ Подробнее об этом см.: Орехов В.В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь, 2008; Гладышев А.В. «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019; Таньшина Н.П. Русофобия: история изобретения страха. М., 2023.

⁸ Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь, 2022.

историографии не только не воссоздан целостный образ региона, созданный в травелогах, но еще недостаточно изучены такие частные вопросы, как, например, «вопросы о влиянии конкретных стереотипов (например, о «татарской праздности», «русском варварстве» или «восточной антисанитарии») на созданный путешественниками образ Крыма». В историографии даже не ставился вопрос о сходстве и различии образов Крыма, складывавшихся в разных культурах (английской, французской, русской), а также об общих чертах этих образов с представлениями о других отдаленных регионах.

Во-вторых, потому что английские авторы не только были в большинстве своем знакомы с травелогами тех же французов (французский язык был тогда языком международного общения), но и сумели привнести что-то специфически английское в восприятии Крыма (с. 240). В имагологических исследованиях по восприятиям России иностранцами мы не так часто встречаем работы, авторы которых бы столь досконально знали историю региона, который описывается в анализируемых источниках. Следует отметить, что в имагологических исследованиях задача установить соответствие между образом и реальностью, оценить уровень информированности авторов травелогов или их способности к адекватному восприятию действительности ставится весьма редко, а решение ее носит эпизодический, а не системный характер. Иногда кажется, что имагологам просто не хватает эрудиции, чтобы выявить возможные «оптические ошибки». Хочется подчеркнуть, что Н.И. Храпунов блестяще справился с этой задачей, его исследование отличает как раз такая доскональность. Н.И. Храпунов, безусловно, знаток истории Крыма, о чем свидетельствуют полторы сотни его публикаций. Это помогает ему не только дать профессиональный комментарий к пассажам английских путешественников, но и вписать историю английского восприятия в общий контекст восприятий Крыма на Западе. А такой подход выводит нас на более масштабную проблему интеллектуальной гомогенности ориентализма.

Что касается собственно методики, то значение изучения травелогов обосновывается через «теорему американских психологов Томасов» конца 1920-х гг., согласно которой ментальные структуры, вне зависимости от их отношения к реальности, определяют восприятие действительности и действия людей (с. 11). Затем автор указывает на недостатки теории ориентализма Саида, критикует его увлечение дискурсивным анализом в отрыве от объективных реалий (с. 13). Это важный момент для понимания общего

методологического замысла исследования. Судя по предъявленным Н.И. Храпуновым претензиям к Саиду и его последователям, именно эти претензии (мерцание конкретно-исторического контекста) во многом и определили региональную составляющую в представленном исследовании.

Крым Крымом, но... Мне доводилось много писать об образе русского «казака» на Западе. Казалось бы – частный случай. Но образ казака – базовый стереотип, казак в текстах западноевропейцев выглядит как олицетворение всей России. «Кзаки» – это топос, это реинкарнация гуннов, это символ варварской (нецивилизованной) России. Спроси среднестатистического западноевропейца, что он знает о России XIX в. и он ответит, что Россия была «тюрьмой народов» и что в ней были «казаки». И это не я так думаю, так писали до самого последнего времени сами западные историки и социологи. Так и с Крымом. Н.И. Храпунов поднял очень важный вопрос: через анализ размышлений англичан о политике России в Крыму мы выходим на еще одну масштабную и принципиальную проблему – на анализ размышлений западноевропейцев об исторической роли России (с. 18). А эти представления двухсотлетней давности детерминируют архетипическую составляющую современного образа России.

В этой связи обращает на себя одно из положений Н.И. Храпунова: «История региона воспринималась как перманентное противостояние двух начал – творческого («цивилизующего») и разрушительного («варварского»)». Николай Игоревич прав, связывая эту составляющую образа Крыма с представлениями просветителей о «золотом веке», «Эдеме» или «добром дикаре». Но я бы добавил, что эпоху, которой посвящена монография, отличает повышенное внимание к вопросам геополитики, идеологии и пропаганды. Вспомним, сколько усилий наполеоновская пропаганда в 1814 г. приложила к демонизации образа России. В своих призывах поставить барьер между нашествием русских варваров в цивилизованную Европу наполеоновская пропаганда обращалась именно к англичанам. Конечно, со стороны Наполеона, это был жест отчаяния, но войны закончились, а образы в исторической памяти остались.

Несколько слов об особенностях предложенного автором пути построения материала. Н.И. Храпунов отказался при структурировании работы от привычного «последовательного анализа отдельных исследовательских проблем» (проблемно-хронологического метода), выбрав отдельный анализ текстов каждого из авторов (таковых текстов насчитывается 10 штук), что позволяет ему акцентировать

внимание на особенностях индивидуального восприятия крымских реалий. Можно согласиться с автором, что «каждый из этих десяти трудов представляет собой индивидуальный опыт восприятия «нового мира», отягощённый неизбежными фобиями и стереотипами, порождёнными культурной принадлежностью, уровнем образованности и складом характера автора. Определенное внимание уделяется аспектам частной жизни авторов, поскольку «особенности личности могли повлиять на восприятие и интерпретацию крымских реалий» (с. 20).

Основное содержание книги состоит в последовательном анализе травелогов на протяжении почти 300 страниц. Очередность глав соответствует хронологии путешествий: от более ранних к более поздним. В первой главе рассматриваются тексты историка и писателя Уильяма Тука, заложившие основы для восприятия полуострова английским общественным сознанием. Это был первый англичанин, опубликовавший известия о Крыме после его присоединения к России. Правда сам он в Крыму не был: он компилировал сведения (часто сомнительные), и так и не представил публике свои наблюдения.

Во второй главе уделено внимание травелогам, претендующим «на всестороннее описание Крыма», в частности, политико-экономическому трактату торговца и прожектёра Уильяма Итона. Итон хотя бы бывал в Крыму и имел беседы с представителями местного населения. Возможно, он владел разговорным турецким и русским языками. Но писал он свой трактат после возвращения из России и неизвестно, делал ли он это по памяти или пользовался дневниковыми записями и другими источниками информации. Русских он относил к «цивилизованным народам», а турок – к варварам. Отрывки из его трактата были переведены на русский и изданы после победы над Наполеоном (с. 58).

В третьей главе автор обращается к отчету о посещении Крыма, представленного в виде писем к возлюбленному, праправнучки короля Карла II леди Элизабет Крейвен. Скорее всего, эти «письма» – не более чем литературный прием, призванный придать достоверность повествованию, и адресату они никогда не были отправлены. В традициях Просвещения она представляет Россию как страну молодую, как ученика, готового учиться у Запада. В тех же интонациях описывается и ее пребывание в Крыму: «цивилизованная» аристократка в стране варваров-азиатов (с. 69). В ее письмах сквозят откровенное позерство, жеманство, кокетство и склонность к

преувеличениям. Любвеобильная леди с неоднозначной, если не скандальной, репутацией, не знающая русского языка, акцентирует внимание к ней со стороны мужчин и услужливость российских чиновников. Не стесняясь, в частных письмах она выпрашивает у князя Потемкина два поместья в Крыму. А опубликованный текст ее «Путешествия» отражает дискурс превосходства и «цивилизаторства». Он интересен с точки зрения поиска ответов на сакраментальный вопрос: чего же, по мнению западноевропейцев, конкретно не хватало России, чтобы считаться «цивилизированной» страной? Прав Н.И. Храпунов: главный герой записок Крейвен – не чужая страна, а она сама (с. 78).

В четвертой главе автор обращается к менее известной фигуре баронета Ричарда Уэрсли. Ищущий покоя от семейного скандала с неверной женой, Уэрсли пускается в путешествие, в ходе которого посещает и Крым, где он провел, не считая карантина, всего две недели. Путевые дневники Уэрсли так и остались неопубликованными, и Н.И. Храпунов берется за анализ коллекции живописных видов, собранной баронетом. Автор стремится показать значимость для имагологических исследований не только собственно текстов, но и визуальных источников (с. 92, 163-164). Публикация каталога коллекции рисунков Уэрсли, очевидно, сыграла свою роль в популяризации Тавриды.

Пятая глава посвящена доктору медицины, обрусевшему шотландцу Матью Гатри, который побывал в Крыму в годы русско-турецкой войны, а потом служил в Петербурге. Увлекался античной археологией коллекционированием. Он был автором одного из первых масштабных описаний Причерноморья и Крыма. Его «Путешествие» было посвящено Александру I, и в значительной степени основано на материалах, собранных Гатри в столице России. Это очередная компиляция, замаскированная под письма, в ней много истории Причерноморья, но мало бытовых деталей, которые являются необходимой деталью путевых заметок. Учитывая «кабинетный» характер «Путешествия», приходит к выводу Николай Игоревич, это сочинение представляет интерес не как рассказ об исчезнувших памятниках археологии, а как набор разного рода познавательных практик и ментальных штампов своего времени, позволяющий реконструировать современному исследователю особенности восприятия прошлого более чем 200-летней давности (с. 102). Что ж, книга Н.И. Храпунова – пример того, как антикварное или эрудитское знание может сочетаться под одной обложкой с современными

подходами к «археологии знания». Автор видит проблему изучения «приёмов мышления, способов осмысления наблюдаемых феноменов» (с. 241).

Шестая глава посвящена разбору другой попытки описать археологические памятники полуострова, предпринятой в 1810 г. известным путешественником Эдвардом-Даньелем Кларком. Его «Путешествия» во многом определили суждения современников о Крыме и России в целом (с. 124). Кларк собирался создать самое полное описание античных древностей Тавриды. Если бы он только этим и ограничился... Кларк почти не скрывает своей антирусской направленности: надуманные упреки русским в незнании своей истории, фантастические обвинения в том, что именно они, присоединив Крым к России, изменили здесь климат, «принесли с собой и свою зиму», четкое позиционирование России как «мира варварства», огульные обвинения в разрушении античных памятников «новыми скифами» и т.п. Для Кларка археология становится идеологическим оружием против русских. Если англичане – воплощение цивилизованности, то русские – олицетворение всего самого худшего. Это Кларк создал миф о процветающем Крымском ханстве, уничтоженном русскими завоевателями (с. 140). Отсюда его главный политический вывод: Великобритания должна отвоевать Крым у России и передать его туркам... Что же касается еще сохранившихся памятников античности, то их следовало во имя спасения от «русского варварства» перевезти в Англию. Может быть, Кларка так расстроило, что русская таможня не дала лично ему добро на вывоз некоторых артефактов, которые можно было продать в Англии за приличные деньги? Н.И. Храпунов в этом практически уверен. А, может быть, писать подобное о России в годы англо-русской войны, означало рассчитывать на успешные распродажи своего сочинения? Или же все дело в обслуживании геополитического заказа: как писал Р. Киплинг, почти у каждой страны есть свой исторический соперник, негативный образ которого позволяет продемонстрировать собственные достоинства.

В седьмой главе Н.И. Храпунов обращается к путевым дневникам, письмам и рисункам поэта и миссионера Реджинальда Хебера, побывавшего в Крыму весной 1806 г. Хебер был заместителем редактора консервативного *The Quarterly Review*, автором статей в *The Christian Observer* и политического трактата о состоянии Европы перед

лицом Наполеоновских войн⁹. Наблюдения, сделанные им в ходе поездки по югу России, легли в основу его недописанной истории казаков (народов причерноморских степей). Дневниковые записи Хебера активно использовал в своей публикации вышеупомянутый Кларк. Признанием заслуг Хебера стало его вступление в лондонский Клуб путешественников в 1819 г. Это был религиозный, образованный, толерантный, критически мыслящий, но стремящийся к объективности автор. В отличие от Кларка он доброжелательно относился ко всем народам. Это Хебер обратил внимание на запустение и разорение древних памятников на территории Крыма, но сделал неправильный вывод о конкретном времени процветания. Итон и Гартни относили период расцвета к древним временам, Хебер (ошибочно) к периоду Крымского ханства, непосредственно предшествующему присоединению Крыма к России. А Кларк из этой ошибки раздул русофобию. Хебер вовсе не считал Россию слабой с финансовой или военной точки зрения, но при этом он не видел в ней угрозы для Европы, и полагал выгодным для Англии союз с Россией (а не войну, не пойми во имя чего, как Кларк). Рассказ Хебера о Крыме получился свободным от предрассудков и достаточно объективным (с. 179).

В восьмой главе Н.И. Храпунов обращается к творческому наследию супруги протестантского миссионера Мери Хоулдернесс, которая отправилась со всем семейством в Крым осенью 1815 г. и прожила в сельской глубинке 4 года. Травелог Хоулдернесс отличает этнографический уклон в сторону описания разных аспектов жизни крымских татар. Будучи женщиной образованной, она опровергла некоторые поспешные суждения своих предшественников (например, Э. Крейвен), но общий «цивилизаторский» тон сохранила. Она полагала, что только постепенное приобщение к западным ценностям (в первую очередь – протестантским) способно привести косное русское общество к идеалу «всеобщего блага» (с. 187). Вывод: западным миссионерам и «цивилизаторам» необходимо работать не только с мусульманским населением Крыма, но и с православными русскими мужиками. Возможности вестернизации России она оценивала оптимистично, хотя и отмечала, что русский крепостной крестьянин счастлив и имеет меньше неудовлетворенных желаний, чем гордящийся своей свободой англичанин¹⁰. Все народы супруга

⁹ *Heber R. Europe: Lines on the Present War. London, 1809.*

¹⁰ Несколько позднее француженка Сюзанна Вуалкьен, работавшая в России акушеркой и стремившаяся эмансипировать русских, так же напишет, что русский

миссионера выстроила в цивилизационной иерархии: на вершине, естественно англичане, а для русских, татар, греков, евреев, болгар, армян у нее нашлись лишь «лень», «пьянство», «суеверия», «вороватость» и т.п. Может быть, они и добрые внутри, но дикари есть дикари...

Еще один религиозный деятель, побывавший в Крыму и ведший во время поездки дневник – Эбенезер Хендерсон. Анализу записей этого миссионера посвящена девятая глава монографии. Хендерсон приехал в Россию по делам Библейского общества, отделение которого появилось в Крыму еще в 1816 г. Это был человек образованный, хорошо знавший разные языки, включая иврит и татарский. Его книга «Библейские исследования», вышедшая в свет в 1836 г. в большей степени посвящена осмыслению исторического прошлого, чем описаниям увиденного им лично. Он не отличался критикой источников, не имел представления о стратиграфии, доверял народным легендам, был склонен к поэтическим преувеличениям. И все же его сочинение – важно для понимания, как проходил начальный этап изучения Крыма и его жителей (с. 215). По крайней мере, он видел и описал то, что до наших дней не сохранилось.

В последней десятой главе монографии речь идет о травелогге Джеймса Уэбстера, который в 1827 г. посетил южную Россию, откуда отправился в Турцию, затем в Египет, где и умер от «лихорадки». Из опубликованных после смерти дневников видно, что этот еще молодой человек, совершавший образовательный тур по загранице, был уверен в превосходстве англичан как нации. Ему казалось, что и другие народы понимают, что Британия – авангард человечества. При этом на вещи он смотрел с точки зрения морали. Но за категориями морали скрывалась геополитическая русофобия. Разделы Польши – «несправедливы», несправедливо также поддерживать греков против турок, ведь Турция – «единственный барьер, противостоящий России на Востоке» (с. 223). В России, по его мнению, царят коррупция и антисанитария, что само по себе является маркером не цивилизованности. Еще один маркер «варварства» – разрушение исторических памятников. Равнины – «невежественны», молитва мусульман – «нелепое кривлянье», позолоченные купола церквей – «дурной

музык «счастлив в своем невежестве», в чем она видела некоторую сложность в подтягивании цивилизованного уровня России. Схожими (ибо они стереотипичны) были и рассуждения Вуалкьен и Хоулдернесс о «русском кнуте и проч. См.: Гладышев А.В. Мушка в паутине. Мир глазами феминистки XIX века. М., 2021.

вкус». Лучшая религия – протестантизм. Осуждая то одно, то другое, Уэбстер, как и многие другие англичане, не видит бревно в собственном глазу. Н.И. Храпунов констатирует: «маркеры «варварства», используемые путешественниками, были глубоко субъективным феноменом» (с. 229).

Таким образом, в монографии были рассмотрены «ранние травелоги», «травелоги классического периода» и периода «осени травелогов», когда близился закат увлечения романтизмом и восход научного (рационального и скептического) изучения Крыма. Представлена эволюция восприятия крымских реалий англичанами.

От Венского конгресса до восстания в Польше – период, когда, как считает автор книги «Россия глазами Запада: от Медного всадника до Мавзолея Ленина» почетный профессор русской истории из Калифорнийского университета Мартин Мэлья, произошла метаморфоза России в глазах Запада. Теперь в ней стали видеть «фокус страха», «бастион закоренелой военной реакции», «страну азиатской дикости»¹¹. Но в какой именно области сознания была эта метаморфоза? Мэлья, словно глядя на карту мира, вспоминает о военной мощи России и ее амбициях и рассуждает геополитически: такую страну нельзя стало быть не бояться. Но культурно-исторический «цивилизационный» дискурс западноевропейцев, как это видно из книги Н.И. Храпунова, еще до победы над Наполеоном отвел России место среди «варваров». Речь может идти о развитии фобии перед возросшей мощью России, если исходить из тезиса, что экспансионизм исторически присущ варварам. Текущие политические и экономические противоречия¹² соединяются со стереотипами пропаганды периода войны и накладываются на архетипический страх перед нашествием варваров.

Конечно, книга Н.И. Храпунова не о русофобии или русофилии, но сами авторы травелогов, пиши они хоть об античной археологии Крыма, поднимают этот вопрос. Автор к откровенным русофобам причисляет лишь одного Кларка (напомню, его книга, начиная с 1810 г., больше всех других травелогов и переиздавалась). Но и для остальных авторов характерен британоцентристский взгляд на

¹¹ *Malia M. Russia under Western Eyes from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. London, 1999. P. 92.*

¹² См.: *Орлов А.А. «Астреин век»: Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). М., 2019.*

мир. Даже прекрасно относившийся к России и русским Гатри выстраивал «своеобразную иерархию народов от «варварства» к «цивилизации» – вопрос был лишь в том, кого поместить на этой лестнице выше, а кого ниже. Вершиной её всем англичанам виделась собственная страна» (с. 239).

Конечно, в центре внимания автора стоят сами тексты травелогов. Но, если говорить о формировании того или иного образа в английском обществе, то нелишне было бы хотя бы упомянуть популяризацию этих травелогов через английские газеты и обзоры. Тогда уже были журналы, специализирующиеся на обзоре новинок литературы, и анализ или пересказ травелогов занимал в них едва ли не первое место, учитывая читательский спрос на этот жанр литературы.

И как итог: в историографии известен ряд обобщающих работ, реконструирующих формирование образов отдельных регионов (например, Восточной Европы в целом, а также Греции, Балкан, Турции, Украины и др.) в культуре «Запада», теперь к ним добавлено исследование образа Крыма в английской культуре.

Для цитирования: *Гладышев А.В. Имагология, травелогои и русофобия. (О книге Н.И. Храпунова «Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в.») // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 195-207.*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ:
О КНИГЕ Н.И. ИВАНОВОЙ «НЕМЦЫ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

С.Н. Искюль¹

СПб. ИИ РАН (Санкт-Петербург)
e-mail: iskiouls@yahoo.com

Аннотация. История немцев на дипломатической службе в России важна и заслуживает обстоятельного исследовательского к себе отношения. Тема эта весьма масштабная и требует серьезного, подлинно научного подхода, основательного знания источников и литературы, немалого времени для работы в архивах и сил для ее направленного осуществления. К сожалению, биографический сборник Н.И. Ивановой не свободен от ряда неточностей, упущений и фактологических ошибок, которых можно было бы избежать, расширив круг источников и используемой научной литературы при работе над проектом. Вызывает вопросы и оформление научного аппарата.

Ключевые слова: Немцы, прибалтийские немцы России, архивные источники, Коллегия иностранных дел, Министерство иностранных дел Российской империи.

NEW PUBLICATIONS ON THE HISTORY OF DIPLOMACY: ABOUT
THE BOOK BY N.I. IVANOVA «GERMANS IN THE DIPLOMATIC SERVICE
IN THE RUSSIAN EMPIRE»

S.N. Iskioul

(Saint-Petersburg, Russia)
e-mail: iskiouls@yahoo.com

Annotation. The history of Germans in diplomatic service in Russia is important and deserves a thorough research approach. This topic is very large-scale and requires a serious, truly scientific approach, thorough knowledge of sources and literature, considerable time for work in archives and efforts for its targeted implementation. Unfortunately, N.I. Ivanova's biographical collection is not free from a number of inaccuracies, omissions and factual errors that could have been avoided by expanding the range of sources and scientific literature used in working on the project. The design of the scientific apparatus also raises questions.

Key words: Germans, Baltic Germans of Russia, archival sources, Collegium of Foreign Affairs, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire.

¹ Искюль Сергей Николаевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Иванова Наталья Ивановна – член Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга давно и плодотворно разрабатывает тематику жизни немецкого населения Санкт-Петербурга. Она является основателем музея «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях» (1997 г.), организатором ряда выставок, касающихся жизни лютеранских и реформатских общин города и области, участником научных конференций и автором разнообразных публикаций по немецкой тематике².

Тема, обозначенная в заглавии новой книги Н.И. Ивановой³, во всех отношениях важна и заслуживает обстоятельного и исследовательского к себе отношения. Тема едва ли не всеохватная, почти необъятная в силу того, что требует серьезного, подлинно научного подхода, основательного знания источников и литературы, немалого времени для работы в архивах и сил для ее направленного осуществления.

Мне уже приходилось, по просьбе самой Н.И. Ивановой, знакомиться с рукописью этой книги, но дать положительный отзыв по сложившимся впечатлениям тогда я не посчитал для себя возможным. Но, может быть, с тех пор автору удалось поработать со своим текстом и внести в него полезные и необходимые коррективы, перед тем как рукопись книги была отдана в печать?

Рецензируемая книга опубликована при поддержке Фонда имени Конрада Аденауэра (*Konrad-Adenauer-Stiftung e.V.*) в Российской Федерации и Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга». Издание книги подготовлено в серьезном петербургском издательстве «Крига» и то, как книга выпущена в свет, заслуживает высокой оценки, включая переплет, обрез и иллюстрации.

К сожалению, в книге нет указателя имен, что в настоящее время встречается часто, но, опять-таки, к сожалению, это далеко не единственный упрек автору.

² См., например: *Иванова Н.И.* Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях. - *Die Deutschen in St. Petersburg und Umgebung.* СПб., 1999; *Она же.* Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге. XVIII – XX вв. СПб., 2002; *Она же.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии XVIII – XX вв. СПб., 2008; *Она же.* Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. СПб., 2015; *Она же.* Первая мировая война и немецкие колонисты Санкт-Петербургской губернии // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 117-128; *Она же.* Немцы на дипломатической службе в Российской империи // Исторический путь России: из прошлого в будущее. Материалы международной научной конференции. В 3-х т. СПб., 2021. Т. 1. С. 161-167.

³ *Иванова Н.И.* Немцы на дипломатической службе в Российской империи. СПб., 2021.

В книге Н.И. Ивановой имеется «Вступление», в котором автор пишет о значении дипломатии в сохранении баланса сил в Европе, о возникновении и развитии внешнеполитического и дипломатического ведомств, об участии немцев в становлении европейской дипломатии России и о складывании отдельных немецких дипломатических династий на российской службе (С. 7-8). Но ни слова о структуре книги, об авторских принципах отбора источников, работы с ними и с имеющейся исследовательской литературой.

Книга делится на два неравные по объему раздела. Первый из них представлен без названия и по содержанию может быть озаглавлен «Об участии немцев в становлении и развитии внешнеполитического и дипломатического ведомств Российской империи». Второй же раздел носит название «Краткие биографии немцев на дипломатической службе Российской империи».

Что же можно сказать об источниках, которые послужили раскрытию и осуществлению предпринятого проекта? В данном случае следовало обратиться, прежде всего, к богатейшим, в большинстве своем полным и доступным фондам Архива Внешней политики Российской империи. Н.И. Иванова четырежды ссылается на документы АВПРИ. При этом лишь на документы XVIII в.: один раз на документ из фонда «Сношения России со Швецией» и трижды на документы из фонда «Сношения России с Англией». Полагаю, что для данной работы этого совершенно недостаточно. Кроме того среди прочих архивных фондов в АВПРИ есть фонд «Департамента административно-хозяйственных дел», в котором сосредоточены послужные списки всех чиновников Коллегии и Министерства иностранных дел. Представляется, что для автора эти источники должны были бы стать одними из основных при выявлении максимально более полного корпуса представителей немецкой нации в составе российских внешнеполитических и дипломатических учреждений XVIII – начала XX в. Только после этого должна начинаться работа по анализу и систематизации полученных данных.

Помимо документов из АВПРИ автору весьма полезно было бы провести сходную и во всех отношениях необходимую работу с послужными списками, хранящимися в Российском государственном историческом архиве, поскольку, совершенно естественно, что выявленные по архивным документам Историко-дипломатического департамента МИД лица не обязательно сразу начинали службу в МИД; они могли сначала служить по другим ведомствам, а уже потом перейти в МИД, и наоборот. В послужных списках можно встретить, например, сведения о ближайших родственниках, вероисповедании при рождении и о переходе в православие. Кроме того, в такого рода документы вписывались не только награждения

орденами и знаками беспорочной службы, но и личные подарки государя: перстни, медальоны, усыпанные бриллиантами для ношения на парадных мундирах и т.п. Имеются в послужных списках и иные записи, касающиеся биографической канвы жизни каждой отдельно взятой персоны, когда-либо служившей в Коллегии иностранных дел или в Министерстве.

Но, приходится констатировать, что указаний на эти источники, будь они архивные или печатные, в рецензируемой книге кроме указанных выше, мы не встретим.

Кроме того, среди публикаций внешнеполитических и дипломатических документов, также неиспользованных автором, необходимо отметить такое, к примеру, издание, как «Внешняя политика России XIX и начала XX в.⁴, выходявшее в течение многих лет под редакцией видного специалиста в области истории внешней политики России академика А.Л. Нарочницкого. Полностью опубликованы только первые серии документов, включая и вторую серию, охватывающую документы с 1815 по 1830 гг. Далее издание продолжено не было. В каждом из томов содержатся не только отобранные к изданию дипломатические документы, но и большие комментарии вместе со справочным аппаратом. Сотрудники-составители этого издания, в большинстве своем работали в те времена в Архиве внешней политики России, и были весьма компетентными и искушенными в подготовке к изданию рукописей, не говоря уже о том, что среди них были весьма опытные переводчики дипломатической документации.

Странным представляется, что Н.И. Ивановой остались неиспользованными многие специальные исследования по внешней политике и дипломатии России XVIII – начала XX в. Представляется, что они были бы много полезнее, чем «Энциклопедический словарь», выпущенный акционерным издательским обществом «Ф.А. Брокгауз - И.А. Ефрон» в 1890-1907 гг., который как справочное издание большей частью устарел.

Поскольку в составе российского чиновничества, служившего в Коллегии иностранных дел и в Министерстве иностранных дел, а также в дипломатических миссиях Российской империи за границей было немало выходцев из Балтийских провинций России, составителю «кратких биографий» ни в коем случае не следовало пренебрегать весьма и весьма полезным изданием по российскому чиновничеству немецко-балтийского происхождения «Немецко-балтийский

⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Серия 1-я. 1801-1815 гг. В 8 т. М., 1960 - 1972. Т. 8.

биографический лексикон»⁵, подготовленным Балтийской исторической комиссией по архивным документам. Разработанный сотрудниками Комиссии формуляр, лежащей в основе всех биографических статей, представляется универсальным и заслуживает заинтересованного внимания исследователей, в том числе и составителей справочных пособий, как образцовый. Там сосредоточены все сведения, касающиеся конкретного лица, включая вероисповедание и дату конфирмации, дату бракосочетания и девичью фамилию супруги, а также дату кончины и дату похорон. Содержатся там и сведения, касающиеся производства в воинские и гражданские чины, а также и пожалований в чины придворные.

Сказанное ни в коем случае не отменяет обращение к подлинным документам, к послужным спискам, тем более что в архивных фондах можно обнаружить, порою, и несколько послужных списков, относящихся к одной и той же персоне; например, в АВПРИ хранится несколько таких списков (не менее пяти), составленных по разным поводам на К.В. Нессельроде. Кстати, Карл Васильевич почему-то значится у автора книги без приставки «фон», а ведь он после кончины отца (1810 г.) становится имперским графом фон Нессельроде-Эресхофеном (Reichsgraf von Nesselrode-Ehreshoven). Между прочим, до сих пор неясно, почему, в отличие от некоторых своих современников и предшественников, Нессельроде, в подтверждение этого титула, так и не был пожалован в графское Российской империи достоинство. Но это уже другая история.

Представляется, если бы автор с пользой для своей книги использовала «Deutschbaltisches biographisches Lexikon», то в заметке о российском дипломате бароне Владимире Александровиче Фредериксе она была бы более точна в указании должностей своего героя и мест, где тому довелось служить. Например, автор пишет, что с 1862 г. он состоял младшим секретарем, но надо было указать «русской миссии в Штутгарте». Он же, как пишет автор, в 1884 – 1892 гг. состоял в Бадене посланником (С. 264), однако, на самом деле не просто посланником, а чрезвычайным посланником и полномочным министром, и не только в Бадене, но по совместительству еще и в Штутгарте (Вюртемберг).

В заметке о дипломате Вильгельме фон Фрейганге автор, в частности, пишет, что в 1807 г. тот состоял «в дипломатических миссиях сначала в Вене, затем в Париже (по другим данным – в 1808 г. канцелярский служащий в Вене, Саксонское королевство)» (С. 264). Вена

⁵ Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710 - 1960 / W. Lentz, O. Welding. Köln; Wien, 1970 (репринт – 1998 г., расширенная интернет версия – 2021 г.).

никакого отношения к Саксонскому королевству не имеет, поэтому из данного контекста представляется, что «Саксонское королевство» попало сюда не иначе, как по недоразумению.

Свою заметку о Карле фон Бреверне (С. 147-148) Н.И. Иванова могла бы дополнить тем, что фон Бреверн участвовал в дворцовом перевороте 1741 г., выступил соавтором манифеста о восшествии на престол Елизаветы Петровны, с 1741 г., будучи членом придворной конференции по иностранным делам, до самой кончины в 1744 г. вместе с А.П. Бестужевым-Рюминым играл определяющую роль во внешней политике России, подписав ряд важнейших договоров, в частности, с Великобританией (1741 г.) и Пруссией (1743 г.). Вдобавок, у фон Бреверна как известно было и второе имя – Германн.

О Константине Христофоровиче Бенкендорфе следовало сказать, что он особенно отличился участием в четверной дуэли на рапирах, защищая честь российского посла в Неаполе С.Н. Долгорукова в январе 1812 г. и ранив своего противника в ухо; едва ли не за это в том же 1812 г. он получил звание камергера. Кроме того, в 1820 – 1828 гг. Бенкендорф состоял посланником, но не при Виртембергском (С. 142), а при Вюртембергском дворе. Помимо этого отметим, что, в отличие от своего сына Константина Константиновича, в графское достоинство К.Х. Бенкендорф возведен не был, но автор, вопреки фактам, считает, что был.

Что же касается такого видного дипломата как временный поверенный в делах в Неаполитанском королевстве Готтхардт Вильгельм барон фон Будберг-Бённингхаузен (28 июня 1766 – 29 июля 1832), который был пожалован в действительные камергеры в 1801 г. и более в таковой придворный чин не жаловался, то у Н.И. Ивановой почему-то указано еще и второе пожалование в 1814 г. Кроме того, автор пишет, что в 1818 г. барон был назначен генерал-губернатором Эстляндской губернии, на самом деле – гражданским губернатором Эстляндии, а в тайные советники граф был произведен не в 1830 г. (С. 153), а в 1826 г.

О Владимире Ильиче Вестмане, помимо указанного (С. 162), следовало написать, что в 1846 г. он был назначен вице-директором Канцелярии МИД, а затем уже становится и директором канцелярии. Кроме всего прочего следовало отметить, что он состоял и товарищем министра иностранных дел (с 1866 г.) и в отсутствие в столице министра А.И. Горчакова управлял министерством. Также необходимо было отметить, что в 1848 г. Вестман был пожалован в камергеры.

В заметке о Павле Федоровиче Мольтке нет упоминаний о том, что тот носил баронский титул, нет уточнения, что, кроме «Кёнигсбергской миссии» и службы канцеляристом при миссии в Берлине, он находился еще с миссией в Стокгольме (1811 г.). Статским же советником

чинопроизводство в данном случае не ограничилось: еще до назначения поверенным в делах в Бадене, Мольтке был произведен в действительные тайные советники.

В биографии российского дипломата барона Николая Дмитриевича фон дер Остен-Сакена, можно было бы уточнить, что в 1855 г. он получил графское Российской империи достоинство наравне с отцом-генералом, который был пожалован в графы за боевые заслуги при обороне Севастополя. Кроме того, с 1856 г. граф Николай Дмитриевич не был «младшим секретарем» при российской миссии в Мадриде, а был назначен в той же должности в Гаагу. Автор пишет, что тогда, т.е. в 1856 г., он состоял в чине «тайного титулярного советника» (С. 225-226), однако такого чина в Табеле о рангах Российской империи ни до, ни после не было.

Барону Николаю Павловичу Николаи в книге Н.И. Ивановой посвящено неполных три строки (С. 221). Между тем следовало сказать, что будущий дипломат службу в МИД Российской империи начал в 1839 г., состоял младшим секретарем миссии в Гааге (1841 г.), младшим секретарем посольства в Лондоне (1845 г.), произведен в статские советники (1852 г.), далее служил советником миссии в Берлине (1854 г.) и в том же качестве в Лондоне (1856 г.), произведен в действительные статские советники (1856 г.), после чего назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Швейцарском союзе (1858 г.).

Барон Эрнст Вильгельм фон Унгерн-Штернберг и в самом деле состоял при российской дипломатической миссии в Мадриде, но не с 1824 г. как у Н.И. Ивановой, а с 1821 г. Кроме того, обязанности 1-го секретаря российского посольства в Лондоне он исполнял не с 1831 г., а с 1825 г. Далее автор пишет об Унгерн-Штернберге: «В период 17 августа 1847 г. – 7 ноября 1860 г. министр (по другим данным – посланник) в Копенгагене» (С. 260). На самом деле в это время барон состоял в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра. При этом автор не упоминает, что после этого Унгерн-Штернберг представлял Российскую империю в Германии в 1860 – 1866 гг. в том же ранге, т.е. чрезвычайного посланника и полномочного министра.

Говоря о Дмитрие Петровиче Северине, автор почему-то не упоминает о том, что, после изучения наук в петербургском Иезуитском пансионе, с конца декабря 1808 г. он служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, а с 1811 г. – непосредственно в Коллегии иностранных дел, участвовал в конгрессах в Троппау и Лайбахе, был произведен в действительные статские советники (1825 г.), после чего в тайные (1836 г.) и действительные тайные советники (1856 г.).

В очерке об известном Густаве фон Штакельберге автор не упоминает о таком важном факте биографии дипломата, что, будучи официально назначен в 1799 – 1802 гг. на пост полномочного министра в Гельветической республике, на этот пост он так и не вступил из-за коалиционной войны России против Франции. Кроме того, в 1807 – 1810 гг. он действительно состоял чрезвычайным посланником и полномочным министром при прусском дворе, но, отнюдь, не в Берлине (С. 249-250), как пишет автор, а в Кёнигсберге, поскольку столица Пруссии все это время была занята французскими войсками, которые должны были находиться там до тех пор, пока Пруссия не выплатила бы возложенные на нее по итогам войны контрибуции.

Выше указаны только те огрехи, которые бросились в глаза автору данной рецензии. Остается открытым вопрос: единственные ли они? Можно предположить, что едва ли.

Вызывает вопросы и оформление научного аппарата. В перечень «Литература», помещенный в конце книги, по алфавиту авторов и названий включены как историческая и биографическая литература, так и источники, которые следовало бы поместить, отделив их от литературы и поставив – как это всегда делается – на первое место.

В перечне использованной литературы автор указывает и то, что почерпнула из Интернета, в частности, в т.н. Wikipedia. У исследователей, включая историков и литературоведов, ссылки на это издание вызывают серьезные возражения, поскольку оно грешит многими упущениями и ошибками, допущенными по незнанию и по элементарной небрежности. Это уже давно стало притчей во языцех.

В книге Н.И. Ивановой десять или более раз используются биографические сведения из полезной энциклопедии «Немцы России»⁶, но без указания на авторство соответствующих статей этой энциклопедии.

В приложении «Немцы на дипломатической службе за границей» (приложение б) помещены имена немцев, служивших в дипломатических миссиях (посольствах) России в 1815-1963 гг. Позволю себе обратить внимание автора-составителя на грубейшую ошибку – иначе и не назовешь! – на странице 403 по-немецки приведено название книги Гобиаса Брингманна (Bringmann), в котором фигурирует имя крупнейшего дипломата сначала Священной Римской империи, а уж потом и Австрии, министра иностранных дел и канцлера Австрийской империи Клеменса-Лотаря фон Меттерниха, фамилия которого приведена как Mitternich. Впрочем, сам автор, ранее (С. 55), говоря о Нессельроде,

⁶ *Немцы России* = Die Deutschen Russlands: Энциклопедия / Редкол. В. Карев (пред. редкол.) и др. В 3-х тт. М., 1999-2006.

называет его без ссылок на чье бы то ни было суждение «учеником известного австрийского дипломата К. Меттерниха». Забавно, что в приложенном переводе на русский язык названия книги Mitternich так и транскрибирован – Миттерних! В прошлом рецензент указывал автору на эту ошибку, но она так и осталась не исправленной.

Вообще же, по мнению рецензента, большинства приложений, а их к основному тексту книги 9, вполне могло бы и не быть, например, приложений, касающихся орденов Российской империи или чинов по Табели о рангах или того, что под названием «Районы деятельности посольств, консульств, миссий Российской империи за границей». Все это – данные, мало что прибавляющие к уже известным сведениям, данные, имеющие второстепенное значение, которые интересующиеся без труда могут найти в специальной литературе, но это, как говорится, дело вкуса.

На обороте титульного листа, как это и положено, помещена аннотация о настоящей книге, но каких бы то ни было указаний, кому она адресуется, мы не найдем. Их отсутствие отчасти восполняется в послесловии «Об этой книге», принадлежащем перу кандидата искусствоведения Ираиды Куртовны Ботт: «Книга будет полезна всем интересующимся российской дипломатией, а также историей и судьбой известных и малоизвестных немцев в России» (С. 424). В отличие же от заместителя директора по научной работе ГМЗ «Царское Село» рецензент после ознакомления с рукописью, а затем с книгой до сих пор в затруднении определенно и с уверенностью сказать, кому эта книга может быть адресована и кому она окажется полезной.

На этом можно было бы остановиться, но в заключение еще один, последний, штрих к рецензируемой работе, который, впрочем, не имеет никакого отношения к немцам на дипломатической службе Российской империи. Книге предпослана не только страница, озаглавленная «Об авторе этой книги», но и «Посвящение», которое располагается на последующих двух страницах. Автор посвятила свой труд троюродному брату, видному советскому дипломату А.А. Фомину. Посвящение не вызывает никаких возражений, за исключением подписи под фотографией: «Л.И. Брежнев, А.А. Фомин, Д. Картер». Именно так все эти персоны и располагаются на фото слева направо. Однако в чертах третьей персоны, попавшей в кадр, что называется, вполоборота, на фотографии сразу и безошибочно угадывается 37-й президент США Ричард Милхауз Никсон, тот самый, который должен был во избежание скандального импичмента и, разумеется, против своей воли, все-таки уйти в отставку со своего поста. Так что ныне удостоившийся государственных похорон США Джеймс Эрл Картер здесь совершенно не при чем.

Полагаю, что из подобных «мелочей», которых при ближайшем рассмотрении можно было избежать, складывается помимо всего прочего и общее впечатление о книге.

Для цитирования: *Искюль С.Н.* Новые издания по истории дипломатии: о книге Н.И. Ивановой «Немцы на дипломатической службе в Российской империи» // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 208-217.

РОБЕРТ САУТИ И ЭПОХА РОМАНТИЗМА:
ВЗГЛЯД АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИКОВ XXI В.

Е.А. Языкова

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: yazykova64@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе анализа работ, посвящённых жизни и творчеству Роберта Саути, раскрываются особенности современных историографических тенденций, касающихся, как романтизма в целом, так и Роберта Саути в частности. Новые трактовки «романтизма», при всей релятивности и условности попыток определить его четкие хронологические границы, заключаются в расширении исследовательского поля: на место понимания романтизма как отдельного направления в литературе приходит представление о нем как о некоем мировоззрении, что позволяет поставить новые вопросы в рамках интеллектуальной истории. Это отразилось и в возвращении Р. Саути на авансцену исследовательского интереса: проект «Romantic Circles» отражает поворот от акцентированного изучения поэтических произведений Р. Саути к изучению всего комплекса его творческого наследия.

Ключевые слова: Роберт Саути, «Озёрные поэты», эпоха романтизма, историография романтизма.

ROBERT SOUTHEY AND THE AGE OF ROMANTICISM: THE VIEW OF
ENGLISH-SPEAKING HISTORIANS OF THE XXI CENTURY

E.A. Yazykova

(Saratov, Russia)

e-mail: yazykova64@yandex.ru

Abstract: Based on the analysis of works devoted to the life and work of Robert Southey, the article reveals the features of modern historical and graphic trends concerning both Romanticism in general and Robert Southey in particular. New interpretations of «romanticism», for all the relativity and conditionality of attempts to define its clear chronological boundaries, consist in expanding the research field: understanding Romanticism as a separate trend in literature is replaced by the idea of it as a kind of worldview, which allows us to raise new questions within the intellectual framework. stories. This was reflected in the return of R. Southey to the forefront of research interest: the Romantic Circles project reflects a turn from an accentuated study of R. Southey's poetic works to the study of the entire complex of his creative heritage.

Key words: Robert Southey, «Lake Poets», the age of Romanticism, historiography of Romanticism.

На протяжении большей части XX в. романтизм был относительно стабильной концепцией, основанной на четко определенном и

ограниченном литературном каноне, в центре которого находилась поэзия как доминирующий жанр. Однако в конце 1970-х и 1980-х гг. появилось совершенно новое понимание эпохи романтизма. Произошел не один, а скорее несколько сдвигов познавательных парадигм, в результате которых сегодня романтизм предлагается рассматривать как открытое междисциплинарное поле, а не как четко определенное и обособленное литературное направление. Как отмечают английские исследователи Джоэл Фафлак и Джулия М. Райт: «Изучение романтизма, как и другие литературные направления, претерпело ряд кардинальных изменений за последние тридцать лет»¹. Эти изменения были в основном связаны с многочисленными публикациями в области нового историзма² и гендерных исследований³. Исследователи больше не рассматривают так называемую «Большую шестерку» (Уильям Блейк, Уильям Вордсворт, Сэмюэл Тейлор Кольридж, лорд Байрон, Перси Биши Шелли, Джон Китс), как некую константу. Сегодня романтиками считается более широкий круг авторов, куда входят как мужчины, так и женщины⁴.

Большинство исследований, опубликованных в 1990-х и начале 2000-х годов, приняли эту новую и более открытую концепцию романтизма, сосредоточив внимание на историческом контексте, включая темы политики, общества, науки, расы и гендера.

Цель современных исследований, касающихся изучения эпохи романтизма – отдать должное разнообразию теоретических подходов к британской истории и литературе, включая феноменологию, постколониальную историю, гендерную теорию или нарратологию⁵.

¹ Faflak J., Wright J.M. A handbook of romanticism studies. Chichester, 2012. P. 1.

² McCalman I. An Oxford companion to the Romantic age: British culture, 1776–1832. Oxford, 1999.

³ Mellor A.K. Romanticism and Gender. New York, 1993; Wolfson S.J. Borderlines: The Shiftings of Gender in British Romanticism. Stanford, 2006.

⁴ См. подробнее: O'Neill M. The Lyric // ed. R. Haekel. Handbook of British Romanticism. Handbooks of English and American Studies 6. Berlin; Boston, 2017. P. 234–255.; Burwick F. Theatre and Drama // Ibid. P. 256–276.; Heinen S. Fiction. // Ibid. P. 256–276.

⁵ См. подробнее: Butler M. Repossessing the Past: The Case for an Open Literary History // Rethinking Historicism: Critical Readings in Romantic History. Oxford, 1989. P. 64–84; Leask N. British Romantic Writers and the East: Anxieties of Empire. Cambridge, 1992; Roe N. The Politics of Nature: William Wordsworth and Some Contemporaries. Basingstoke, 2002; Simpson D. Locating Southey. Eighteenth-Century Studies. 2008. Vol. 41. № 4. P. 565–568.

Что же современные исследователи понимают под «романтизмом», и в какие хронологические рамки его заключают?

Существует множество подходов к определению понятия «романтизм»; между историками, философами и литераторами велись весьма оживленные дебаты по этому поводу, однако мы остановимся на том, что романтизм – представлял собой общемировоззренческое движение, охватывающее все сферы жизнедеятельности человека, и одновременно с этим являлся формой выражения социального протеста против современной общественной действительности, против оправдывающих эту действительность систем⁶.

В отличие от литературных и культурных периодов, названных в честь политических правителей, таких как, например, Елизаветинская или Викторианская эпоха, трудно определить начало и конец эпохи, названной в честь какого-либо господствующего типа мировоззрения. В этом отношении судьба романтизма схожа с эпохой Просвещения или модерна. Периодизация еще более осложняется тем, что романтизм являлся общеевропейским явлением⁷. В Великобритании романтический период, как правило, охватывает пять десятилетий, примерно с 1780-х по начало 1830-х годов. Поскольку романтический период связывают с эпохой революций, то предлагаются два варианта определения его нижней границы: 1) провозглашение независимости США в 1776 г.; 2) Французская революция 1789 г. Что касается верхней границы этого периода, то его маркируют либо биллем о Парламентской реформе 1832 г.⁸, либо 1837 г., когда королева Виктория взошла на трон.

Несмотря на всю привлекательность и логичность, ни одна из этих дат, обозначающих начало или конец периода, не может быть неоспоримой истиной. Когда дело доходит до литературных и культурных изменений, временные рамки являются всего лишь указателями, дающими ориентиры в быстротечном и постепенном развитии.

Новые трактовки эпохи романтизма в целом и британского романтизма в частности не оставили без внимания и таких выдающихся и весьма популярных в Великобритании первой трети XIX в. литераторов, как Роберт Саути (1774 - 1843), который больше известен современному читателю, как один из представителей «Озёрной школы».

⁶ См. подробнее: *Гладышев А.В.* Миры К.-А. Сен-Симона. Между Наполеоном и Людовиком XVIII. Саратов, 2014. С. 177-178.

⁷ *Lessenich R.* The European Context // ed. R. Haekel. Handbook of British Romanticism. Handbooks of English and American Studies 6. Berlin; Boston, 2017. P. 212-231.

⁸ *Романова М.И.* Парламентская реформа 1832 года в Англии и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 67-68.

Начало специальному изучению не только жизненного пути, но и взглядов поэта–лауреата положили еще его современники в XIX в.⁹, ряд работ о нем появлялся и в течение XX в. Однако и эти работы в основном касались или биографии Р. Саути, или анализа его чисто поэтических сочинений¹⁰. В целом, оценивая историографические работы, вышедшие за два века и посвященные изучению жизни и творчества Роберта Саути, можно отметить, что еще не все аспекты его творческого и интеллектуального наследия были подробно изучены исследователями. Именно поэтому историки и литературоведы, а также философы и филологи XXI в. вновь обратились к изучению фигуры Роберта Саути. Одним из самых ярких проектов, запущенный еще в 1996 г., но до сих пор сохраняющий свою популярность и актуальность является «Romantic Circles»¹¹. «Romantic Circles» – это академический рецензируемый веб–сайт, посвященный изучению истории, литературы и культуры эпохи романтизма. «Romantic Circles» поддерживается Университетом Колорадо в Боулдере.

Интеллектуальное сообщество, занимающееся изучением культурного наследия Роберта Саути в рамках «Romantic Circles», возглавляют Линда Пратт – профессор современной литературы и директор Центра региональной литературы и культуры Ноттингемского университета, Тим Фулфорд – профессор английского языка в Университете Де Монфор и Ян Паркер, преподаватель истории в Университете Линкольна и научный сотрудник Королевского исторического общества.

Л. Пратт обратила внимание на то, что научное сообщество до сих пор лишено полного, аннотированного издания корреспонденции поэта–лауреата. Часть его переписки была опубликована в течение XIX – XX вв., но корреспонденция Р. Саути оказалась рассредоточена по разным изданиям, что может быть объяснено перипетиями личной жизни мыслителя. В 1839 г. Р. Саути повторно женился, его избранницей стала малоизвестная поэтесса Кэролайн Боулз. Этот брак оказался неприятным событием для семьи и друзей поэта. Начавшиеся проблемы с

⁹ См. например: *Browne C.T.* Life of Robert Southey. London, 1854; *De Quincey T.* Recollections of the Lakes and the Lake Poets. Edinburgh, 1862; *Dowden E.* Robert Southey. New York, 1887; *Dennis J.* Robert Southey; the story of his life written in his letters. Boston, 1887.

¹⁰ См. например: *Haller W.* The Early Life of Robert Southey, 1774 – 1803. New York, 1917; *Simmons J.* Southey. London, 1945; *Carnall G.* Robert Southey and His Age: The Development of a Conservative Mind. Oxford, 1960; *Curry K.* Southey. London; Boston, 1975.

¹¹ Romantic Circles. – [Электронный ресурс] - URL: <https://romantic-circles.org> (Дата обращения: 01.04.2024).

психическим здоровьем сделали мыслителя равнодушным к семейным распрям. Р. Саути тихо скончался в своем любимом Озёрном крае в 1843 г. Однако вражда за право распоряжаться культурным наследием мыслителя продолжалась и после его смерти. Неспособность прийти к согласию помешала Генри Тейлору¹² завершить официальную биографию «Жизнь поэта–лауреата» и привела к выпуску конкурирующих и неполных изданий писем и стихотворений Р. Саути, каждое из которых содержало лишь часть его эпистолярного и поэтического наследия.

Именно поэтому, работа проделанная редакторами «Сборника писем», представленного на «Romantic Circles» – заслуживает особого внимания. Л. Пратт и Т. Фулфорд справедливо указывают на то, что более чем полуторавековое редакторское пренебрежение к эпистолярному наследию Р. Саути вызывает у современных исследователей недоумение¹³. Авторы проекта настаивают на том, что Р. Саути являлся автором, имеющим решающее значение для понимания эпохи романтизма. Поэт-лауреат был инициатором создания новых жанров, определяющих романтизм (колониальный эпос, рыцарский роман в стихах, лирическая баллада, биография), участником глобализированной культуры и политическим комментатором периода социальных, политических и культурных потрясений. А завершение проекта (на данный момент планируется издание 36 печатных томов¹⁴) поможет ученым не только проследить эволюцию социально-политических, религиозных, культурных взглядов Р. Саути, но и ознакомиться с новыми материалами о Байроне, С.Т. Кольридже, У. Вордсворте, Х. Дэви, М. Уолстонкрафт, и всеми теми современниками, с которыми сотрудничал мыслитель и которые, в целом, представляют романтизм в его многообразном, сложном и транснациональном проявлении.

Сборник писем Р. Саути снабжен редакторскими примечаниями к тексту, касающимися упоминаемых людей, книг, мест и событий в тексте каждого отдельного письма. Примечания также содержат цитаты и переводы материалов с иностранных языков.

¹² Генри Тейлор (1800–1886) – поэт и государственный служащий. Р. Саути познакомился с Тейлорами в начале 1810–х гг. через своего брата Тома Саути.

¹³ Pratt L., Fulford T. Editing Robert Southey for the twenty-first century // *European Romantic Review*. 2008. Vol. 19. №. 2. P. 195.

¹⁴ Ibid. P. 191.

Редакторы выделили специальные разделы, так, например, раздел «Хронология»¹⁵, который охватывает ключевые события в жизни Р. Саути, или раздел «Биографии»¹⁶, который систематизирует корреспонденцию Р. Саути по лицам.

Отдельно хочется отметить работу редакторов сайта, чьи монографии и статьи, касающиеся изучения культурного наследия Р. Саути, получили признание в научных кругах.

Профессор Линда Пратт опубликовала ряд работ, посвященных фигуре Роберта Саути и его окружению. Самой известной из них стал сборник «Роберт Саути и контексты английского романтизма»¹⁷. В нем автор вместе с коллегами весьма успешно доказывает, что поэт–лауреат оказал мощное влияние на своих современников как поэт, историк и политический комментатор. Таким образом, этот сборник является частью нового течения в литературоведении и интеллектуальной истории, которое стремится продемонстрировать необходимость включения Р. Саути в число основных фигур, повлиявших на формирование общественного мнения XIX в. в Великобритании.

В 2006 г. издательство Йельского университета опубликовало работу британского историка, почетного профессора истории Университета Лидса Уильяма Артура Спекса «Роберт Саути: Настоящий литератор»¹⁸. Автор указывает на то, что при жизни Роберт Саути был во многом равен своим коллегам «Озёрным поэтам» С.Т. Кольриджу и У. Вордсворту, но после его смерти их успех затмил его былую славу. В своей работе У.А. Спекс утверждает, что если поэзия Р. Саути больше уже не столь значима, то его прозаическим произведениям следует отдать должное. Презентация Р. Саути не только как поэта, но и как мыслителя, помещение его фигуры в исторический контекст актуализирует интерес к его творческому наследию.

В 2007 г. в свет вышла монография английского исследователя Кэрол Болтон «Создание империи: Роберт Саути и романтический

¹⁵ Pratt L. Robert Southey: A Selective Chronology 1774–1827. – [Электронный ресурс] - URL: https://romantic-circles.org/editions/southey_letters/-editions.southey_letters.chrono.html (Дата обращения: 02.04.2024).

¹⁶ Pratt L. Biography. – [Электронный ресурс] - URL: https://romantic-circles.org/editions/southey_letters/people.html#CollinsCharles (Дата обращения: 02.04.2024).

¹⁷ Pratt L. Robert Southey and the Contexts of English Romanticism. The Nineteenth Century Series. Aldershot, 2006.

¹⁸ Speck W.A. Robert Southey: Entire Man of Letters. New Haven, 2006.

колониализм»¹⁹. Здесь работы Роберта Саути рассматриваются сквозь призму изучения взаимосвязи между романтической литературой и колониальной политикой Британской империи первой трети XIX в.

Наконец, к анализу творческого наследия Р. Саути обратился британский историк Ян Пакер. В 2018 г. в свет вышла книга «Испания в британском романтизме»²⁰, для которой Ян Пакер и Линда Пратт подготовили главу под названием «Роберт Саути и Кампания на полуострове». В этой главе рассматриваются два полузабытых аспекта деятельности Р. Саути на Пиренейском полуострове – его публикации в «*Edinburgh Annual Register*» и незаконченная серия работ, посвященных войне на Пиренейском полуострове. Работа Яна Пакера и Линды Пратт помогает получить более полное представление о взглядах Р. Саути на события эпохи Наполеоновских войн и вообще на роль литератора и историка в общественной жизни Великобритании первой трети XIX в. Ян Пакер в статье «"Коварный намек": Роберт Саути, Азенкур и Столетняя война»²¹, анализируя юношеское сочинение Роберта Саути «Жанна д'Арк» (1796), показывает, какую роль сыграла битва при Азенкуре (1415) в романтическом прославлении национального героизма англичан.

Таким образом, новые трактовки «романтизма», при всей релятивности и условности попыток определить его четкие хронологические границы, заключаются в расширении исследовательского поля: на место понимания романтизма как отдельного направления в литературе приходит представление о нем как о некоем мировоззрении, что позволяет поставить новые вопросы в рамках интеллектуальной истории. Это отразилось и в возвращении Р. Саути на авансцену исследовательского интереса: проект «*Romantic Circles*» отражает поворот от акцентированного изучения поэтических произведений Р. Саути к изучению всего комплекса его творческого наследия.

Для цитирования: Языкова Е.А. Саути и эпоха романтизма: взгляд англоязычных историков XXI в. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 218-224.

¹⁹ Bolton C. *Writing the Empire: Robert Southey and Romantic Colonialism*. Routledge, 2007.

²⁰ Saglia D., Haywood I. *Spain in British Romanticism*. New York; London, 2018.

²¹ Packer I. '[A] treacherous allusion': Robert Southey, Agincourt and the Hundred Years War // *Literature & History*. 2017. Vol. 26. №. 1. P. 24–38.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

ВУЗ –	Высшее учебное заведение
АВПРИ –	Архив внешней политики Российской империи
ВПР –	Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы
ГА РФ –	Государственный архив Российской Федерации.
ГА СО –	Государственный архив Саратовской области.
ГАНИСО –	Государственный архив новейшей истории Са- ратовской области
ИИиМО –	Институт истории и международных отноше- ний
ИРИ –	Исламская Республика Иран
ИРИ РАН –	Институт Российской истории РАН
КВЖД –	Китайско-Восточная железная дорога
КПСС –	Коммунистическая партия Советского Союза
МВТУ –	Московское Высшее техническое училище
МГУ –	Московский государственный университет
НОЦ –	Научно-образовательный центр
ПСЗРИ –	Полное собрание законов Российской империи
ПСС –	Полное собрание сочинений.
РГАЛИ –	Российский государственный архив литературы и искусства.
РГВА –	Российский государственный военный архив
РГВИА –	Российский государственный военно-историче- ский архив
РГИА –	Российский государственный исторический ар- хив
РИО	Российское императорское общество
РККА –	Рабоче-крестьянская Красная армия
РПЦ –	Русская православная церковь
РСДРП –	Российская социал-демократическая рабочая партия
РУЖД –	Рязано-Уральская железная дорога

СППИ	Саратовский государственный педагогический институт
СЛОИ –	Соловецкий лагерь особого назначения
ЦАМО –	Центральный архив Министерства обороны
ЦМ ВНГ РФ -	Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 28/29

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*
Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, С.Н. Берднов*

Подписано в печать 30.12.2024. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 11,8. Тираж 300 экз. Заказ № 55514.

Типография «Техно-Декор».
410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 77-08-48
e.mail: t-d@list.ru

ISSN 2218-5488

